

АНТИЧНАЯ ТИРА И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЕЛГОРОД

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АНТИЧНАЯ ТИРА И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЕЛГОРОД

Сборник научных трудов

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1979

Сборник содержит материалы археологических раскопок (1962—1976 гг.) многослойного памятника в г. Белгороде-Днестровском Одесской области Украинской ССР, содержащего напластования античного города-государства Тиры, золотоордынского, молдавского и турецкого городов.

Освещаются проблемы стратиграфии памятника, исследуются надписи, монеты и другие материалы, открытые в ходе раскопок.

Рассчитан на историков, археологов, музееведов и студентов вузов.

Редакционная коллегия

С. А. БУЛАТОВИЧ, В. П. ВАНЧУГОВ, Г. А. ДЗИС-РАЙКО,

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ (ответственный редактор),

И. Б. КЛЕЙМАН (ответственный секретарь).

Рецензенты

Д. Б. ШЕЛОВ, В. Н. СТАНКО

Редакция исторической и археологической литературы

Книга посвящена Тире — одному из античных городов Северного Причерноморья, расположенного на территории г. Белгорода-Днестровского Одесской области, который изучается археологами более 70 лет.

Это первое и далеко не полное издание материалов раскопок античной Тиры и возникшего на ее развалинах средневекового Белгорода, которые велись в 1962—1976 гг.

В статьях сборника нашли отражение наиболее важные итоги исследований этих лет: открытие и изучение оборонительных сооружений цитадели Тиры, выделение из напластований города первых веков н. э. позднеантичного слоя второй половины III—IV вв. н. э., определение восточного характера культуры средневекового города конца XIII—XIV вв. н. э.

Сборник открывается двумя научными отчетами о раскопках древнего города. В первом из них представлены результаты раскопок А. И. Фурманской в 1962—1963 гг.: публикуются итоги изучения городского района Тиры, включавшего остатки пяти домов и двух улиц эллинистического и римского времени, обращается внимание на особенности планировки жилищ, благоустройство дворов и улиц, на находки в этом районе.

В отчете С. Д. Крыжицкого и И. Б. Клеймана главное место уделено раскопкам напластований первых веков н. э., в слое которых открыты оборонительные сооружения, ограждавшие небольшую площадь восточной части города. Авторы утверждают, что на этой территории во II — середине III вв. н. э. располагался римский гарнизон, однако построены оборонительные стены были в более раннее время. Окончательное выяснение их назначения, характера и датировки станет возможным только в ходе последующих раскопок.

Археологический памятник, о котором идет речь, включает также мощные остатки средневекового города. Статья А. А. Кравченко содержит описание открытых производственных печей золотоордынского Белгорода конца XIII—XIV вв. н. э.

В работе И. Б. Клеймана о стратиграфии напластований города даётся характеристика восьми пластов в его культурном слое, предложена хронология и определена этнокультурная принадлежность каждого из них.

Далее П. О. Карышковским и А. С. Коциевским в книге исследуются две группы важнейших источников по истории античного города: монеты из раскопок 1963—1976 гг. и памятники лапидарной эпиграфики. Нумизматические и эпиграфические данные подтверждают тесную связь Тиры в I в. н. э. с Римом, дают материал для характеристики экономики и культуры, позволяют установить не только относительную, но и абсолютную хронологию открытых остатков. Наконец, А. В. Гудковой сделана попытка систематизации одной из групп столовой керамики, бытовавшей в городе.

Раскопки Тиры и средневекового Белгорода вела экспедиция Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея АН УССР под руководством С. Д. Крыжицкого, И. Б. Клеймана, А. А. Кравченко. В полевых исследованиях и обработке материалов приняли участие научные сотрудники Института археологии АН УССР, Одесского археологического музея АН УССР, Одесского государственного университета и других учреждений: А. В. Гудкова, В. Н. Корпусова, Н. М. Кравченко, А. Г. Плешивенко, Т. Л. Самойлова, Н. А. Сон, С. В. Строкин, И. Л. Штатман.

А. И. ФУРМАНСКАЯ

РАСКОПКИ ТИРЫ В 1962—1963 гг.

В работе Тирасской экспедиции 1962—1963 гг. принимали участие сотрудники ИА АН УССР, кроме автора статьи (В. А. Анохин, Е. К. Гончарова, Е. А. Паршина, Е. Ф. Покровская, А. С. Русяева), Белгород-Днестровского историко-краеведческого музея (П. К. Авербух) и Одесского археологического музея (Н. М. Андрунина, Р. Д. Бондарь, И. Б. Клейман, А. Е. Паршиков).

Раскопки велись на территории прикрепостной площади, то есть на раскопе А, расположенном к северо-северо-востоку от главных ворот Аккерманской крепости. Основная задача экспедиции заключалась в том, чтобы на открытой в предыдущие годы площади продолжить исследования античных слоев. В течение 1953, 1958—1963 гг. были исследованы дома римского времени (III и IV), расположенные к востоку и западу от Первой поперечной улицы, раскопана Первая продольная улица, дома (V и VI), расположенные по обеим сторонам этой улицы, а также здание эллинистического периода (II).

Рассматривая раскопанные помещения, дворы, участки улиц, можно говорить о планировке отдельных домов и городских кварталов (рис. 1). К западу от Первой поперечной улицы раскопана восточная половина большого богатого дома (IV), состоявшая не менее чем из пяти помещений, одного внутреннего дворика и двора с выходом на улицу. Западную половину дома перекрывают средневековые памятники. Дом (III) к востоку от Первой поперечной улицы раскопан полностью; он разделялся внутренним двором на две половины, северная часть дома в основном разрушена памятниками XIII—XIV вв., сохранились только два помещения. Лучше сохранилась южная часть дома. Трудно утверждать, но вероятно, что южная глухая стена дома примыкала к Первой продольной улице, а через дверной проем, расположенный в западной стенке двора, выходила на Первую поперечную улицу. Этот дом состоял не менее чем из семи или восьми помещений и имел два внутренних двора. Размеры, как западного, так и восточного домов довольно велики (около 500 м²). Богатый инвентарь, обнаруженный

в раскопанных помещениях, большое количество монет, спрятанных в одном из помещений восточного дома (здесь они хранились в горшочке, а в другом месте, в северной половине дома, по-видимому, — в мисочке; вместе с монетами был найден золотой перстень-печать) (Фурманская, 1963а; Анохин, 1975), — все это позволяет высказать предположение о принадлежности восточного дома одному из богатых граждан Тире. Есть все основания считать, что в первых веках н. э. здесь находилась центральная часть города.

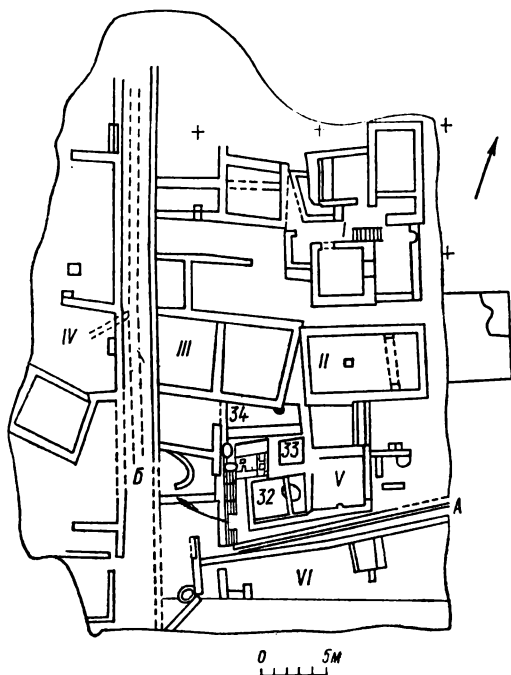

Рис. 1. Схема расположения домов эллинистического (I, II, VI) и римского времени (III, IV, V) между Первой продольной (А) и Первой поперечной (Б) улицами.

(только на трех карамидках обнаружены клейма Гераклеи Понтийской), в основном первых двух хронологических групп (по Б. Н. Гракову). Под рухнувшей крышей найдена расписная штукатурка, найдены плитки с зооморфными и растительными орнаментами, а также с имитирующей мрамор раскраской — светлокремовой с красными прожилками, черной. Это позволяет утверждать, что стены были оштукатурены и покрыты фресками, возможно, в духе второго Помпеянского стиля. Между прочим, интересно отметить, что наши плитки с растительным орнаментом близки ольвийской расписной штукатурке.

Не меньшее значение имеют находки, обнаруженные в засыпи помещений и над полом. Если для подвальных помещений рыли специаль-

В 1959 г. раскопано здание II, расположенное между небольшим переулком и Первой продольной улицей; здание находилось по направлению с востока на запад (20×15 м) и состояло из подвального этажа и надземных помещений. Оно построено в конце IV в. до н. э., функционировало в III—II вв. до н. э. и в течение этого времени несколько раз перестраивалось. В конце IV в. до н. э. основание для утверждения о постройке здания представляют клейма на целом ряде экземпляров черепиц от рухнувшей кровли, обнаруженной на полу надземного помещения. Всего в комплексе — около 40 клейм на целых черепицах или на их фрагментах. Большинство из них — это клейма синопских мастерских

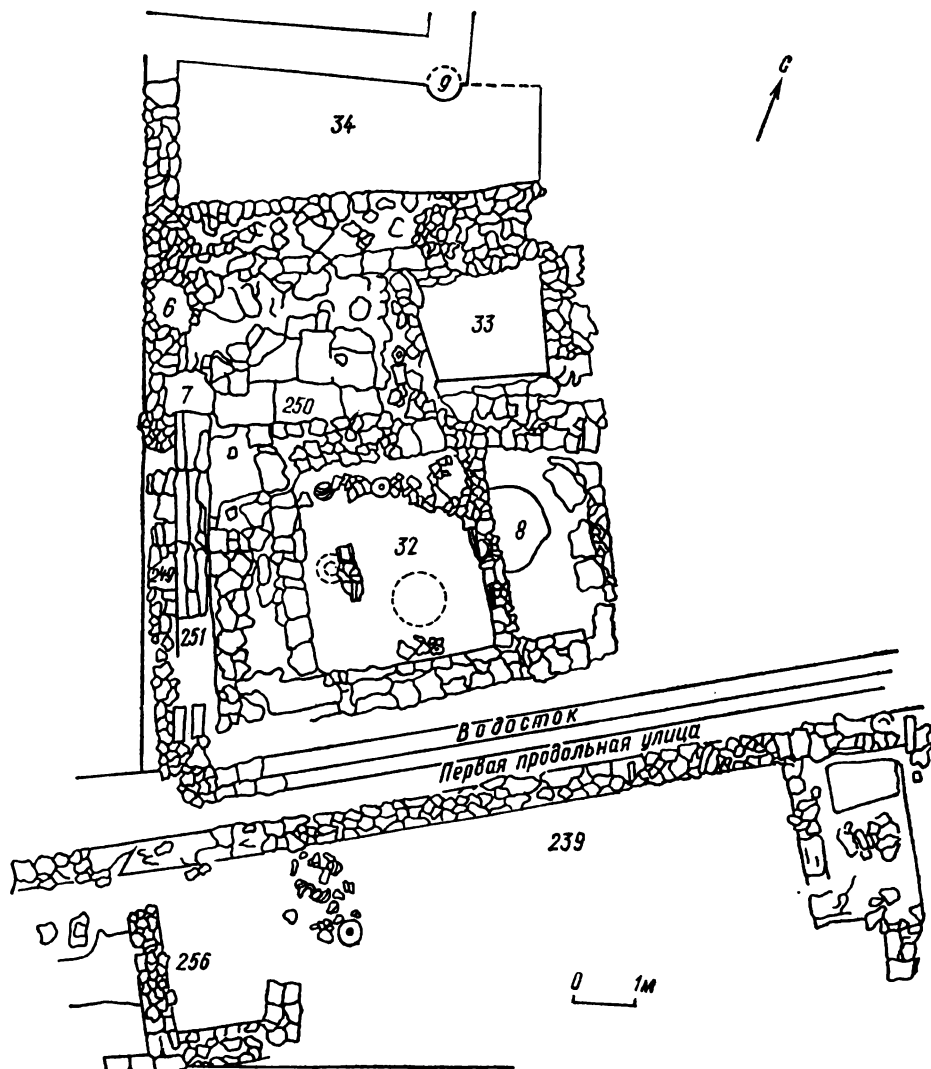

Рис. 2. Обмерный план строительных остатков:

подвалы (32, 33, 34), ямы (8, 9) и кладка (239) эллинистического времени; вымостка (250), водосток (25) и стена (249) римского времени; позднеантичные ямы (6, 7).

ные котлованы в материке, то помещения надземного этажа сооружались на специальной подушке из песка. В западной части здания были раскопаны три помещения (32, 33, 34) хозяйственного назначения (рис. 2). Северное помещение (34) раскрыто не полностью, раскопан-

ная площадь равна 18,2 м², а остальная часть его перекрыта помещением дома римского времени (III). Восточная стена этого помещения общая с соседним (27), причем нижние ряды кладки отличаются от верхних; стена сохранилась частично. Южная стена (длина 6,5 м) производит впечатление контрфорса для западной стены, она сложена из плохо обработанных камней, на глине. Наибольшая сохранившаяся высота южной стены — 1,6 м. В восточной части помещения обнаружена яма (9), диаметр горловины 0,55 × 0,60 м, диаметр дна 1,10 × 1,15 м, глубина ямы 1,25 м. Яма была вырыта в материке, ее твердые стенки сглажены. Наиболее ранний материал датируется III в. до н. э.: фрагмент краснофигурного лекифа позднего стиля, горло гераклеийской амфоры с энглифическим клеймом, фрагменты лутериев синопского производства, обломки лепных горшков с орнаментом пальцевых вдавлений на плечиках, сероглиняный с темным покрытием одноручный кувшин, пряслице, а также два маленьких лепных сосуда типа солонки и светильника.

На площади описываемого помещения от пола до сохранившегося верхнего ряда южной стены выявлено несколько горизонтов упавшей черепицы, камней, керамики, залегающих в желтой глине. В этом глинистом заполнении находок было мало, в основном материалы III—II вв. до н. э. Интересно отметить, что среди фрагментов черепицы встретился обломок синопской черепицы с таким же клеймом, как и в обвале рухнувшей кровли. Наиболее интересные находки верхней части засыпи: черная стеклянная литая подвеска в виде головы негра, терракотовая фигура баранчика, половина литейной формы, сделанная из ручки родосской амфоры для отливки украшений (серег?), глиняная тессера круглой формы (две аналогичные были найдены раньше, одна в 1946, другая в 1960 г., в засыпи парадного подвального помещения 25), на лицевой стороне которой изображена мужская голова вправо, на оборотной — остродонная позднеэллинистического времени амфора в венке из виноградных листьев и ягод, внизу, под подбородком, — сквозное отверстие. Диаметр глиняного кружка 2,4 см. Немногочисленны находки чернолаковых и буrolаковых сосудов, украшенных накладным орнаментом. Среди завала черепицы найдены крупные фрагменты большого лепного лощеного сосуда, он полностью реставрирован. Сосуд имеет слегка отогнутый наружу край, округлые стенки, плавно сужающиеся к плоскому днищу. Высота сосуда около 48 см; диаметр днища 17, у венчика 36 см. В верхней части сосуда украшен горошинами, между ними рельефная дужка, почти посредине сосуда расположены ручки-упоры. Такие сосуды датируются IV—III вв. до н. э. Аналогичные им находки встречаем среди гето-дакийских памятников IV—III вв. до н. э. на территории Румынии, близкие по форме сосуды найдены на Роксоланском городище. Найдены и обломки лепных сосудов с шишкообразным выступом с пальцевым вдавлением и с расходящимися от него валиками с вдавлениями. Аналогичные обломки встречены и на ольвийской агоре. Глинистое заполнение перекрывали

перемежающиеся слои глины, золы. Толщина этих прослоек разная: 0,25; 0,20; 0,16 м и меньше. Общая толщина их до 1 м. Вместе они представляют собой своеобразный фундамент для домов римского времени.

В 1962—1963 гг. было раскрыто помещение 33 площадью 3,70 м², наибольшая сохранившаяся высота стен 1,70 м. Помещение пристроено

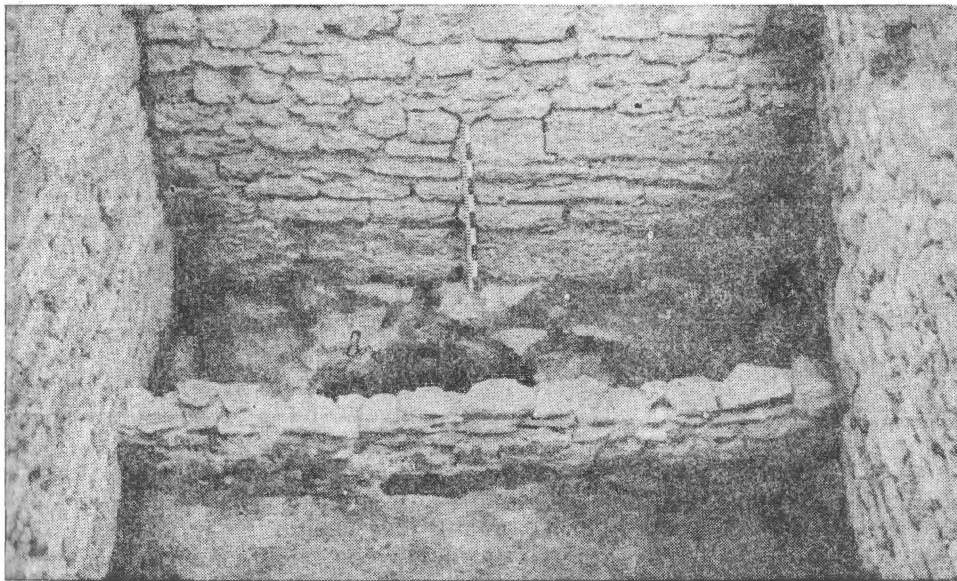

Рис. 3. Восточная часть подвала 32.

к южной стене помещения 34. В нем были найдены фрагменты шести амфор (синопской, фасосской и, возможно, амфоры Византия). В этом же помещении обнаружены фрагменты черепиц рухнувшей кровли здания (среди них одна гераклеяская с ретроградным клеймом), кухонная и столовая посуда.

Площадь следующего помещения (32) равна 14,56 м², стены сооружены впереплет, за исключением западной, между нижними рядами западной стены и южной заметен шов. Сохранность хорошая, высоты 2,40 м. Западная и южная стены представляют собой однорядную кладку шириной 0,40 м, северная и восточная — двурядовую шириной 0,65 м; уложены плиты на глинистом растворе. Техника кладки стен своеобразная: чередование рядов крупных плит (размером 1,15, 1,30, 0,95 × 0,25, 0,20, 0,15 м) с рядами плит средних размеров и даже мелких камней (0,18 × 0,05 м, 0,22 × 0,22 × 0,10 м). Нижняя западная часть северной стены сложена по технике «кордон на ребро, плита на образок» (рис. 3).

В восточной части помещения была раскопана яма (8), вырытая в материке, диаметром 1,25, глубиной 0,50 м, диаметр по дну 1,40 × 1,50 м (рис. 2). Во время перестройки яма была засыпана сероглинистой землей и желтой глиной, а в дальнейшем на ней была построена перегородка, представляющая собой однорядную кладку шириной 0,30 м. Материал ямы немногочислен: днище родосской амфоры с перегоревшими зернами ячменя, фрагменты синопских лутериев, обломки ручки синопской амфоры с буквой Е, написанной краской, восемь пирамидальных грузил из глины с примесью соломы и шамота (высота 10 см, диаметр отверстия 1,5—2,0 см). В яме найдены куски древесного угля, два предмета конусовидной формы с углублениями на вершине высотой 28 см, диаметр дна 18 см. Глубина отверстия на вершине 12 см, ширина 5—6 см; в углублениях обнаружено много золы, назначение их не ясно.

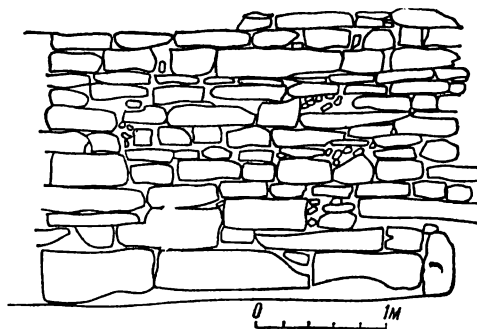

Рис. 4. Фасировка западной стены помещения (32):

А — 4,25 м от уровня земли у ворот крепости; Б — 6,45 уровень пола.

Не меньший интерес представляет засыпь помещения (32) и обнаруженный в ней вещевой материал. Нижняя часть засыпи над полом помещения представляла собой сероглинистый золистый слой с большим количеством находок. На различных уровнях встречались небольшие завалы керамики, мелкие камни, несколько плит средних размеров (0,40 × 0,32 м). Нижнюю часть засыпи перекрывали перемежающиеся слои желтой глины и золы толщиной 0,70 м, также с находками эллинистического времени. В засыпи этого подвала преобладали обломки амфор — синопские, фасосские, радосские и херсонесские, а также амфоры типа Солоха I — Солоха II. Обнаружено также много керамики ольвийского или северопричерноморского производства с росписью по лощенной поверхности — кувшины, рыбные блюда, тарелки, лутерии. Глина их кирпично-красного цвета с мелкими белыми вкраплениями подобна той, из которой изготовлена ольвийская столовая посуда. В засыпи встречались и обломки чернолаковой керамики IV—II вв. до н. э., среди них можно выделить и тарелки местного производства, покрытые черной глазурью по серой поверхности, с косыми стенками, загибающимся внутрь краем и кольцеобразной подставкой; представлены среди керамики также красноглиняные двуручные кастрюли, аналогичные встречаемым в Пантикапее и Ольвии (рис. 5).

Пол подвала разрушен, под ним найдена ручка чернолакового килика V в. до н. э., фрагмент чернолакового рыбного блюда IV в. до н. э.,

Рис. 5. Керамика из подвала 32 дома II.

доннышко чернолакового килика IV в. до н. э., красный глиняный флакончик, орнаментированный полосами красной краски.

Разнообразна и найденная в засыпи помещения 32 лепная керамика разных типов. Среди них выделяются прежде всего сосуды, повторяющие формы античной керамики. Это рыбные блюда на кольцевой подставке с солонкой в центре; тесто, из которого они изготовлены,

грубое с шамотом; наружная и внутренняя поверхности, за исключением солонки, покрыты лощением. Тут же найдены кастрюли, представляющие собой подражание наиболее распространенному типу красноглиняной гончарной кухонной посуды. Они имеют круглые стенки, резко отогнутый наружу венчик и небольшой выступ внутри сосуда, образующий уступ для крышки, а также две горизонтальные ручки, плотно прижатые к стенке или венчику. Оба конца ручек присоединены к плечам, а средняя часть дугообразно поднимается кверху. Этот тип посуды также близок ольвийским находкам. Следует упомянуть и горшки с округлыми стенками, почти вертикальным венчиком и слегка отогнутым наружу краем; черепок в изломе серого цвета, стенки тонкие, глина хорошо отмучена; встречаются, наконец, светильники с вытянутым рожком.

Особую группу некружальной керамики представляют лепные орнаментированные сосуды. В засыпи помещения 32 обнаружены фрагменты, близкие керамике акрополя Каменского городища, а также напоминающие по форме лепные горшки Елизаветинского городища. Под венцом расположен орнамент в виде продолговатых вдавливания и ямок, опоясывающих весь сосуд. Много фрагментов горшков с ямочными углублениями по краю и с орнаментом в виде валика с зашипами на плечиках сосуда. Найдены также лепные сосуды баночной формы; тесто грубое, с примесью шамота, дресвы, белых включений; черепок довольно крепкий. На сосудах этой формы встречается орнамент в виде рельефных каменных шишечек, также опоясывающих сосуд (рис. 6). Особый интерес представляют два крупных фрагмента от одной лепной миски с черным блестящим лощением. Эта миска с вертикальным бортиком, скошенными к днищу стенками и несколько загнутым вовнутрь краем имела, по-видимому, кольцевую подставку. Диаметр миски 34 см.

Из других глиняных изделий следует назвать терракоты и грузила. К числу терракот относится нижняя часть женской фигурки — хитон спадает тяжелыми крупными складками вниз, ступня правой ноги выступает несколько вперед; частично сохранилась и верхняя одежда-гиматий, спускающаяся вниз более свободными мелкими складками. Стилистически она близка статуэткам из Танагры. Найдена также и головка девочки от статуэтки танагрского типа, мужская бородатая голова (возможно, Диониса). Что касается грузил, то они лепные, биконической формы и применялись, вероятно, в ткацком ремесле.

К числу немногочисленных костяных изделий относятся намотки, а также стиль со сквозным отверстием длиной 13,5 см.

Изделия из металла также немногочисленны. Это обломок небольшого железного орудия, бронзовые гвоздевидные булавки, медные гвозди и наконечник стрелы, медный рыболовный крючок, свинцовые слиток и гири.

Монеты из засыпи помещения почти все плохо сохранились. Две из них второй половины IV — конца III вв. до н. э. с изображением на лицевой стороне головы Тираса вправо, а на оборотной — стоящего быка

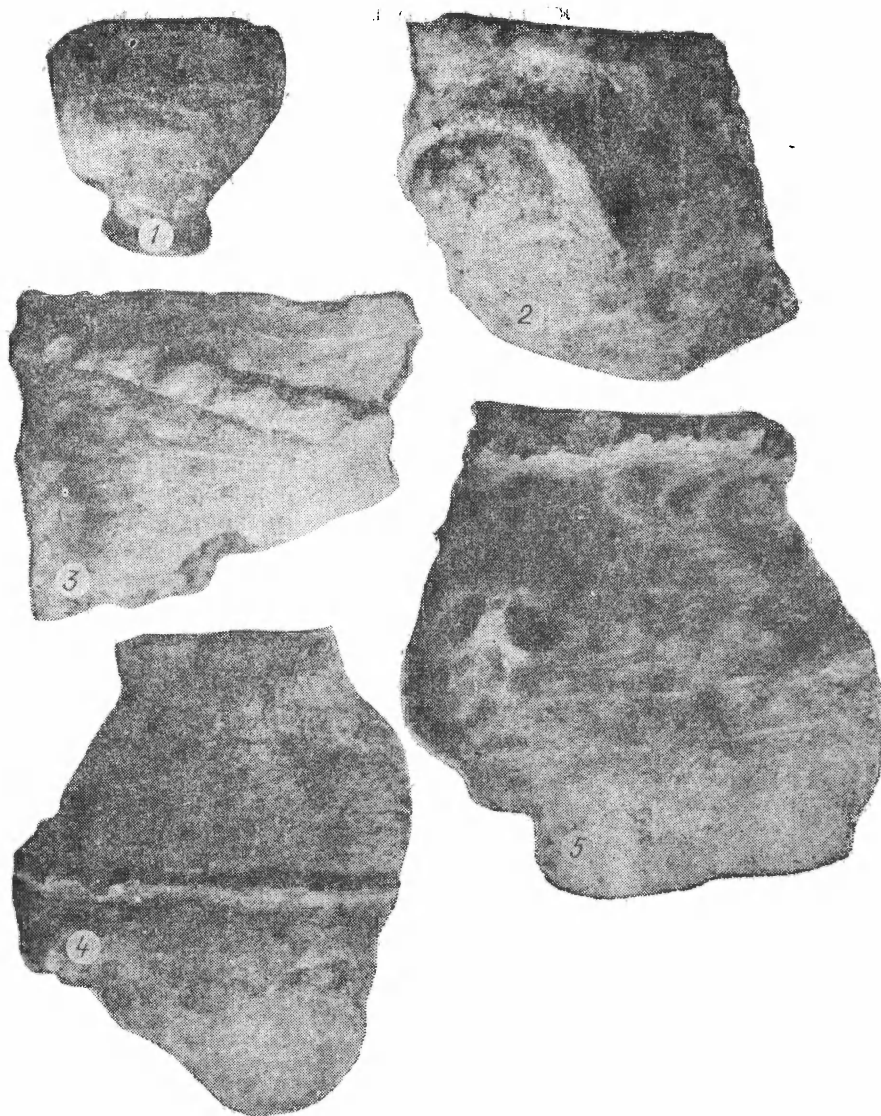

Рис. 6. Лепная керамика из засыпи домов II.

(Зограф, 1951, табл. XXVIII, 7); здесь же обнаружена ольвийская монета с изображением головы Тихи в короне на лицевой стороне и стрелки на обороте с именем архонта Сострата (там же, табл. XXXIII, 21); монета относится к концу IV в. или началу III в. до н. э. Далее при

расчистке западной части южной стены найдена еще одна медная монета Тиры первой половины I в. до н. э. с изображением на лицевой стороне головы Аполлона в лавровом венке вправо и орла с полураскрытыми крыльями на обороте (там же, табл. XXVIII, 19).

На уровне верхнего ряда западной стены интересующего нас помещения 32 была расчищена вымостка из плоских камней, уложенных на

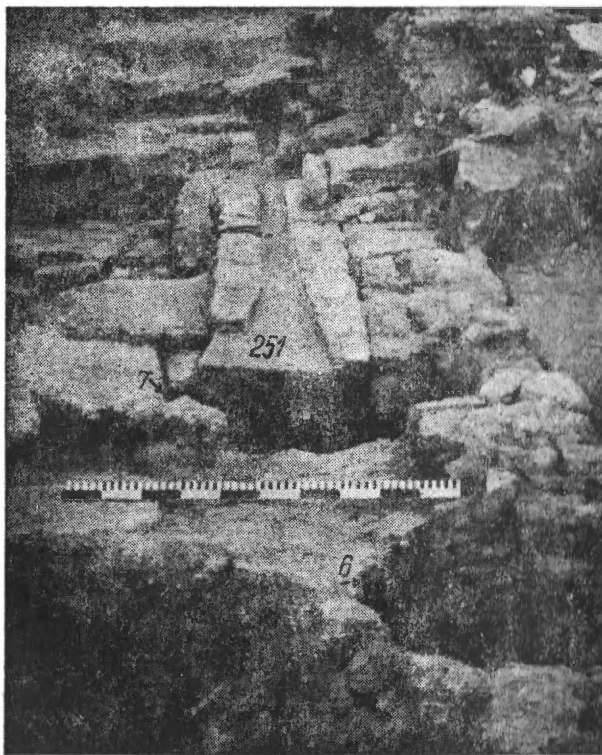

Рис. 7. Водосток дома V, прорезанный позднееантичными ямами 6 и 7.

глинистой трамбовке. Последнюю до конца расчистить не удалось, поскольку ее перекрывает насыпь, на которой сохранились остатки римского времени. Помещение 32 является, таким образом, подвальным. Выходили из него, очевидно, по деревянной лестнице. Примыкает оно к Первой продольной улице. Направление его южной стены соответствует направлению улицы, что позволяет высказать предположение о том, что в этом же месте проходила улица и в эллинистическое время.

С целью выяснения восточной границы здания, а также продолжения переулка эллинистического времени была сделана прирезка к квадрату 2, на котором (на площади 7,5 м с севера на юг и 5,0 м с востока на запад) вы-

явлена жертва, представляющая собой элювиально разрушенный слой известняка, залегающий на неветреный пласт ракушечника. Строительных остатков не обнаружено. Возможно, здесь проходила Первая поперечная улица.

Как было указано выше, здание II было построено в конце IV в. до н. э. и просуществовало, учитывая различные перестройки, по-видимому, до конца II или даже начала I в. до н. э. Не исключено, что здание было разрушено во время нападения гетов на Тиру. Оно суще-

ствовало, следовательно, в период наивысшего расцвета города. Найденные в засыпи помещения эпиграфические памятники, многочисленная клейменная керамика и импортная чернолаковая посуда, монетные находки, привозные терракоты и другие художественные изделия свидетельствуют о широких экономических и культурных связях Тирь. Можно полагать, что описанные выше многочисленные находки лепной керамики свидетельствуют не об этнических изменениях в составе населения города в IV—II вв. до н. э., а о связях с населением Поднепровья и в известной мере Степного Причерноморья.

Верхние сохранившиеся ряды стен эллинистического времени использовались как основания стен домов римского периода. К востоку от Первой поперечной улицы над подвальным помещением эллинистического здания (II) находилось помещение дома римского времени (V). Нижние ряды кладки стен этого дома отступают от вертикальной линии стены раннего подвала на 0,20 м. Помещения этого дома плохо сохранились, высота стен 0,40 м. Помещение, очевидно, имело хозяйственное назначение, в нем раскопана яма, вырытая в желтой глине засыпи, расчищен большой фрагментированный лепной лощеный сосуд, вкопанный в пол, и найден денарий Севера Александра (222—235 гг. н. э.).

К этому же дому относится каменная вымостка двора (250) и дворовой водосток (251), расположенные на восток от помещения (30) (рис. 7). Западной стеной дома является стена (249). Сохранившаяся ее часть имеет длину 10,90 м, ширину 0,65—0,35 м, высоту 0,30—0,40 м. Размеры уцелевшей части вымостки с востока на запад 2,85 м, с севера на юг 1,70 м. Она состоит из больших каменных прямоугольных плит размерами 1,05—1,0 × 0,63—0,50 м и 0,50 × 0,37 м, толщина плит 0,11—0,12 м. Дворовой открытый водосток сооружен вплотную к стене (249). Южная часть водостока проходит под южной стеной дома. В этом месте дворовой водосток соединяется с уличным. Длина дворового водостока 7,60 м. Размеры сохранившихся плит водостока: длина 1,15; 1,10; 0,90 м, ширина 0,46; 0,52, толщина плит 0,18, 0,20 м, ширина выдолбленного в плитах ложа 0,11—0,10 м. Плиты водостока подстилают прослойки золы, гальки, песка, обломки керамики, то есть прослойки, которые отделяют эллинистический слой от раннеримского.

Дворовой водосток, вымостка и стена 249 частично разрушены ямами 6 и 7, относящимися к последнему периоду существования античного города. Яма 6 вырыта в культурном слое, поэтому ее очертания не очень четки. Размеры ямы 1,05 × 0,70 м, глубина 1,10 м. Из ее заполнения наибольший интерес представляет одноручный сероглиняный кувшин с лощеной поверхностью. Высота кувшина 40 см, наибольший диаметр 32,5 см. Найдены также обломок слива сероглиняного лощеного кувшина, фрагмент сероглиняной чашки с орнаментом пролощенных линий на внутренней и наружной поверхностях, обломок стенки лепного лощеного сосуда с рельефным орнаментом, пряслица и др. Очень интересна подставка, обнаруженная между горловиной ямы и стеной 249. Такие муфтообразные подставки найдены повсюду, где сохранились

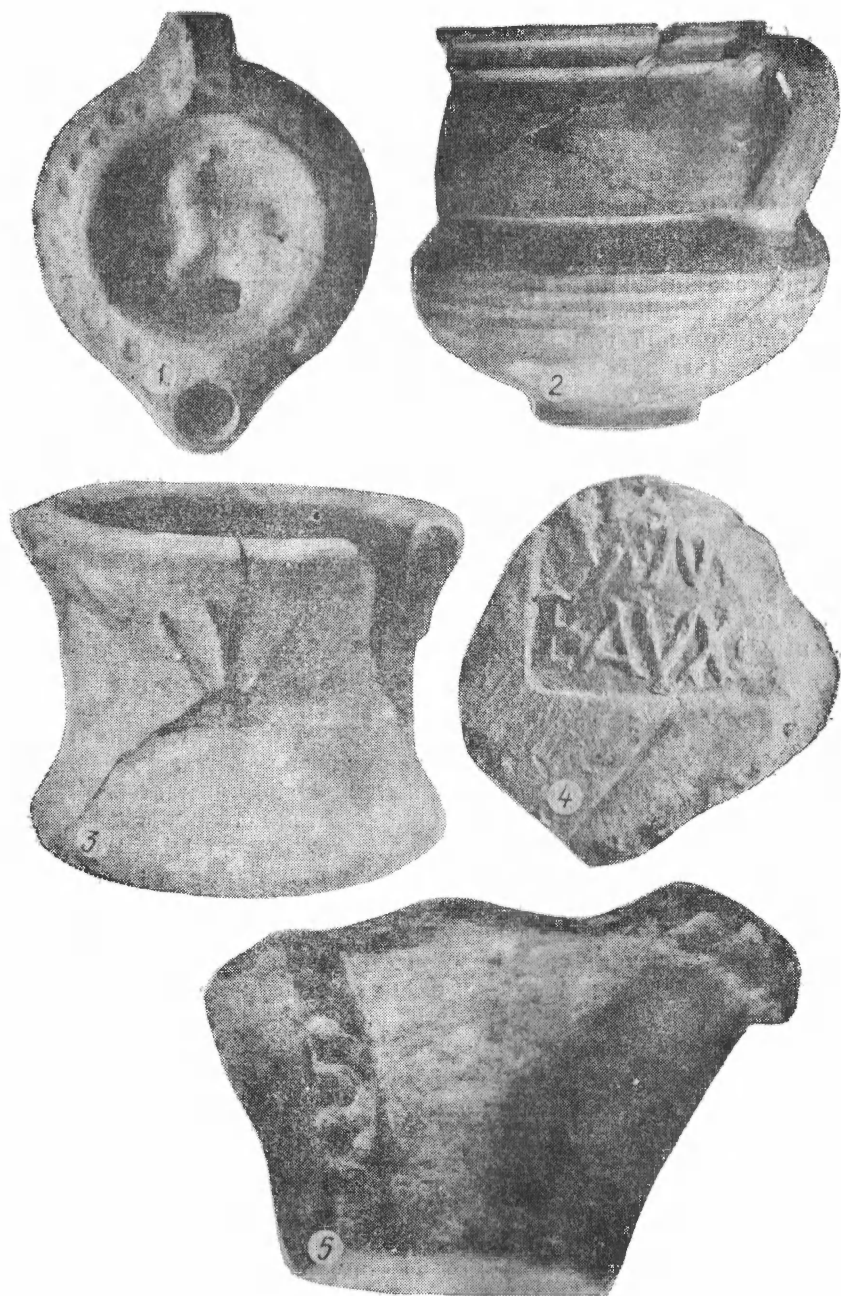

Рис. 8. Находки из римского слоя:

1 — у водостока 251; 2 — из дома VI; 4 — из подвала 32; 3, 5 — у кладки дома V.

остатки керамического производства. Это почти целая подставка с врезной греческой буквой *пси* (рис. 8). Яма 7 расположена к югу от предыдущей, их отделяет плита водостока шириной 0,65 м и длиной 0,75 м. Горловина ямы очерчивается стеной 249, плитами водостока и вымостки. Размеры ямы 1,0 × 0,65 м, глубина 1,10—1,20 м. С трех сторон об-

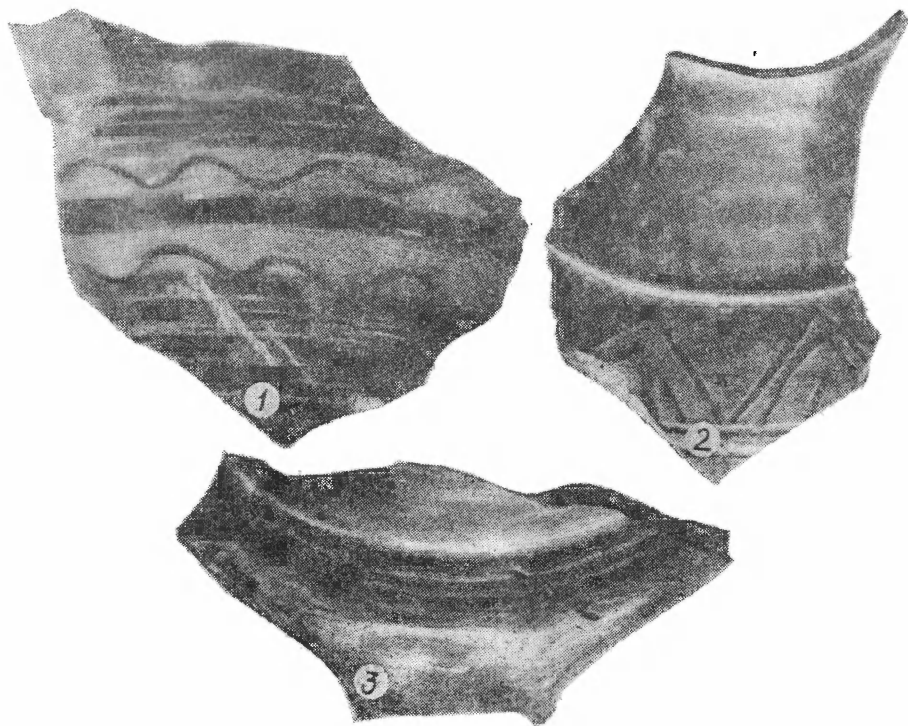

Рис. 9. Фрагменты сероглиняных сосудов из ямы 6.

лицовку ямы представляют камни разрушенной стены, северо-восточная и юго-восточная части ямы обложены камнем и жерстью. Яма была заполнена золой. Находок немного: обломки лепных сковородок с косым бортиком, фрагмент красноглиняного кувшинчика с частичным коричневатым лощением поверхности и с пролощенным орнаментом из треугольников, обломок стенки «треухой» (?), миски с лощеным орнаментом на наружной и внутренней поверхности (рис. 9).

Яма относится к последнему периоду существования города, об этом свидетельствует обнаруженная в ней монета Клавдия Готского (268—270 гг. н. э.).

На квадратах 14—24 исследования велись к югу от Первой продольной улицы. На этой площади раскопано продолжение стены 239;

длина раскопанной части стены 20,35 м. Стена тянется параллельно улице. Ширина стены 0,60, наиболее сохранившаяся высота 0,30 м. Нижние ряды стены состоят из более или менее крупных плит размером $0,60 \times 0,60$ м, а в основном стена сложена из мелких камней. На внутренней стороне местами сохранилась глиняная обмазка. На этих квадратах были раскопаны фрагментарно сохранившиеся поперечные стены, разделяющие дом VI на отдельные помещения. Камни этих стен сложены на земляном растворе. К северо-востоку от стены (254) обнаружен жернов, остатки разрушенного очага в виде кусков печины, размеры его $1,10 \times 1,45$ м. Здесь же была найдена фибула III в. н. э. При разборке очага обнаружен грубый сосудик на плоском кольцевом поддоне, фрагментированный красноглиняный одноручный сосудик (подобные встречались в Тире и Ольвии) с буровато-красным покрытием поверхности. Найдены и более ранние предметы, а также обломки лепной посуды и железный наконечник стрелы. Весь комплекс может датироваться II—III вв. н. э.

Рис. 10. Сероглиняный сосуд из ямы 6.

В 1963 г. было продолжено исследование Первой продольной улицы и водостока под ней. Длина сохранившейся и расчищенной части водостока 14,20, а улицы — более 15 м, замост улицы на протяжении 2,30 м не сохранился, в этом же месте разрушен водосток и ложе не сохранилось на протяжении 1 м. Раскопанная в 1963 г. часть улицы равна 2,65 м при ширине 1,10 м, а длина раскопанной части водостока 1,30 м. В этом месте водосток заложен вертикально поставленной плитой и перекрыт замостом, состоящим из жерствы.

К югу от стены 239 почти на уровне замоста улицы расчищена часть вымостки из жерствы, единичных обломков стенок и ручек амфор. Размеры сохранившейся части вымостки $1,40 \times 1,30$ м. К югу от нее на 0,80 м грунт серый, золистый и напоминает засыпь всех подвальных помещений эллинистического времени. Ограничивают эту засыпь с юга два плоских камня, один из них представляет собой часть плиты, уходящей под нераскопанный борт квадрата 14. При зачистке стены 239 и к югу от нее обнаружен разновременный материал: ручки родосских амфор с клеймами, обломки мегарских чаш, фрагмент днища

краснолакового блюда с изображением ступни, обутой в сандалию, и концентрических кругов штампованных насечек. Блюдо датируется первой половиной I в. н. э., оно малоазиатского производства. Найдены также две монеты Тиры II в. н. э.

Столь же разновременный материал найден и к югу от водостока по Первой продольной улице: ручка родосской амфоры с клеймами, обломки горла гераклейской амфоры, эллинистической посуды, синопской черепицы с клеймами, ручки синопской амфоры с клеймом, два книдских клейма. Наибольший интерес представляет редкое круглое клеймо на ручке родосской амфоры с изображением виноградной грозди. Найдены и обломки сосудов с граффити. Южнее замоста улицы встречена еще одна глиняная тессера в виде кружка диаметром 3 см и толщиной около 0,3 см. На лицевой стороне изображена мужская голова в шлеме, вправо. На сильно стертой оборотной стороне — остродонная амфора с довольно высоким горлом в венке из виноградных листьев.

Одновременно в 1963 г. на той же прикрепостной площади, в небольшой ложбине, в 20 м к югу от основного раскопа А, на расстоянии 57 м к юго-востоку от ворот крепости заложен раскоп В Одесского археологического музея.

**С. Д. КРЫЖИЦКИЙ,
И. Б. КЛЕЙМАН**

РАСКОПКИ ТИРЫ В 1963 И В 1965—1976 гг.

В 1963, 1965—1968 гг. в Тире, в 20 м к югу от участка Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской, где в 1945—1947, 1949—1950, 1953 и 1958—1963 гг. раскапывались жилые кварталы эллинистического времени и первых веков н. э. (Дмитров, 1949; Дмитров, 1952; Дмитров, 1955; Фурманская, 1957; Фурманская, 1962; Фурманская, 1963; Фурманская, 1964), было открыто большое прямоугольное в плане помещение. В нем обнаружен завал кровли с черепицей, клейменной инициалами центуриона I Италийского легиона. Найдены другие данные о пребывании в Тире не позднее начала II в. н. э. отряда римских войск (Никореску, 1937). Все это позволило высказать предположение, что именно это помещение принадлежало векиллиции I Италийского легиона (Клейман, 1971).

Когда в 1969 г. рядом с этим помещением была открыта оборонительная стена, подтвердилось предположение, что здесь находилась цитадель первых веков н. э. Усилия экспедиций последующих лет были направлены на изучение этого уникального памятника. В ходе работ удалось уточнить стратиграфию напластований I в. н. э. (Клейман, 1976) и выделить слой позднеантичного времени, в результате проведенной шурфовки была примерно намечена возможная граница сохранившейся части античного города. Полученные предварительные данные представляют несомненный интерес для науки. Задачей настоящей публика-

ции является по возможности полное освещение основных результатов работ в Тире за последние годы (Крыжицкий, Клейман, 1970; Клейман, 1971; Крыжицкий, Клейман, 1972; Крыжицкий, 1972; Крыжицкий, 1972 а; Кравченко, Клейман, 1972; Клейман, Кравченко, Корпусова, 1974; Клейман, Кравченко, 1975; Клейман, 1975; Клейман, 1975 а; Клейман, Кравченко, Сон, 1976; Клейман, Кравченко, Самойлова, Сон, 1977).

Прежде всего остановимся на основных результатах поисков границ застройки сохранившейся части Тиры (1969—1971).

До 1969 г. по данным отдельных находок и раскопок существовало мнение, что прилиманная часть Тиры разрушена и остатки античного города в настоящее время сохранились лишь на территории средневековой крепости и ближайших к ней кварталов современного Белгорода-Днестровского (примерно до ул. Шевченко). Предполагалось также, что город имел акрополь, располагавшийся на месте средневековой крепости (Фурманская; 1963, с. 41). Поскольку собственно античный культурный слой был открыт только внутри крепости и снаружи у ее главных ворот, было решено провести разведочные работы на территории города (рис. 1). С этой целью к юго-западу, югу и юго-востоку от зафиксированных остатков Тиры (раскоп А) было заложено четыре шурфа*. В трех шурфах раскопки были доведены до материкового слоя наскальной известняковой крошки, встретившейся на глубине 1,5—3,5 м от современной дневной поверхности. Культурный слой античного города в них не обнаружен.

Наибольший интерес представляет шурф 4, где помимо культурного слоя конца XIII—XIV вв. на глубине 2,1—3,5 м от современной поверхности обнаружены напластования I в. н. э. В северной части шурфа на глубине 2,3 м, а в южной на глубине 3,2 м выявлены остатки глинобитных полов двух помещений. На расположенном выше полу обнаружен комплекс раздавленных *in situ* сосудов (амфора, лепные горшки, обломки керамики гетского облика). Пол этого помещения с востока ограничивался кладкой, по-видимому, более ранней, уходящей в северный и южный борта. Южная граница пола разрушена средневековой ямой. Кладка однослойная двулицевая. Выложена из светлосерого, в основном необработанного, известняка по однорядной постелистой, приближающейся к иррегулярной системе. Наиболее поздний сопровождающий материал из пола помещения относится ко II—III вв. н. э.

На полу расположенного ниже помещения был обнаружен П-образный в плане каменный очаг. Позднейший материал из нижнего слоя засыпи и из-под пола этого второго помещения относится к первым ве-

* Шурф 1 находился в 320 м от раскопа А (пер. Котовского, возле дома 14); шурф 2 — в 250 м от раскопа А (ул. Ушакова, напротив дома 1); шурф 3 — в 340 м от раскопа А (ул. Ушакова, напротив дома 9, у западного угла фабрики «Химчистка»); шурф 4 — в 60 м от раскопа А и примерно в 150 м от берега лимана. Подробное описание шурфов дано в отчетах за 1969 и 1970 гг. в научном архиве Института археологии АН УССР.

кам н. э. Наличие античного, а возможно, и позднеантичного культурного слоя в шурфе 4 очевидно.

В шурфе 1 зафиксирован культурный слой только XIX в. В шурфе 2 открыто два слоя — золотоордынский конца XIII—XIV вв. н. э. и турецкий XVI—XVIII вв. н. э. В шурфе 3 под слоем XIII—XIV вв.

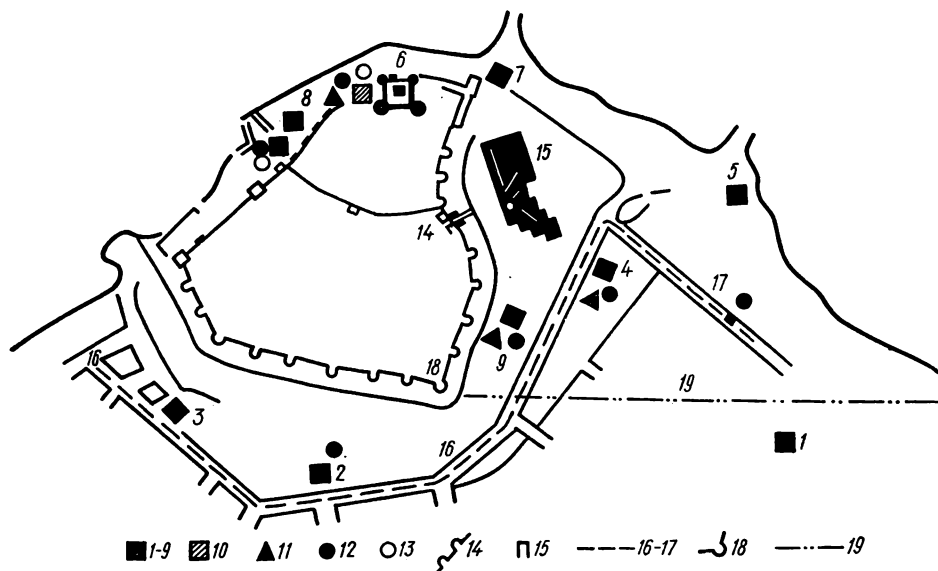

Рис. 1. Схематический план городища:

1—9 — шурфы; 10 — зачистка; 11 — культурный слой античного города; 12 — слой средневекового города XIII—XIV вв.; 13 — находки XVI—XVII вв.; 14 — средневековая крепость; 15 — Центральный раскоп; 16 — траншея по ул. Ушакова; 17 — траншея по ул. Портовой; 18 — так называемая башня Овидия; 19 — предполагаемая граница Тире.

обнаружены керамические находки I в. н. э. и детский костяк без головы, однако следов могильной ямы не прослежено.

Полученные результаты дают основание предполагать, что южная и юго-восточная границы Тире находятся в интервале между линией шурфов 1—3 и 4 (см. рис. 1). Эти общие предположения были уточнены в ходе наблюдений за проводившимися в 1972—1976 гг. земляными работами к востоку от так называемой башни Овидия, а также при прокладке траншей теплотрассы по ул. Ушакова и Портовой. В котловане размером 3×4 м, заложенном на напольном склоне гласиса возле башни Овидия под золотоордынским слоем на глубине 2,5—3,7 м, был зафиксирован неповрежденный культурный слой, содержащий фрагменты амфор и краснолаковой посуды II—III вв. н. э. (шурф 9). Античный слой был выявлен и в бортах траншеи теплотрассы по ул. Ушакова, между ул. Шабской и Портовой, а также по ул. Портовой вплоть до района греческой и армянской церквей (около 160 м от перекрест-

ка). Таким образом, остатки античного города располагаются вдоль берега лимана под средневековой крепостью, а также к востоку и юго-востоку от нее и могут занимать в настоящее время площадь не более 15—17 га, а точнее, порядка 10—12 га.

К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы определить размеры античной Тиры в разные периоды ее существования. Несомненно только то, что часть города уничтожена водами лимана. Ограничены сведения и о характере древней топографии Тиры. Так, наличие Верхнего и террасного городов сомнений не вызывает, а вот относительно существования Нижнего города прямых археологических данных нет. Не дали ответа на этот вопрос и подводные археологические разведки, проводившиеся на акватории Днестровского лимана в районе расположения Тиры (Крыжицкий, Шилик, 1971). Можно только предполагать, что поскольку в период заселения греками этого района по данным палеографии Днестровский лиман полностью высох и Днестр в районе Тиры представлял собой обычную реку, протекающую у правого берега долины (Шилик, 1975), то Тира могла иметь Нижний город.

Что же касается цитадели I в. н. э., то изученный ее участок расположен в центре Верхнего города, у начала его террасной части. Открытие строительных остатков I в. н. э. внутри средневековой крепости (Штерн, 1913, с. 100; Никореску, 1933, с. 557) и в шурфах 4 и 9 дает основание предполагать, что цитадель была окружена городской застройкой не только с севера (раскоп А. Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской), но и с запада и юга на расстояние до 100—200 м, т. е. практически находилась в окружении городской застройки первых веков н. э.

Раскопки цитадели. Раскоп расположен на расстоянии около 40 м к востоку от главных ворот средневековой крепости. В отчетных материалах с 1969 г. именуется Центральный раскоп* и в настоящее время объединяет раскопы А, В и Д, заложенные Институтом археологии АН УССР, Одесским археологическим и Белгород-Днестровским краеведческим музеями. Образовался он в результате расширения к югу участка раскопок Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской (раскоп А). К 1975 г. его площадь достигла 4 тыс. м². Остатки цитадели открыты в его южной части на площади около 2 тыс. м² (рис. 2; 4).

В данной статье исследуется только южная часть раскопа, поскольку результаты работ в северной половине рассмотрены в статье А. И. Фурманской.

Раскопки на месте цитадели были начаты в 1963 г. отрядом Одесского археологического музея в составе экспедиции Института архео-

* Центральный раскоп в 1969 г. был разбит на пятиметровые квадраты (по азимуту бывшего раскопа А) по сетке, входящей в систему 100-метровых квадратов. Каждый большой квадрат обозначается буквой и римской цифрой, а пятиметровые — арабскими цифрами от 1 до 400 слева направо и вниз от северо-западного угла каждого большого квадрата. В качестве репера принята верхняя плоскость подпятника главных ворот средневековой крепости с условной отметкой + 20.

логии АН УССР и продолжались Одесским музеем в 1965—1968 гг. С образованием в 1969 г. Белгород-Тирасской экспедиции Института археологии АН УССР, в состав которой вошли и сотрудники отряда Одесского и Белгород-Днестровского музеев, задачи и масштабы работ были значительно расширены. Раскопки на этом участке городища ве-

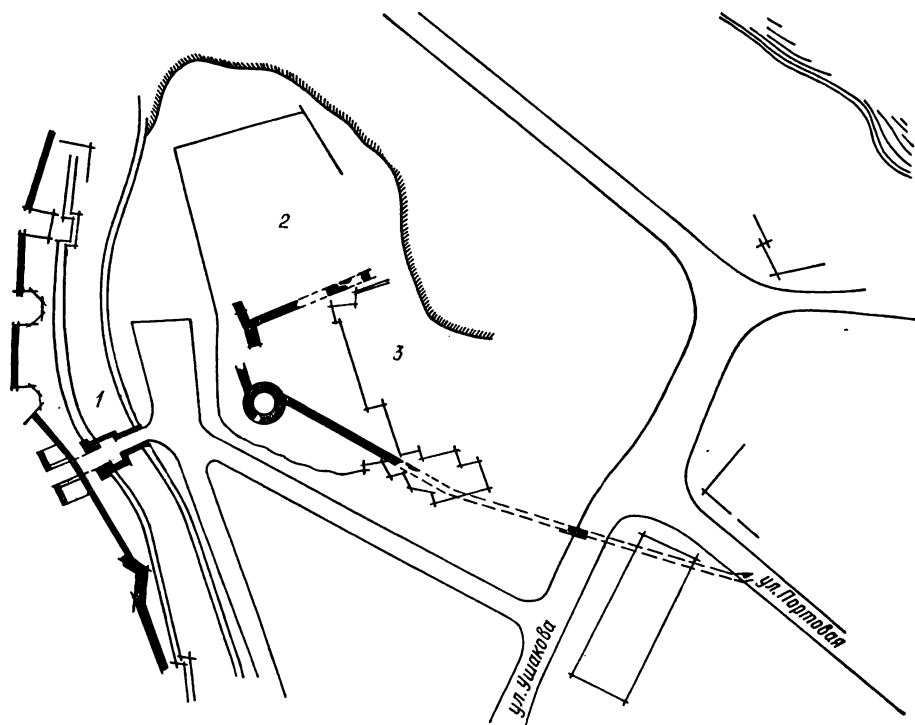

Рис. 2. Ситуационная схема:

1 — средневековая крепость; 2 — Центральный раскоп; 3 — цитадель римского гарнизона.

дутся без перерыва вплоть до настоящего времени, с 1972 г. — в основном силами Одесского археологического музея АН УССР с участием Института археологии и Белгород-Днестровского краеведческого музея.

Стратиграфия. Мощность культурных отложений на раскопе достигает 7 м.

Под верхним слоем толщиной 0,5—1,5 м, образовавшимся из насыпей новейшего времени, перекопанной и разрушенной верхней части гласиса средневековой крепости и разрушенных наслоений турецкого времени, выделяются три основных культурно-хронологических пласта. Верхний из них, относящийся ко времени строительства крепости, образован остатками нижней части гласиса — известняковой крошки, му-

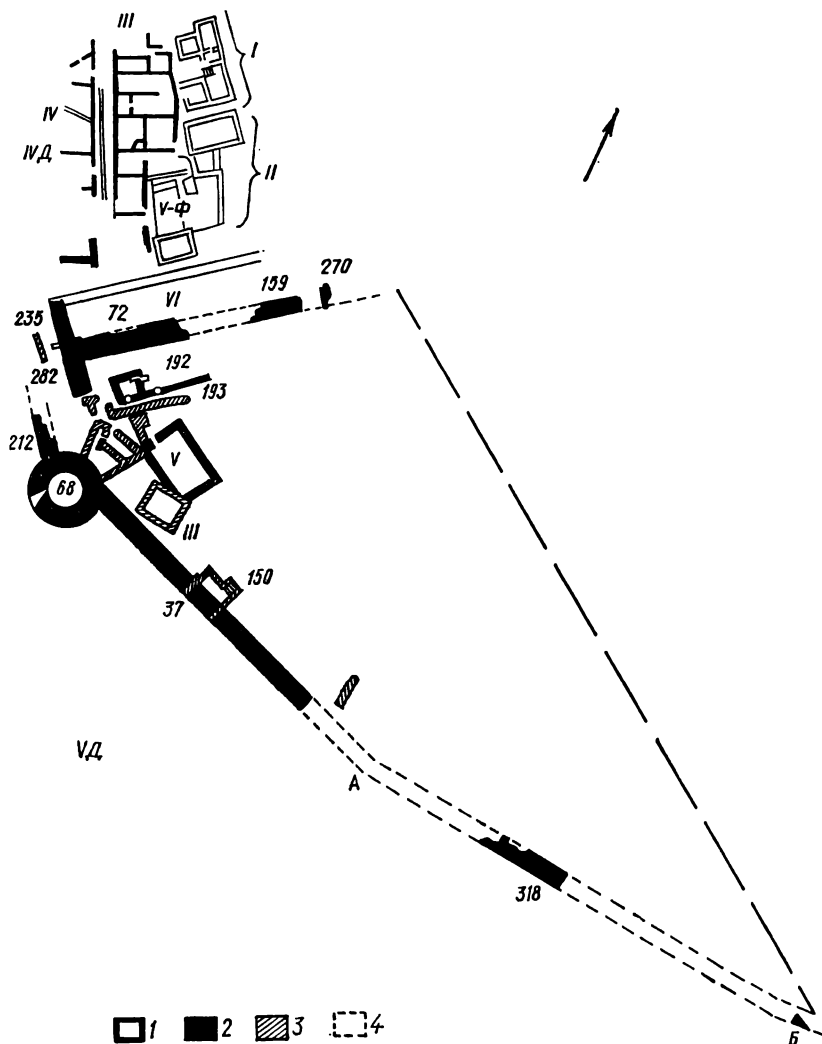

Рис. 3. Схематический план основных строительных остатков на Центральном раскопе:

1 — IV—III вв. до н. э.; 2 — II—III вв. н. э.; 3 — III—IV вв. н. э.; 4 — предполагаемое продолжение кладок.

сорно-золистых и гумусовых наслоений дневной поверхности. Толщина этих напластований невелика — 0,3—0,5 м, какие-либо строительные остатки отсутствуют.

Средний слой — остатки золотоордынского города конца XIII—XIV вв. — представлен строительными остатками в гумусированном и

темном желтоглинистом грунте со светлыми прослойками, а также зольными и мусорными наслоениями (Кравченко, 1976). В слоях имеются позднейшие нарушения, толщина напластований от 0,75—0,85 до 3,5 м.

Нижний, античный, слой содержит остатки Тиры. Несмотря на отдельные вторжения средневекового и нового времени, сохранность в целом хорошая. Насыщенность строительными остатками, частично использовавшимися в XIII—XIV вв., велика.

На рассматриваемом участке раскопки были доведены (и то только местами) до уровня напластований I—II вв. н. э. Здесь четко выделяются два слоя: нижний — II и первой половины III вв. н. э. (при этом нижняя датировка его принята условно до полного исследования цитадели) и верхний, послеготский — середины III — второй половины IV вв. н. э. В каждом из этих слоев прослеживается по несколько строительных периодов. Нижний слой соответствует в целом времени существования цитадели, верхний — этапу, когда на развалинах цитадели возникают жилые дома (рис. 3).

Строительные остатки доготского времени (нижний слой). В настоящее время открыты частично северная (72, 159, 270), западная (212), юго-западная (37) и южная (318) куртины. Общая протяженность стен достигает 180—200 м (периметр при этом не менее 330 м). Кроме того, раскопана одна из башен (68) и начато раскрытие комплекса, включающего, по-видимому, остатки входа в цитадель. На раскрываемом участке, на пересечении стен 37 и 318 (см. рис. 3), находилась, очевидно, еще одна башня. Именно в этом месте зафиксировано одно из наиболее значительных новейших вторжений. В плане территория комплекса, ограниченная открытыми частями куртин, приближается к форме неравносторонней трапеции общей площадью более 0,4 га. Судя по взаимному расположению куртин 72 и 318 (Портовая), цитадель могла занимать часть не только Верхнего, но и террасного города.

Полученные данные дают представление о конструкции стен и круглой башни 68, однако пока недостаточны для установления датировки ранних строительных периодов, а также уточнения объемно-планировочных особенностей и конструкций комплекса входа. В связи с этим описание последнего объекта будет дано только в самых общих чертах.

Куртины. В раскрытых частях куртины имеют в целом более или менее аналогичную конструкцию, отличаясь друг от друга в основном размерами использованного материала. От кладки стен круглой башни 68 куртины отличаются не только размером материала, но и системой кладки, а также меньшей тщательностью обработки камней, их укладкой, отсутствием рустовки (рис. 4).

Все четыре куртины трехслойные, двухлицевые, фасады выложены по сложной двухрядной орфостатной системе из крупных прямоугольных плит (Крыжицкий, 1965). Средний слой — бут на глине. Перевязка между слоями хорошая — тычковые орфостатные плиты фасадов, заходящие на $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ общей толщины кладки, обеспечивают достаточную прочность соединения слоев. Толщина куртин колеблется в пределах

2,05—2,25 м. Все они, как и башня, сложены из плотного светло-желтого и сероватого ракушечника на глиняном растворе. Притеска местами неплотная, толщина швов до 0,5—1 см, хотя в целом верхние плоскости постелистых плит в местах установки орфостатных слегка подтесаны. Фундаменты куртин выполнены из положенных постелью плит

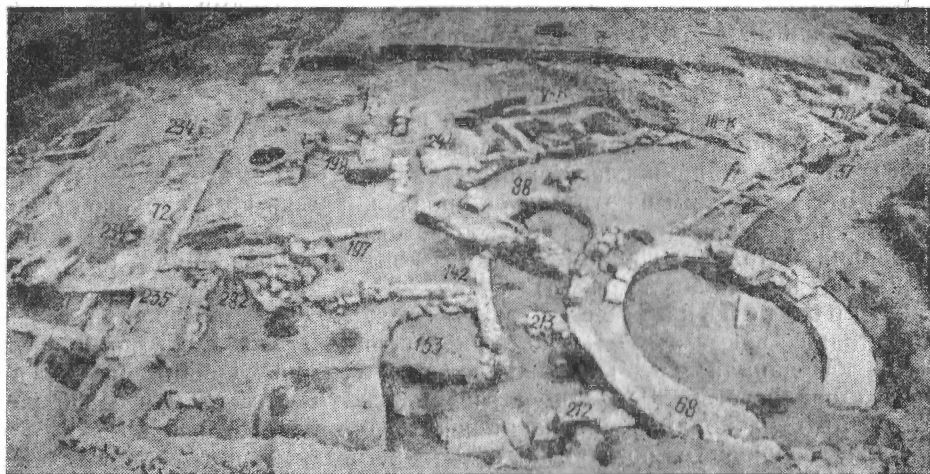
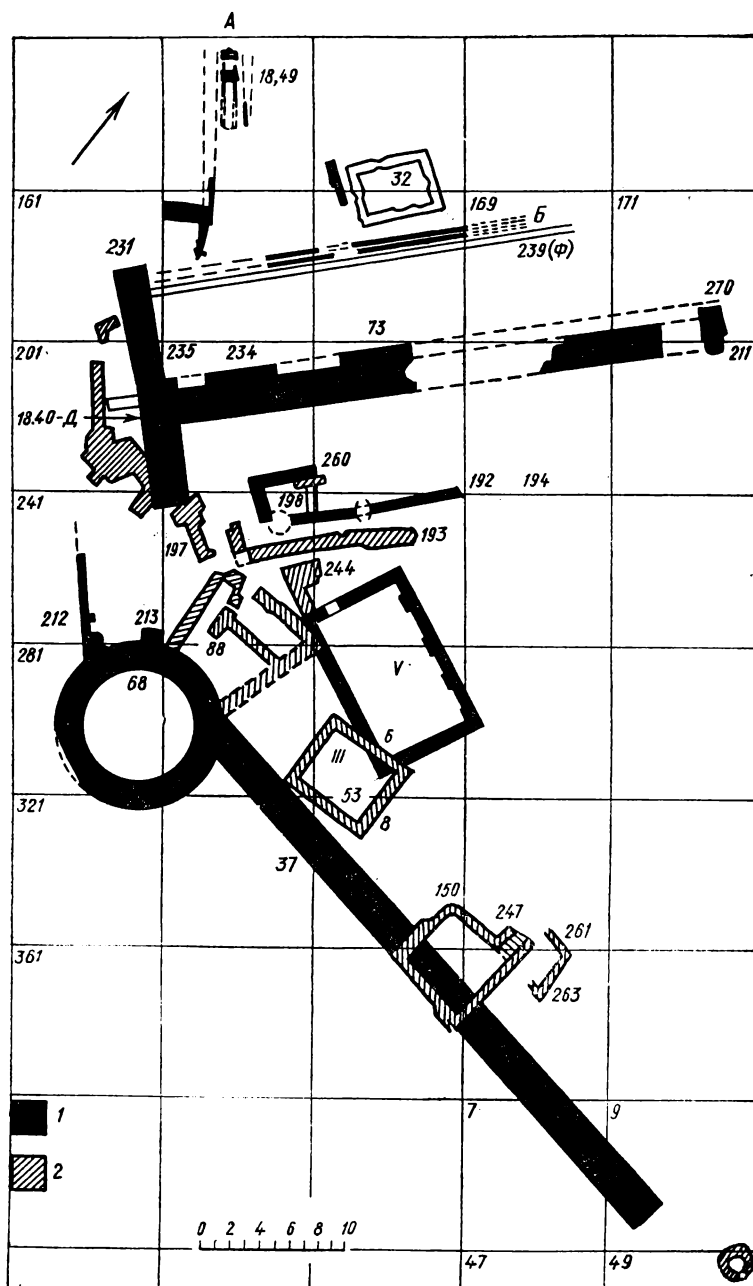

Рис. 4. Панорама Центрального раскопа.

длиной до 3—3,5 м в один, два или три ряда по вертикали в зависимости от рельефа. Срез фундамента выступает от фасада стены на 0,1—0,2 м.

Куртина 72 (рис. 5, 6) открыта в длину на 42 м. Имеет направление, немного отклоняющееся от линии запад — восток. Сохранилась на разную высоту: обычно на один — три ряда до 2,7 м. В квадратах 206—207 кладка выбрана полностью. Раскрывалась несколькими отрезками (72, 159, 270). Западный конец куртины (72) связан в переплет со стеной 235, к которой подходит под углом 90°. Восточная часть ($\frac{1}{3}$) куртины сохранилась плохо — здесь обнаружено только три небольших отрезка фундамента. От первого из них, самого западного (159), сохранились только фундаментная часть длиной 3,9 м и одна орфостатная плита по южному фасаду. Фундамент южного фасада состоял из двух рядов постелистых плит размером $0,8—1,45 \times 0,45—0,85$ м, высотой 0,18—0,32 м. Фундамент лежал на желтом материковом песке. Аналогичный слой песка, но с эллинистической керамикой подходит с севера к этому отрезку стены на 2,6 м выше.

Рис. 5. Схематический план строительных остатков в северо-западной части цитадели: 1 — оборонительные сооружения; 2 — позднеантичные постройки; V — здание вексилляции; III — подвал; А — Первая поперечная улица; Б — Первая продольная улица; Д — подпятник входа.

Далее, к востоку, в 3 м от фрагмента 159 выявлен еще один фрагмент длиной 1,4 м, от которого по южному фасаду сохранилось два ряда постелистых плит, а по северному — один, располагающиеся также на материковом песке. Следует отметить, что при тщательной отеске горизонтальных плоскостей фасады плит фундамента оставлены необработанными. Это свидетельствует о том, что они находились ниже уровня дневной поверхности.

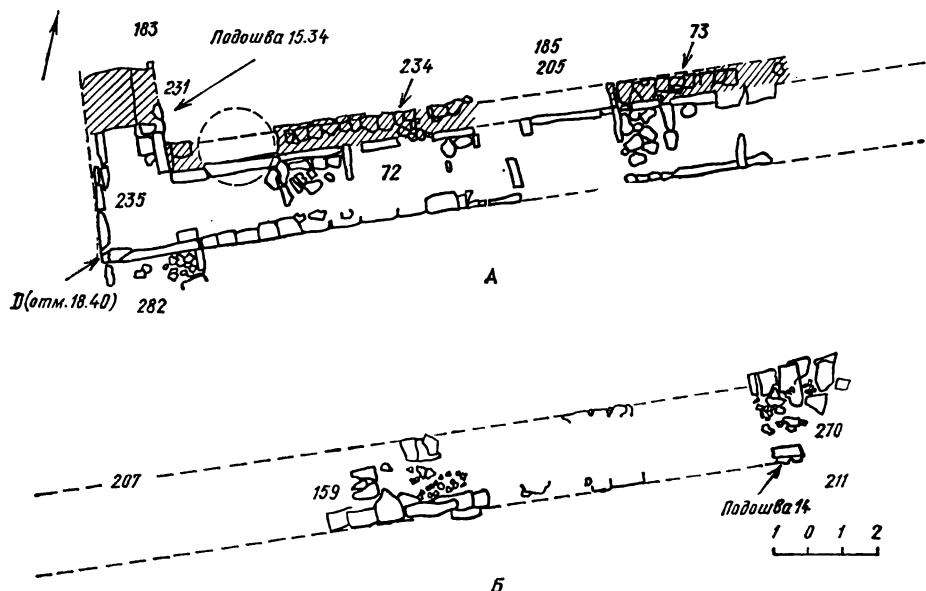

Рис. 6. Обмерный план Северной куртины (72, 159, 270) с усилением (73, 234).

От крайнего восточного отрезка сохранились только остатки фундамента. В створе с южным фасадом куртины здесь имеется всего две положенные друг на друга плиты. Северный фасад этого отрезка протяженностью 2,77 м выступает к северу от общего фасада куртины на 0,5—0,7 м и состоит из относительно крупных плит ($0,65 \times 0,28$ м; $0,81 \times 0,89$ м; $0,91 \times 0,64$ м), положенных плашмя в один ряд. Против этого выступа в северном борту раскопа прослеживается слой жерсты, характерный для заполнения нижнего слоя в оборонительных сооружениях. Такое заполнение, в частности, наблюдалось внутри башни 68.

Далее к востоку и югу каких-либо остатков стен или следов их выборок не сохранилось, так как культурный слой здесь у перехода к нижней террасе имеет большие нарушения и частично вообще снят во время прежних раскопок.

Особенностью стены 72 является то, что на одном из этапов она была усилена по своему северному фасаду дополнительной кладкой

234, —73. Кладка 234, —73 выложена по однослойной рядовой постелистой системе из плит разного размера в один слой. Сохранилась только в западной части куртины в трех фрагментах на протяжении 14,4 м. Имеет с севера коколь, выступающий на 0,12 м за фасад. Подошва на 2,29 м выше подошвы куртины 72.

Интересно, что во время раскопок П. Никореску была открыта стена, которая шла перпендикулярно берегу лимана, подобно куртине 72, и была истолкована автором как оборонительная. Действительно, судя по весьма краткому описанию, характер кладки и размеры плит (имелись орфостатные размером $2,00 \times 1,00$ м, шириной до 0,40 м) близки открытым нами. Общая ширина стены, по сведениям Никореску, достигала 2,40 м (у нас 2,20 м без усиления). Хотя Никореску впоследствии и отказался от своей трактовки (Никореску, 1933, с. 557—558), тем не менее в настоящее время ясно, что им действительно были открыты остатки стен цитадели.

Куртина 212 (рис. 5; 7) соединяет круглую башню 68 с комплексом входа. Южный торец куртины подходит вплотную к круглой башне, отступая на 2 м от ее крайней западной точки. Выявлена частично в плане на протяжении 7 м от круглой башни южная часть только западного фасада куртины. Северная часть была перекрыта более поздними строительными остатками, включая и средневековое помещение. В раскрытой части кладка трехслойная; средний слей-бут на глине.

Западный фасад сложен по двухрядной орфостатной системе из прямоугольных плит и блоков размерами $0,45\text{—}0,55 \times 0,19\text{—}0,50$ м, толщиной в среднем $0,25\text{—}0,30$ м; орфостатной $0,62 \times 0,18$ м, при высоте 0,50 м. Выкадровка четкая, прямоугольная, притеска достаточно плот-

Рис. 7. Южная часть западного фасада куртины 212.

ная. Постелистый ряд подтесан под установку орфостатов. В месте примыкания к башне 68 по западному фасаду куртины прослежено 10—11 постелистых рядов, выложенных из крупных прямоугольных плит на высоту 2,03 м. В месте стыка куртины с башней в фасаде последней имеется неглубокая вертикальная врубка. Следует отметить аналогичную обработку и размеры камня четырех верхних постелистых рядов куртины и башни.

Рис. 8. Юго-западная куртина (37).

Куртина 37 (рис. 5; 8) расположена по линии северо-запад — юго-восток, в длину сохранилась на 44,5 м (реконструируемая длина около 55 м), юго-восточный конец разрушен. К башне 68 она подходит под острым углом около 45° вплотную, отступая от крайней юго-западной точки башни примерно на 8 м. Таким образом, башня полностью фланкирует куртину с напольной стороны. От стены кроме фундаментных постелистых рядов (у южного обрывающегося конца их три) (рис. 9) сохранились первый и второй орфостатные ряды с разделяющим их постелистым (у южного конца на высоту 3,13 м), а в месте примыкания к башне обнаружен и третий постелистый и орфостатный ряды общей высотой 4,55 м.

Разница в заложении подошвы в месте примыкания к башне 68 и у штробы юго-восточного торца около 1 м. Уровни залегания рядов в наружных слоях кладки, как и в куртине 72, смещены по вертикали на 0,15—0,40 м, очевидно, для улучшения перевязки. Размеры плит фундамента — $2,00 \times 0,6$ (0,9) $\times 0,3$ (0,4), размеры плит орфостатных рядов — $1,1$ (3,5) $\times 0,9$ (1,4) $\times 0,2$ (0,45) м. Все плиты имеют относительно хорошую выкадровку при довольно неровной притеске граней — притеска по месту грубая. В квадрате 304 верхние грани двух

орфостатных плит имеют неглубокие пазы в виде ласточкина хвоста, расширяющиеся к плоскости наружного фасада. Хотя остатков каких-либо креплений не обнаружено, тем не менее, учитывая наличие этих пазов, можно предполагать, что стена могла иметь дополнительные поперечные деревянные связи.

В куртине 37 четко прослеживаются только два строительных периода: первый — время использования стены не позднее первой половины II — первой четверти III в. н. э. и второй — конец XIII—XIV вв. н. э., когда верхние части камней орфостатного ряда были использованы в постройках золотоордынского города, причем в некоторых из них были сделаны специальные подтеки для устройства проходов.

Куртина 318 (см. рис. 2, 3) ориентирована по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток, располагаясь под углом 163° к створу куртины 37 у пересечения ул. Ушакова и Портовой. Выявлен средний участок протяжением 14,5 м (1976 г.), шириной 2,3 м, высотой до 2,74 м. Восточный и западный концы не раскрыты. Подошва лежит на предскальной жерстве. С восточного конца прослежи-

вают четыре ряда постелистых плит фундамента по северному и южному фасадам на высоту 0,95—1,2 м. По южному фасаду сохранились фасадные орфостатные плиты длиной до 4,0 м, высотой до 1,46 м и тычковые орфостатные плиты, выходящие в средний бутовый слой. По сильно разрушенному северному фасаду сохранилась только одна орфостатная плита первого ряда. Расстояние до куртины 37 составляет 33 м.

Небольшой фрагмент южной стены открыт по ул. Портовой (рис. 3), в траншее на глубине 2,10 м от поверхности улицы обнаружены постелистые плиты фундамента размером $1,7 \times 2,0$ м. Направление кладки несколько отклоняется к востоку от створа куртины 318.

Несмотря на значительные перекопы, производившиеся в конце XIII—XIV вв. и позднее, вплоть до начала XX в., в результате которых выбирались иногда отдельные участки стен (например, южный ко-

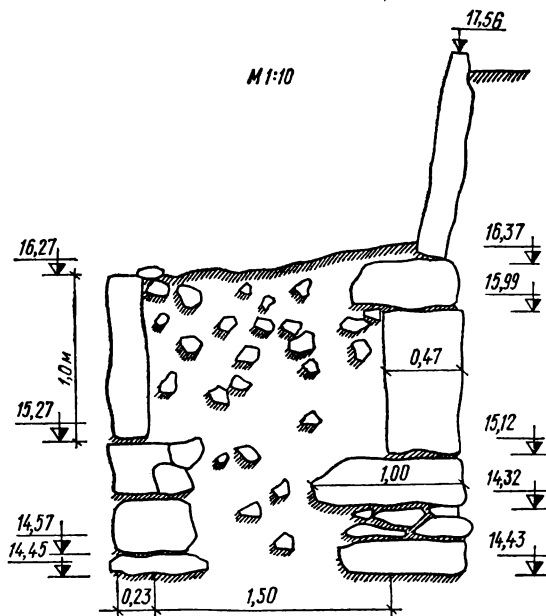

Рис. 9. Вертикальный поперечный разрез юго-западной куртины (37).

нец стены 37, восточный — стены 72 и др.), несмотря на использование верхних частей куртин в период средневековья, в целом, как уже говорилось, сохранность их относительно хорошая.

Специфика строительства золотоордынского города проявлялась в иной планировочной сетке, в типах жилищ с четко выраженными гла-

Рис. 10. Готская кружка.

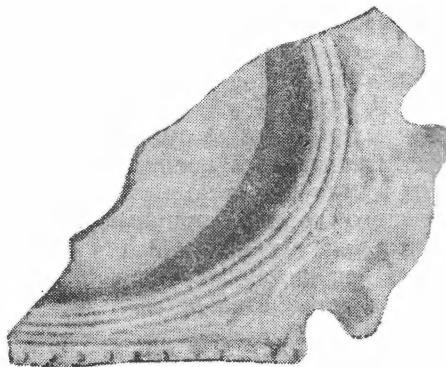

Рис. 11. Фрагмент краснолакового овального блюда III в. н. э.

нобитными полами, нетипичными для позднеантичных слоев этого района города, тондырами, обжигательными печами, наконец, с характерным сопровождающим материалом. Все это достаточно надежно позво-

Рис. 12. Медальон из сестерция Антонина Пия (138—161 гг.).

ляет во всех случаях выявить ненарушенный античный горизонт. Несколько сложнее обстоит дело с выделением здесь доготского и послеготского слоев. Пока основными опорными памятниками для такого выделения являются здание вексилярции, круглая башня и примыкающий к ней дом послеготского времени.

Основную массу сопровождающих находок здесь составляли обломки амфор, черепицы, красноглиняной, реже краснолаковой, посуды, лепной керамики и сероглиняной керамики гето-дакийского и черняховского облика. Этот материал укладывается в хронологические рамки II—IV вв. н. э. (рис. 10). Таковы два типа светлоглиняных узкогорлых амфор, датирующихся II — первой половиной III и второй половиной III—IV вв. н. э. (Круг, Баженов, 1967), широкогорлые красноглиняные амфоры ольвийско-тирасского типа II—III вв. н. э. (Ветштейн, 1975, с. 164—172) и более поздних (второй половины III—IV вв. н. э.) с цилиндрическими корпусами и горловинами, короткими ручками и шлемовидными днищами, известные по находкам в античных городах и черняховских поселениях III—IV вв. (Рикман, 1975, с. 222). Среди обломков краснолаковой посуды встречались фрагменты овальных блюд (рис. 11) с изображением на дне Пегаса, сцен охоты и вообще без каких-либо изображений, датируемых II—III вв. н. э. (Книпович, 1952, с. 307, рис. 6, 7; Силантьева, 1958, с. 301, рис. 16). Часты также находки краснолаковых светильников различных типов, в том числе с рубчатым орнаментом на плечах, они датируются I—III вв. н. э. (Бернгард, 1955, табл. LXXX, XCIII) и III—IV вв. н. э. (Кадеев, 1970, с. 108).

Разумеется, в этом слое, как и в залегающей выше засыпи, встречались и материалы более раннего времени — I в. н. э., эллинистического и классического времени: обломки амфор, чернолаковой посуды и другой керамики. Однако эти материалы, составлявшие незна-

Рис. 13. Клейма на керамидах из раскопок цитадели:

1 — вексилляции V Македонского легиона; 2 — центуриона I Италийского легиона; 3 — вексилляции трех легионов Мезийской армии.

чительный процент общего количества, носят в целом случайный характер.

При четком разделении античных и средневековых слоев в районе, огражденном куртинами, находки таких определенно датированных памятников, как монеты, клейма и надписи, представляют особенный интерес.

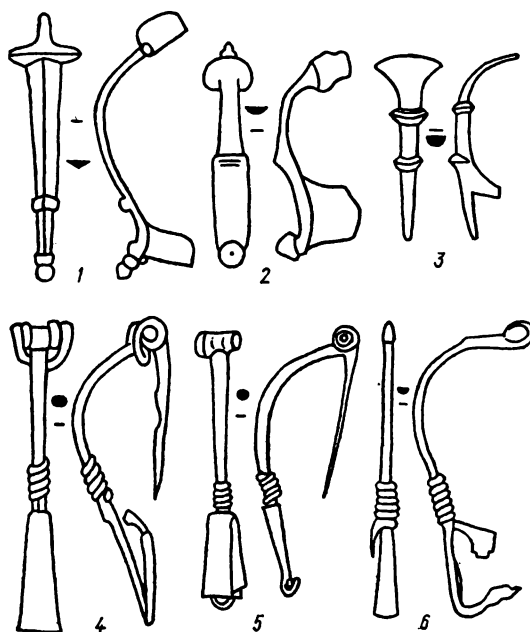

Рис. 14. Фибулы II—III вв. н. э. из раскопок цитадели:

1—3 — сильнопрофилированные западных типов; 4—6 — лучковые подвязные.

Так, из 116 античных монет, найденных на территории цитадели, 84 относятся к I—первой трети III в. н. э., причем 43—44 экз. датируются временем от Августа до Андриана (то есть до 138 г. н. э.). Увеличение количества найденных монет эпохи Северов (193—235 гг. н. э.) объясняется расширением объема чеканки (Зограф, 1957), но сравнительно многочисленные находки монет Антонина Пия (138—161 гг. н. э.) и Коммода (180—192 гг. н. э.), при которых Тира выпускала немного монет, являются одним из аргументов в существовании цитадели в середине II в. н. э. (рис. 12).

Кроме монет, следует упомянуть находки обычно сильно истертых клейм V Македонского легиона на обломках кровельных черепиц (рис. 13). Всего найдено

16 клейм, датировемых началом — 60-и годами II в. н. э. (Клейман, 1971, с. 237). Параллельно с этим встречались обломки с клеймом, содержащим упоминание вексилляций трех легионов Мезийской армии под командованием центуриона I Италийского легиона (Никореску, 1937). Это клеймо дает представление о составе гарнизона Тир в середине II в. н. э. Характеризуют и датируют цитадель также лапидарные латинские надписи, фибулы западных и причерноморских типов II—III вв. н. э. (рис. 14) (Амброз, 1966, с. 36, табл. 7; с. 47, табл. 9). К предметам римского импорта, получившим к концу III в. н. э. распространение и среди памятников черняховской культуры, относятся стеклянные литые плоско-выпуклые кружки, служившие игральными-счетными жетонами (Кропоткин, 1970, № 1225; Сымонович, 1964, с. 309).

Б а ш н и. Данные, полученные в ходе изучения цитадели, свиде-

тельствуют о существовании на раскрытой площади не менее четырех башен (см. рис. 3), из которых в настоящее время раскопана лишь одна (68). Эта башня в плане круглая, находится между куртинами 37 и 212, которые подходят к ней вплотную (рис. 15). Она является наиболее значительным сооружением в системе открытых укреплений Тиры. Наружный ее диаметр составляет 10,75 м при толщине стен от 1,65 до 2,00 м. Обвал башни не идеален — отклонения от круга местами достигают 0,10—0,12 м. Сохранность относительно хорошая. В плане башня открыта полностью, ее фасад — только до уровня слоя послеготского времени (рис. 16).

В наиболее сохранившемся северном секторе высота наружного фасада башни составляет в настоящее время 1,58 м. Высота стен башни по внутреннему и внешнему фасадам от подошвы достигает 4,55—5,50 м. Срез фундамента выступает от внутреннего фасада стены на 0,1 м, деформации отсутствуют. Стена выложена по трехслойной однорядной постелистой системе из местного светло-желтого ракушечника. Средний слой — мелкий бут на глине. Перевязка между слоями хорошая.

Наружный фасад в настоящее время раскрыт на высоту пяти рядов (два верхних ряда были переложены в период средневековья), выложен из массивных, слегка закругленных в плане по наружному фасаду, прямоугольных и трапецевидных плит размером в плане $0,5—1,5 \times 0,42—0,60$ м, высотой $0,25—0,50$ м. Высота рядов одинаковая. Фасады камней имеют грубую двустороннюю (горизонтальную) рустовку. В северо-западной части фасада на всю сохранившуюся высоту проходит неглубокий вертикальный паз прямоугольного сечения, такой же паз (рис. 17) — у места примыкания западного фасада куртины 37 (Гриневич, 1927, с. 18; рис. 10). Камни фасада хорошо выкадрованы, плотно притесаны, уложены на глиняном растворе.

Внутренний фасад выложен также по однорядной постелистой системе, на глине, но из более мелких прямоугольных и частично полигональных плит ракушечника размером $0,30—1,15 \times 0,12—0,15$ м. Выкадровка камня относительно хорошая, притеска неплотная — толщина швов $0,01—0,02$ м. Четыре ряда кладки над фундаментом сложены из более мелкого материала ($0,13 \times 0,25$ м) и хуже выкадрованы, чем камни вышележащих рядов. Каких-либо следов обмазки не зафиксировано.

В северном секторе башни на высоте 3,2—3,3 м от среза фундамента прослеживается дверной проем (см. рис. 15). В этом месте на горизонтальной плоскости плит наружного фасада имеется два гнезда на расстоянии 0,73 м друг от друга — одно прямоугольное, другое Г-образной формы для крепления конструкции двери. От нижней части проема с востока от гнезд сохранились две плиты, западные фасады которых находятся в отворе. Следует также отметить весьма незначительную истертость плит порога. К порогу с внешней стороны башни подходит вымостка 213. Куртины 37 и 212 подходят к башне вплотную

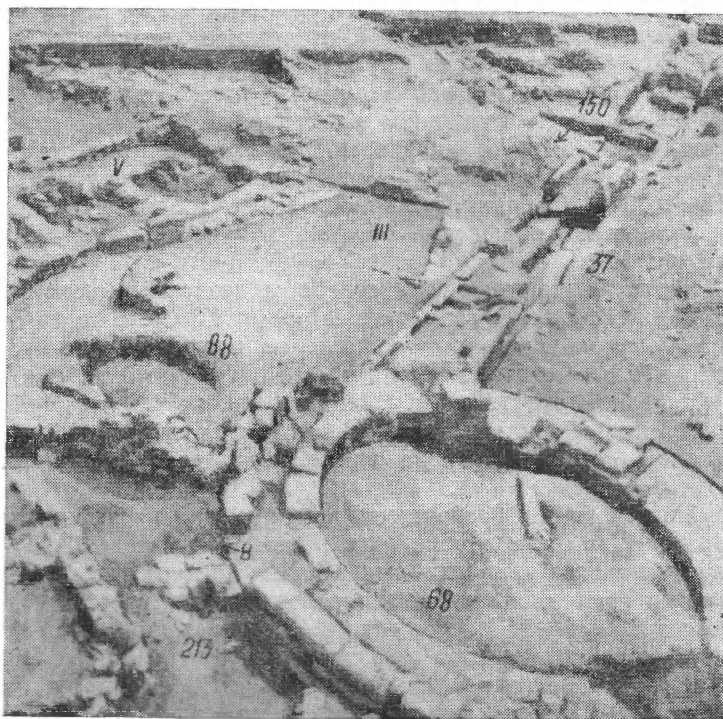

Рис. 15. Круглая башня с дверным проемом и примыкающая куртина.

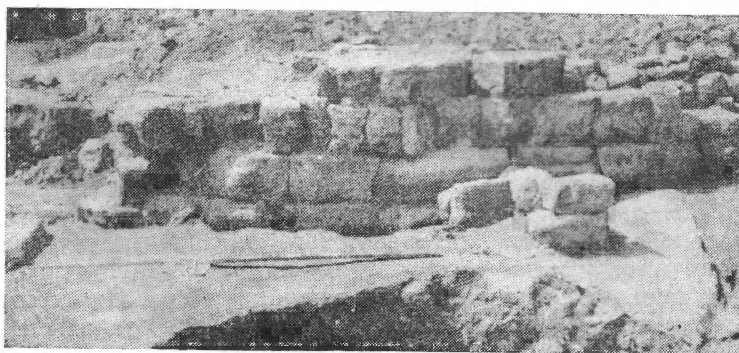

Рис. 16. Северо-восточный фасад круглой башни на уровне послеготского помещения.

(рис. 18), причем на фасаде последней в соответствующих местах сделаны неглубокие и неаккуратные врезки. Разница в заложении подошв фундамента башни и прилегающих куртин не одинакова, для куртины 37 она невелика.

Внутреннее заполнение башни исследовано пока только в юго-восточном секторе. На уровне фундаментов оно состоит из материкового лесса без каких-либо культурных остатков; выше идет желтоглинистый слой с незначительным содержанием находок (несколько обломков гладких, по-видимому, эллиптических амфор), сменяемый на уровне верхней плоскости остатков стены наслоениями средневекового времени. Каких-либо следов пола внутри башни в исследовавшемся секторе зафиксировано не было.

Однородность заполнения башни от среза фундамента до порога входа дает основание предполагать, что по крайней мере до этого уровня башня с самого начала была забита грунтом.

Для решения вопроса об использовании внутреннего пространства башни необходимо установить датировку входа. Так, значительная высота расположения входа относительно дневной поверхности времени строительства башни, малая истертость порога, отсутствие какого-либо перекрытия поверхности среднего слоя стены — бута на глине — все это могло быть подтверждением появления входа уже в послеготское время. Вместе с тем наличие гнезд для установки, очевидно, дверной коробки (прием технически грамотного и аккуратного строительства, не типичного для послеготского времени) и отсутствие каких-либо заметных следов перекладки в районе восточного косяка (здесь был бы нарушен принцип перевязки, если бы проем не было с самого начала) позволяют предполагать появление входа одновременно со строительством башни. Нам представляется более вероятным второй вариант, поскольку малая истертость порога и отсутствие вымостки под средним слоем стены могут объясняться наличием здесь деревянного порога и настила. Не соответствует по своему качеству тщательности выполнения проема также вымостка 213, которая по глубине залегания соотносится с уровнем дневной поверхности после-

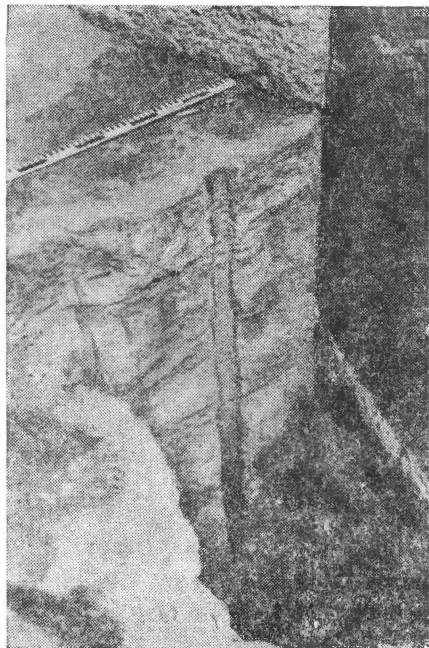

Рис. 17. Вертикальный паз по фасаду башни и стык с куртиной 37.

готского слоя. Учитывая все сказанное, в истории башни представляется возможным наметить четыре строительных периода.

Первый период — время строительства башни. Судя по материалу из заполнения, стратиграфии, технике кладки, башня могла быть сооружена еще в эллинистическое время. Уже тогда первый этаж был специально забит грунтом и использовалась только верхняя часть башни, куда можно было попасть через названный проем, очевидно, по приставной деревянной лестнице. Несмотря на то что башня выстроена

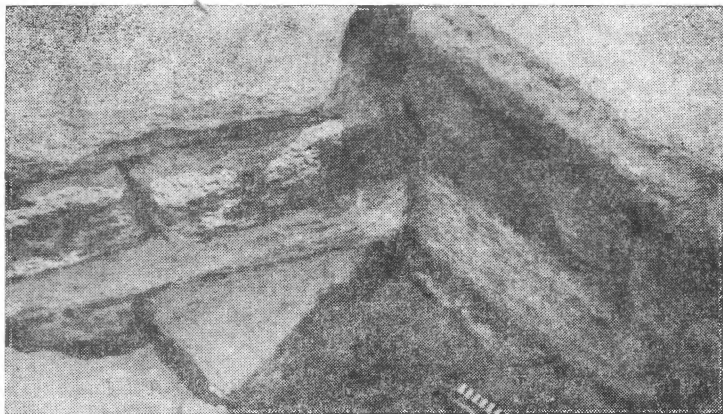

Рис. 18. Стык куртины 212 и башни.

значительно раньше, отсутствие ее органической связи с оборонительными сооружениями (и в планировочном, и в типологическом, и в техническом отношении) позволяет думать, что в начале своего существования она могла иметь не оборонное, а какое-то иное назначение (например, башня могла служить маяком).

Второй период — время, когда башня и куртины включаются в систему обороны цитадели.

Третий период — послеготский. Башня утратила свое боевое назначение. Она приспособляется для использования в жилых и хозяйственных целях — служит тыльной стеной жилого дома, а судя по наличию вымостки 213, используется также ее внутреннее пространство. Башня, очевидно, была уже в значительной степени разрушена.

Четвертый период — конец XIII—XIV вв. н. э. На развалинах башни возводятся жилые и хозяйственные постройки золотоордынского города, для чего перекадываются два верхних ряда северного сектора башни.

Северо-западный угол цитадели (рис. 19). Как уже отмечалось, в настоящее время мы имеем возможность дать только самое общее представление об этом наиболее сложном из раскрытых узлов цитадели, расположенном в ее северо-западном углу. В плане выявлены

стены 231, 235, выступающие за фронт Северной куртины более чем на 11 м; пилон 282 расположен на одной линии со стеной, но обращен в сторону башни 68. Вместе с участком стены 212 эти кладки образуют угол, где, как свидетельствует ряд открытых конструкций, находился один из входов в цитадель. На западном конце куртины 72, в месте

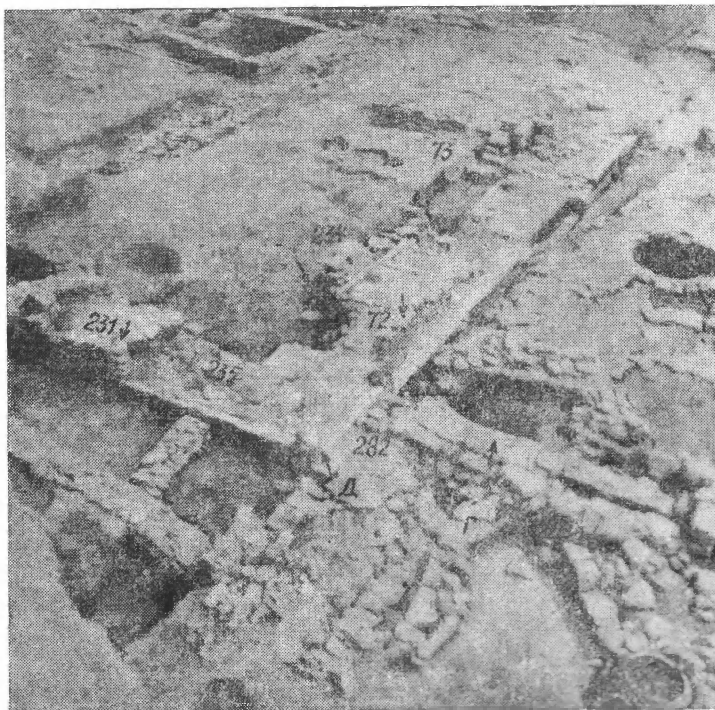

рис. 19. Ограждение входа:

внешнее (куртина 235, 231), внутреннее (пилон 282 с порогом прохода Г) и подпятник входа (Д).

примыкания пилон 282, обнаружен массивный каменный подпятник (рис. 19). Он представляет собой полусферическое углубление в верхней грани края плиты южного фасада диаметром 0,18 м. Стенки углубления имеют следы истирания (рис. 20). Стена 235 сложена в переплет с куртиной 72, ее северный конец 231 переложен в более позднее время из небольших плит по рядовой системе. Участок стены (пилон?) 282 подходит к куртине 72 вплотную. По его восточному фасаду, в 0,75 м от куртины, расположен порог, представляющий собой сильно стертую плиту размером в плане 2,2 м × 0,72 м (рис. 21) с углублениями по

краям на расстоянии 1,2 м друг от друга (для фиксации косяков двери).

Количество строительных периодов в сооружениях северо-западного угла пока еще определить нельзя. К наиболее позднему из них относятся кладка 231 (рис. 22), перестройка куртины 235, а также, по видимому, пилон и подпятник. В связи с этим следует отметить, что глубина заложения порога в пилоне, подпятника и вымостки улицы I в. н. э., подходящей с севера к комплексу ворот, практически совпадает (разница составляет не более 20 см).

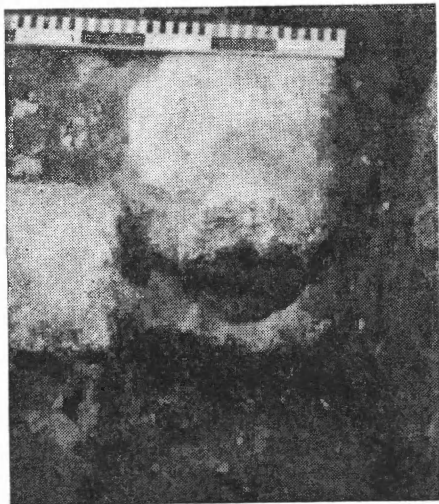

Рис. 20. Подпятник входа (Д).

Как уже отмечалось, в границах раскрытых стен площадь цитадели не менее 0,45 га при периметре не менее 330 м. Это говорит о том, что даже в том случае, если цитадель и не доходила до берега лимана, она все же представляла собой достаточно значительное и мощное (в условиях Северного Причерноморья) укрепление. Напомним, что периметр стен римской цитадели Херсонеса — главного форпоста Ме-

зийской армии и флота в Северном Причерноморье — составлял всего 230 м, а площадь — 0,7 га (Блаватский, 1973, с. 219—220). Это свидетельствует о том, что цитадель Тиры являлась одним из наиболее важных опорных пунктов римской империи в этом районе.

Внутренняя планировка цитадели пока в достаточной степени не изучена. Можно только лишь предполагать, учитывая случайное расположение здания вексилляции относительно куртин, что она имела в целом нерегулярный характер. Из сооружений периода функционирования цитадели открыты здание вексилляции (V), улица, проходящая параллельно Северной куртине, и остатки помещений, ограждающих ее с севера (рис. 5). Однако описание этих остатков, кроме здания вексилляции, станет возможным только после окончательного их исследования.

Здание вексилляции (Клейман, 1971) изолировано от окружающей синхронной застройки, расположено в 7 м к востоку от круглой башни, в северо-западном углу цитадели, в планировочной сетке, не совпадающей с направлением ни одной из раскрытых куртин (рис. 5). Состоит из одного большого помещения размерами 10,9—10,35 × 6,20—6,15 м. Вход обращен в сторону улицы с вымосткой 193. Все четыре стены здания, каждая толщиной 0,62 м, сложены впере-

плет. Цокольная часть выделяется по характеру кладки и состоит из пяти-шести рядов общей высотой до 1—1,3 м. Сложена на глинисто-земляном растворе по трехслойной, местами двухслойной системе из крупных (длиной до 0,8 м), грубо отесанных прямоугольных плит раку-

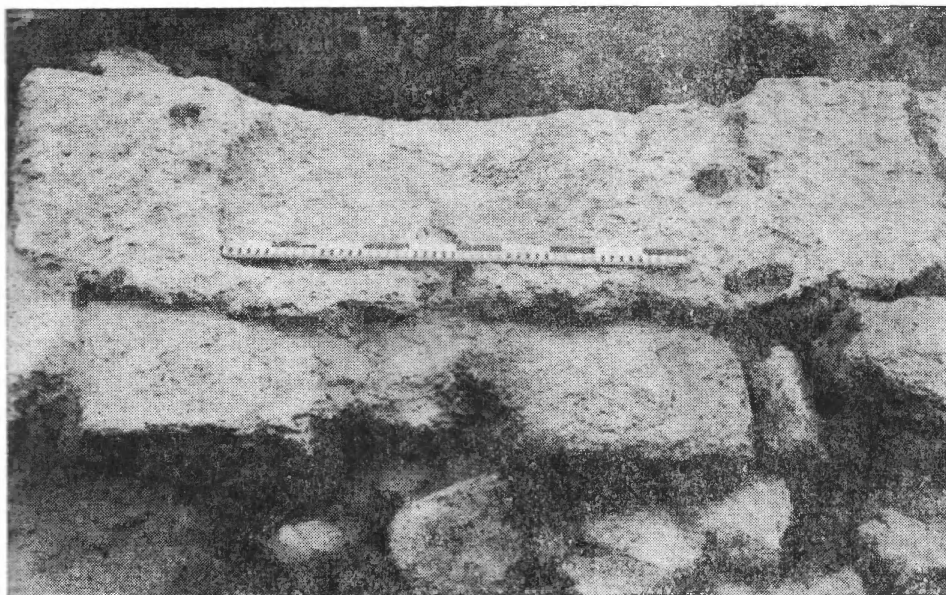

Рис. 21. Порог в пилоне 282 (Г).

шечника. Кладка двухлицевая. Притеска камней неплотная. Цоколь завершается постелистым рядом хорошо выкадрованных и плотно уложенных прямоугольных плит длиной до 1,5 м, шириной 0,6 м и высотой около 0,10 м (рис. 23).

Стены над цоколем двухслойные, двухлицевые, толщиной 0,50—0,60 м; они сохранились по всей северной половине здания на высоту четырех — восьми рядов по внутренним фасадам и на один ряд по наружным. Наружные фасады выложены по двухрядной сложной орфостатной системе из крупных прямоугольных плит длиной до 1,7 м, высотой до 0,95 м, шириной 0,28—0,33 м. Притеска неплотная.

Внутренние фасады выложены небрежно по однорядной постелистой, местами приближающейся к иррегулярной системе, из небольших слабо обработанных плиток (длина до 0,3 м). Оба слоя на всю глубину перевязаны тычковыми орфостатными камнями. Каких-либо следов обмазки не зафиксировано. Максимальная сохранившаяся высота стен от подошвы 2,3 м.

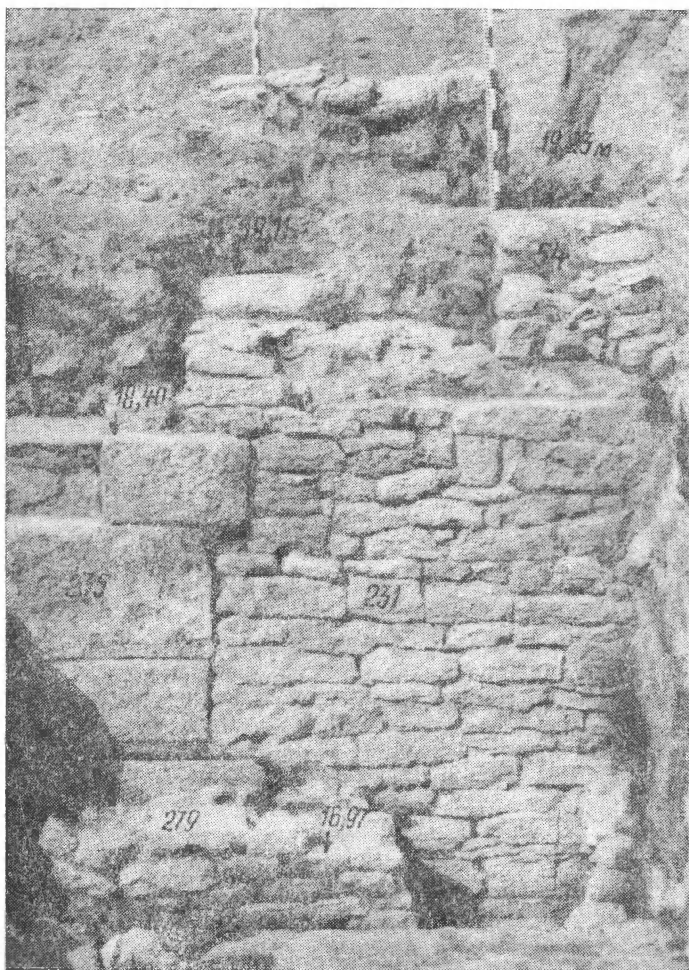

Рис. 22. Восточный фасад кладок 235 и 231 (подошва — 15,34 м):

54 — позднеантичная кладка; 279 — стена подвального дома эллинистического времени (подошва — 14,98 м).

Дверной проем находился в северо-западной стене, на 1,35 м выше подошвы фундамента, на расстоянии 1,7 м по внутреннему фасаду от западного угла. Уцелели один откос проема (орфостатная плита, установленная на торец) и расположенная к востоку от него плита порога, имеющая следы стирания. Сохранившаяся еще далее к востоку орфостатная плита наружного фасада позволяет установить ширину проема в пределах 0,9—1,1 м.

Культурный слой заполнения оказался нетронутым только в промежутках между стенами здания и впущенной в него в конце XIII — начале XIV вв. печью для обжига кирпича. Ширина этих промежутков 0,8—1,7 м. В таком промежутке в северо-западном углу помещения

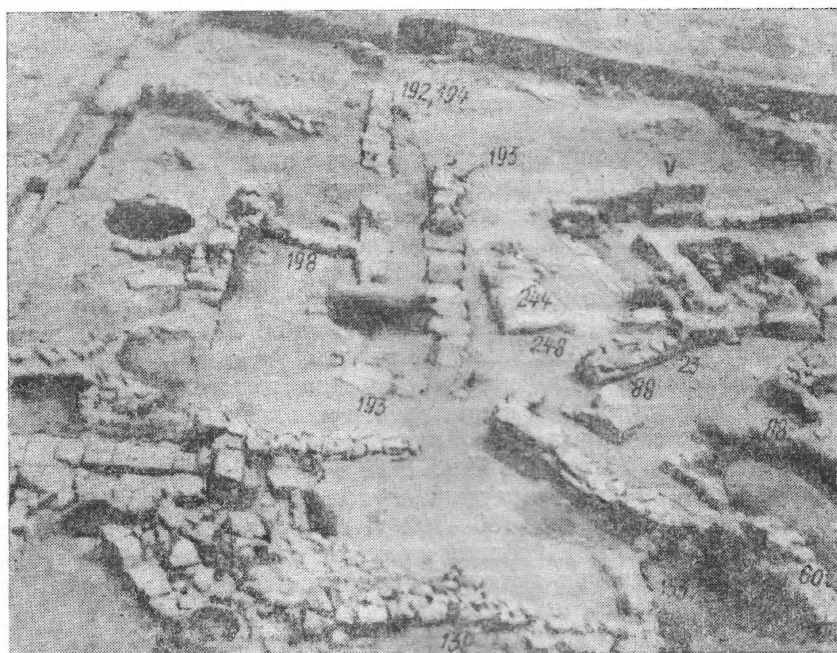

Рис. 23. Остатки построек внутри цитадели:

здание vexillarii (V); общая стена (192, 194) с помещением (198); послеготский дом (88); помещение-дворик (244); вымостка (193).

сохранился, в частности, *in situ* завал черепичной кровли. На 28 крупных обломках керамид имелось ретроградное клеймо $CIC > L \cdot I$ [C(aius) I(ulius?) C(...) centurio l(egionis) l(Italicae)], содержащее инициалы центуриона I Италийского легиона, очевидно, командира гарнизона Тиры в период между 70-ми годами II — серединой III вв. н. э. (Клейман, 1965). Последнее в полной мере соответствует конкретной исторической ситуации II — середины III вв. н. э., когда римские гарнизоны на территории Нижней Мезии, в Ольвии и Херсонесе состояли из vexillarii V Македонского, XI Клавдиева и I Италийского легионов, а также вспомогательных отрядов под командованием одного из офицеров указанных легионов, причем в начальный период это были центурионы V Македонского легиона, а с 70-х годов II в. — I Италийского (Никореску, 1937; Карышковский, 1971, с. 155—158). Черепица

лежала в слое влажной зеленоватой глины с пустотами от истлевших соломинок, служившей в крыше для влаго- и теплоизоляции. Остатки аналогичной кровли были обнаружены и при раскопках в Тире жилого дома II—III вв. н. э. (Фурманская, 1962, с. 137).

Под завалом кровли на глинобитном полу, расположенном на 0,2 м ниже порога дверного проема и имевшем, по-видимому, несколько горизонтов, найдено некоторое количество железных предметов плохой сохранности, среди которых наряду с фрагментами, похожими на наконечники копий, удалось выявить заградительные шипы (Клейман, 1971, с. 233, рис. 8).

Массовый датирующий материал, сопровождавший раскопки здания, представлен обломками больших широкогорлых красноглиняных амфор со сложнопрофилированными ручками (Зеест, 1960, с. 113, табл. 31, 75), таких же амфор с желобчатыми венцами и рифленными овальными ручками (Зеест, 1960, с. 115, табл. 33, 80), а также светлоглиняных узкогорлых амфор с резко расширяющимся книзу горлом и округлым корпусом (Зеест, 1960, с. 117, табл. 37). Все эти амфоры датируются II — первой половиной III вв. н. э.

Датируют здания также игрально-счетные жетоны (Клейман, 1971, с. 233, рис. 5, 1), светильники первых веков н. э., фибулы II—III вв. н. э., обломки керамид с клеймами V Македонского легиона, находившегося в Нижней Мезии до 70-х годов II в. н. э., и особенно монеты — денарий Веспасиана (69—79 гг.), тирасский дупондий Антонина Пия (138—161 г.), денарий Коммода (180—192 гг.), тетраассарий Тиры Севера Александра (222—235 гг.). Важной находкой для установления времени функционирования здания является обнаруженный при выявлении подошвы северо-западной стены в небольшой ямке денарий Септимия Севера (193—211 гг.), чеканенный в 209 г. н. э. Монета хорошо сохранилась и, следовательно, находилась в обращении непродолжительное время. Вместе с нею лежало бронзовое кольцо-браслет и металлическая поделка, напоминающая лезвие ножа. Этот небольшой клад, если и не связан со временем постройки, то определенно указывает на время использования помещения на рубеже первого и второго десятилетий III в. н. э. Построено здание, вероятно, несколько ранее, о чем может дать представление датировка черепицы с инициалами центуриона I Италийского легиона из его кровли. Клеймо на черепице указывает на время, когда гарнизон Тиры состоял из вексилляции одного лишь Италийского легиона, подобно тому как в начальный период пребывания римских войск в Тире клейма упоминали только V Македонский легион (Никореску, 1944). Это получило подтверждение в памятниках лапидарной эпиграфики, сообщающих, что во времена императора Траяна (98—117 гг.) гарнизон состоял из вексилляции V Македонского легиона со вспомогательными войсками во главе с центурионом этого легиона. Позднее, между временем Траяна и датой перемещения V Македонского легиона за пределы Нижней Мезии (168 г. н. э.), судя по клеймам на черепице, гарнизон Тиры состоял из вексилляции не только V Македонского, но и XI Клав-

диева и I Италийского легионов под командованием центуриона Италийского легиона (Никореску, 1937, с. 218). В последнюю треть века и, как можно думать, до ухода римских войск в конце первой половины III в. н. э. вексиляции I Италийского легиона являлись основной опорой римлян не только в Тире, но на всей территории к северу от Дуная (Доручиу-Бойлэ, 1972). К этому последнему периоду и следует отнести черепицу кровли нашего здания. Таким образом, судя по приведенным данным, здание могло быть построено в интервале между 70-ми годами II в. н. э. и первым десятилетием III в. н. э. Уточнить эту дату можно будет только после окончания работ внутри цитадели. Пока достаточно надежно обоснованное время его функционирования датируется концом II — 30-ми годами III вв. н. э.

Обособленное расположение здания внутри укрепленного участка, характер планировки, предметы вооружения, найденные на его полу, монументальная техника кладки наружных фасадов стен, аналогичная кладке куртин, наконец, легионные клейма на черепице кровли — все это дает основание рассматривать данное здание скорее всего в качестве арсенала вексиляции I Италийского легиона. Об этом же, в частности, свидетельствует и отсутствие на полу каких-либо остатков бытового материала, что могло бы иметь место в случае использования здания в качестве казармы и т. п.

Для характеристики последнего периода жизни Тиры наибольший интерес представляют остатки так называемого послеготского дома.

Послеготский дом (рис. 5, 23). Пристроен с северо-северо-востока к внешнему фасаду круглой башни и состоит из двух наземных помещений и двора. Центральная часть дома была разрушена ямой золотоордынского времени. В целом построен и спланирован в античных традициях, а по своему типу относится к группе безордерных зданий типичной схемы, малой площади (Крыжицкий, 1969, с. 92, рис. 3). Форма пятна плана несколько трапецевидна. Площадь застройки около 55 м², от которой двор занимает 24%. Вход с севера. В качестве юго-западной стены дома использован фасад круглой башни 68. Северо-западной стеной является кладка 60 и северо-восточной — 23, 42. Местоположение четвертой, юго-восточной, стены определяется гипотетически.

От внутренних стен сохранились незначительные фрагменты кладок, позволяющие восстановить планировку. Наибольшее юго-западное помещение имело хозяйственно-жилое назначение; северо-западное, по видимому, являлось сенями. Двор размещался в северо-восточной части дома. Вымостка двора несколько заглублена на 0,20 м относительно подошв стен и полов остальных помещений. Уровень и характер этой вымостки в целом совпадает с жилой поверхностью помещения 244 и вымосткой улицы (193), относящимися к более раннему времени. Это дает основание предполагать, что вымостка двора возникла ранее послеготского дома и была в нем использована вторично.

Все стены дома двухлицевые. Северо-западная (60) и северо-восточная (23, 42) стены выложены на глине из грубо подтесанных, плохо выкадрованных, в основном полигональных, плит и блоков светло-желтого ракушечника по трехслойной однорядной постелистой, часто приближающейся к иррегулярной системе. Притеска неплотная. Стена 60 шириной 0,60—0,67 м сохранилась на высоту до 1,0 м, к башне подходит впритык. Ее северный несохранившийся конец был соединен с северо-восточной стеной, по-видимому, впереплет. Северо-восточная стена состоит из двух частей: 23 и 42. Ее общая длина 6,2 м, ширина 0,55—0,6 м, в высоту сохранилась на 0,7 м. Оба конца разрушены. Промежуток между ее двумя частями позволяет предполагать существование здесь дверного проема. Подтверждением этого является наличие трех ступенек, ведущих от предполагаемого проема во двор.

Из очень плохо сохранившихся кладок внутри дома представляет интерес только стена 43, выложенная аналогично наружным стенам; в ней был зафиксирован дверной проем шириной 0,86 м. Боковые грани в отличие от остальной кладки выложены из прямоугольных, хорошо выкадрованных плит. Толщина внутренних стен была меньше наружных и составляла около 0,50 м.

Заполнение помещений дома образовалось одновременно при его разрушении и (за исключением упомянутой ямы и юго-восточной части дома, уничтоженной в XIII—XIV вв.) сохранилось практически ненарушенным. Оно состояло из бута, очевидно, из верхних частей стен, обгоревших прослоек глины, представлявших, по-видимому, остатки кровли, земли и золы. Под этим слоем, особенно в юго-восточном помещении, было обнаружено более двух десятков сосудов, часть которых была раздавлена. На многих сосудах имеются следы вторичного обжига. Все это позволяет предполагать, что дом разрушился в результате пожара, причем настолько внезапно, что хозяева, как видно, не смогли даже спасти хозяйственную утварь.

Комплекс керамических изделий, зафиксированных вокруг средневековой ямы, частично нарушившей этот закрытый комплекс, на полу основного помещения и вымостки двора, состоял из позднеримских амфор, красноглиняного позднеантичного светильника, краснолаковой миски с высокими бортами, сероглиняных кувшинов и мисок, а также сероглиняных лощеных мисок, кубка и других сосудов. В комплекс входила также лепная керамика: несколько горшков, миска с венчиком, орнаментированным пальцевыми зажимами, ладьевидный светильник. Здесь же были обнаружены фрагмент стеклянного кубка со шлифованными насечками на стенках, обломки железных ключей, железные и бронзовые кольца, несколько пастовых бусин (Кравченко, Корпусова, 1975).

Определяющее значение для датировки комплекса имеют амфоры. Среди них выделяется пять разновидностей: узкогорлая светлоглиняная амфора с энглифическим штампом в виде полуокружности на горле и дипинти; наиболее близкими аналогиями ей являются две амфоры

из черняховского поселения Викторовка (Сымонович, 1967, с. 215, рис. 5; 18, 12, 13; Зеест, 1960, тип 104). Последние относятся к так называемому инкерманскому типу и датируются второй половиной III—IV вв. н. э.

Интересна также широкая красноглиняная амфора с крупным овальным в вертикальном сечении желобчатым корпусом, ребристым горлом, короткими ручками. Целый экземпляр подобной амфоры хранится в Белгород-Днестровском краеведческом музее (высота 0,85 м, диаметр горла 0,097 м). Аналогичные ей амфоры Танаиса (Шелов, 1972, с. 115, 116), Харакса (Блаватский, 1961, с. 187, рис. 90), черняховского поселения Делакеу в Молдавии (Рикман, 1967, с. 193, 194, рис. 18) относятся к III—IV вв. н. э. В Болгарии этот тип датируется началом IV в. н. э. (Кузманов, (1973). Варианты его известны также по находкам в Комарово Черновицкой обл. (Кропоткин, 1970, с. 9, рис. 32, 7).

Не менее интересна амфора с яйцевидным, слегка расширяющимся книзу рифленным корпусом, слабо профилированными маленькими ручками и заостренным шлемовидным дном. В типологическом ряду амфор первых веков н. э. афинской агоры, составленном М. Б. Шукиным (Шукин, 1968) по Г. Робинсону (Робинсон, 1959), нашей амфоре, как и амфоре из Ягятина Житомирской обл. (Кропоткин, 1970, с. 9, рис. 33, 5), ближе всего наиболее поздний вариант этого типа, датируемый второй половиной IV — началом V вв. н. э. (датирует аналогичный вариант этих амфор Г. Кузманов).

Остальные два типа — большая красноглиняная амфора с круглым в сечении валикообразным венчиком, массивными ручками и маленькая веретенообразная с широким горлом и горизонтально отогнутым плоским венчиком — известны недостаточно.

Таким образом, в единый комплекс входят амфоры, часть которых бытовала на протяжении второй половины III—IV вв. н. э., а часть относится к IV — началу V вв. н. э. При этом следует учесть, что, судя по отсутствию следов перестроек в доме и каких-либо следов нарастания культурного слоя за время его функционирования, период существования дома вряд ли был слишком продолжительным. Учитывая все сказанное, время бытования комплекса, по-видимому, следует ограничить IV в. н. э., что позволяет верхнюю дату существования дома наметить в пределах середины — второй половины IV в. н. э. Сложнее определить время строительства. В связи с тем что точная датировка наиболее ранних материалов из комплекса не всегда возможна, здесь приходится ограничиваться только данными стратиграфии, так как послеготский дом частично перекрывал северо-западный угол здания вексиляции, которое прекратило существование не позднее готских нашествий 30-х годов III в. н. э., отсюда и следует, что дом не мог появиться ранее конца второй четверти III в. н. э. Не исключено, что он мог возникнуть и позднее, во второй половине III в. н. э. (а может быть, даже в начале IV в.), поскольку рядом с ним выявлены строительные остатки также послеготского времени, но предшествовавшие,

судя по стратиграфии, его строительству (это кладки 139, 153, 142, 329, помещения 331, угол которого уходит под послеготский дом, помещение 244 с трамбовкой, также уходящей под него).

Окончательно на этот вопрос можно будет ответить только после полного раскрытия этих остатков, чему, к сожалению, препятствует именно дом. Однако уже и сейчас совершенно очевидно, что в Тире имеется достаточно мощный слой послеготского времени, поскольку, как бы ни решался вопрос о времени постройки дома, факт его существования в IV в. н. э. сомнений не вызывает.

Не останавливаясь подробно на описании других категорий керамики из этого комплекса, достаточно тщательно рассмотренных в статье Н. М. Кравченко и В. Н. Корпусовой (Кравченко, Корпусова, 1975), отметим только объединение здесь сосудов, связываемых обычно по своему облику с различными этническими группами. Это прежде всего сероглиняная кружальная керамика, близкая, а в одном случае вообще тождественная сосудам из поселений черняховской культуры, окружавших город в III—IV вв. н. э. (Кравченко, 1973, с. 19). Это также лепной горшок с плавно отогнутым широким венчиком, вытянутым корпусом и зауженным дном, по форме аналогичный сарматским сосудам могильника Тиргшор в Румынии (Диакону, 1965, с. 19—20), наконец, лепная миска гето-фракийского облика с орнаментом защипами по краю венчика.

Перечисленные особенности отражают общий характер материалов из послеготского слоя и раскопа в целом, показывают отличие этого слоя от более раннего, доготского. Здесь помимо типологических особенностей, характерных для античных материалов разных хронологических групп, прослеживается различие и по видовому составу керамики, а также по ее происхождению. Так, в частности, преобладание среди лепной посуды гето-фракийских или гето-дакийских форм в эллинистическое и раннеримское время в послеготском слое сменяется другими, ранее малоизвестными в Северо-Западном Причерноморье формами. Характерно также то, что многие находки доготских напластований находят себе аналогии в вещественном материале западных территорий, в то время как материалам послеготского слоя ближе вещи, распространенные в Северном Причерноморье.

Анализ материалов, полученных при раскопках послеготского дома, позволил, во-первых, вообще выделить послеготский слой, а во-вторых, наметить в его рамках минимально реальное количество строительных периодов. К сожалению, из-за чрезвычайно плохой сохранности послеготского слоя для его более подробного описания достаточных данных нет. Это объясняется тем, что поскольку различия по сопровождающему материалу между строительными периодами пока не прослеживаются, их разграничение возможно только лишь на основании анализа стратиграфии, почти повсеместно нарушенной.

Помещение 244 (рис. 5, 23) располагается между северо-западной стеной здания вексилляции и вымосткой 193. Сохранился только

северо-западный угол помещения, вымощенный крупными плитами ракушечника. Глубина заложения этой вымостки на 0,70 м выше уровня порога здания вексилляции, что исключает возможность их одновременного существования. Кладки стен северо-западного угла 210, 248 сохранились на высоту до 0,40 м, шириной 0,40—0,50 м. Обе стены трехслойные, двухлицевые, сложены по однорядной постелистой ложковой системе из мелких плит плохо обработанного ракушечника на глинистом растворе. Исходя из того что помещение было вымощено крупными плитами длиной до 1,8 м, можно предполагать, что оно не имело перекрытия и являлось двором. Снаружи к стене 248 на 0,2 м выше ее подошвы подходит вымощенная мелкими плитками ракушечника и керамическим боем вымостка. Остатки помещения-дворика вместе с примыкающей вымосткой были перекрыты слоем уплотнений сероглинистой засыпи (жилой поверхности), уходящей под подошву наружной стены 23, 42-го послеготского дома. Засыпь содержала обломки позднеантичной керамики, в том числе сероглиняной с лошением.

Таким образом, в рамках послеготского слоя выделяем три строительных периода, первые два из которых не выходят за пределы 40-х годов III — начала IV вв. н. э.

Вымостка № 193 (на улице). Как уже говорилось, улица относится к доготскому слою. Она проходит в 7 м к югу от куртины 72 и параллельна ей. С севера ограничивается рядом помещений, от которых на протяжении около 11 м сохранились только остатки стен 192, 194 и помещения 198. Южная граница улицы не выявлена. По оси улицы на уровне, соответствующем выходящим на нее послеготским постройкам (помещения двора 244 и послеготского дома), уложена вымостка шириной 0,75—1,25 м из больших полигональных плит длиной до 1,0 м. Восточный конец ее разобран, очевидно, в новейшее время (здесь проходит траншея новейшего времени). Вымостка имела небольшой уклон к востоку порядка 3 см на 1 м горизонтального проложения. Рядом с входом в послеготский дом она почти под прямым углом поворачивает к северу. Вымостку непосредственно перекрывала нивелирующая подсыпка из обкатанной гальки, глины и керамики, подстилающая средневековые постройки. Совершенно очевидно, что вымостка функционировала в послеготское время, хотя могла появиться и несколько раньше.

Подвал III (см. рис. 5, 15) перекрывает юго-западный угол здания вексилляции. В плане несколько повернут относительно планировочной сетки послеготского дома и подвала 150, перекрывающего куртину 37. Сохранность стен очень плохая. В плане подвал имеет форму прямоугольника размером 5,35 × 4,5 м. Пол глинобитный. При строительстве подвала орфостатная часть здания вексилляции в этом месте была разобрана. Стены связаны в переплет. Кладки двухслойные (внешний бутовый слой прослежен в кладке 8), однолицевые, сложены на глине в основном по однорядной постелистой ложковой системе. В стене 8 третий от подошвы ряд выложен по простой орфостатной, приближающейся к полигональной, системе. Стены сохранились на высоту до 0,50—

0,70 м и перекрыты глинобитным полом золотоордынского помещения. Подошвы кладов заглублены на 0,05—0,10 м ниже уровня глинобитного пола. Материал — светло-желтый ракушечник, прямоугольные и полигональные плиты с плохой выкладкой и отсутствием притески. Характерна разнотипность камня, как в отношении размеров и формы, так и по характеру обработки фасадов камней. Различна и толщина кладок — от 0,20—0,30 (8) до 0,40—0,55 м (53). К стене 7 в средней

Рис. 24. Лестница из подвала 150, остатки наземной (263) и перекрывающей кладок (261).

ее части подходил вплотную под прямым углом канал глубиной 0,58 м, шириной 0,35 м, сохранившийся на протяжении 1,15 м. Его борта выложены из тонких орфостатных плит, ложе устлано мелким камнем. Назначение канала не ясно. В его развале в месте соединения со стеной подвала были найдены три слепшесия монеты: денарий Юлии Мамен (222—235 гг.) и два биллоно-

вых антониана Валериана и Галлиена, чеканенных после 253 г. н. э. Это позволяет предполагать, что подвал возник уже в позднеантичное время и относится к послеготскому слою. Подвал использовался также и в средние века, когда здесь в пол были впушены два тондыра и вкопан большой кувшин XIII—XIV вв. Средневековая керамика встречалась в засыпи подвала до самого пола.

Подвал 150 (см. рис. 5, 8) расположен в 8 м к юго-востоку от подвала III на кладке куртины 37. В плане приближается к квадрату размерами 4,8 × 5,2 м. Уровень пола подвального помещения четко не прослеживается, однако косвенно устанавливается по верху плит куртины, на которых расположен подвал. Все четыре стены двухслойные, однолицевые, связаны друг с другом вплотную, сохранились на высоту от 0,30 до 1,20 м. Тыльный слой — бут. Общая толщина стен 0,50—0,85 м. Фасады выложены из разноразмерных полигональных и большей частью прямоугольных плит и блоков светло-желтого ракушечника по постелистой ложковой системе; ряды не всегда выдержаны. Промежутки в кладках заложены бутовым камнем. Притеска неплотная. Размеры камня от 0,10 × 0,20 м до 0,40 × 0,90 м по фасаду. К стене 163 подвала, у северо-восточного угла, подходит лестница 247 (рис. 24), огражденная с двух сторон стенами. Ширина лестничного марша 1,0—1,10 м. Сохранилось четыре верхних ступеньки лестницы (одна или две нижние были выбраны до того, как был засыпан подвал). Высота сту-

пеньки 0,20—0,25 м, ширина проступей 0,35—0,37 м. Каждая ступенька состоит из большой плиты размером $0,75 \times 0,30 \times 0,15$ м и дополнительной — $0,22 \times 0,30 \times 0,15$ м.

Наиболее поздний материал из засыпи подвала в ее нижней, не поврежденной новейшими вторжениями, части относится к периоду существования золотоордынского города — именно в это время он был засыпан. Судя по технике кладок и характеру разбивки, можно отнести его появление ко времени послеготского слоя. Подтверждает это и следующее. К северо-востоку от подвала выявлены фрагменты кладки 263 и пола сильно разрушенного наземного помещения, которое, судя по выходящей к нему лестнице, могло составлять с подвалом единый комплекс. Уровень пола на 0,09 м ниже верхней ступеньки лестницы. Здесь же зафиксирован незначительный фрагмент кладки 261, перекрывающей кладку 263. Стена 261, судя по сопровождающему материалу и характеру кладки (она положена по трехслойной однорядной постелистой системе из грубо обколотых плиток ракушечника), а также по перекрытию характерной нивелировочной подсыпкой из обкатанной керамики и гальки, обычно отделяющей развалы позднеантичных сооружений от строительных остатков города XIII—XIV вв., относится к последнему периоду сооружений античной эпохи в Тире. Это свидетельствует о наличии не менее двух строительных периодов в послеготском слое и к югу от здания вексилляции, а также подтверждает предположение о возможности строительства подвала 150 еще во время поздней античности.

Выделение культурного слоя, и в частности строительных комплексов послеготского времени, позволяет также в некоторых случаях уточнить время бытования отдельных вещей, выделить их из общей массы находок II—IV вв. н. э. Так, например, ко второй половине III—IV вв. следует отнести верхнюю часть массивной светлоглиняной амфоры с примыкающими к верхней кромке венчика уплощенными профилированными ручками и ангобированной поверхностью; амфора найдена в развале кладок к югу от помещения 244. Аналогичные амфоры известны из верхнего слоя Мирмекия (Гайдукевич, 1952, с. 180, рис. 182) и комплекса поздней Ольвии (Мелентьева, 1969, рис. 2; 3). К тому же времени относятся Т-образная фибула с украшениями в виде луковичек (Клейман, 1971, рис. 5, 2; Кропоткин, 1970, № 1100; Амброз, 1966, с. 74, табл. 13, 6—8), светильники с рубчатым орнаментом на плечиках и петлевидной ручкой. Фрагменты и целые светильники этого типа найдены, как и фибула, в верхних горизонтах при раскопках цитадели и более поздних построек на ее развалинах (Клейман, 1971, рис. 5, 3; Никореску, 1933, рис. 109—113; Бернгард, 1955, № 331; Кадеев, 1970, с. 108, рис. 16, 5). Датировку слоя подтверждают также обломки узкогорлых красноглиняных амфор с высоко поднятыми ручками, датируемые по многочисленным находкам на афинской агоре концом III—V вв. н. э. (Робинзон, 1959, гр. К, табл. 28; 31); фрагменты этих амфор встречались в Тире и ранее (Фурманская, 1957, с. 89, табл. 2, 7).

Известны они и на Боспоре, где датируются III в. н. э. (Зеест, 1960, с. 114, табл. 32, 79).

Важное значение для характеристики начального этапа послеготского слоя Тиры имеют хотя и не частые, но систематические находки римских монет второй половины III в. н. э., которые, вероятно, имели хождение и в более позднее время. Кроме отмеченных антонианов Валериана (253—260 гг.) и Галлиена (253—268 гг.) были найдены монеты Гордиана III (238—244 гг.), Филиппа Араба (244—249 гг.) и Диоклетиана (284—305 гг.). Всего в 1963—1976 гг. найдено 13 римских монет, выпущенных после прекращения тирасской чеканки.

Рис. 25. Глиняный штамп для оттиска изображений Афины (II—III вв. н. э.).

Подведем основные итоги изложенного выше. Несомненно то, что раскрываемый оборонительный комплекс является цитаделью, в которой размещался отряд римских легионеров. Подтверждением этого являются как планировка комплекса, его размеры, сопровождающий материал, так и наличие по крайней мере с двух сторон комплекса обычной городской застройки того же времени.

Раскрытие огражденного оборонительными сооружениями, сво-

бодно стоящего большого однокамерного сооружения с остатками предметов вооружения и черепичной кровли с клеймами римских легионов подтвердило его принадлежность римскому гарнизону, использовавшемуся, возможно, в качестве арсенала.

Ввиду разрушения культурного слоя к северо-востоку от раскапываемого участка, точные размеры и общую планировку цитадели установить, по всей вероятности, не удастся. Можно только предполагать, что цитадель, судя по направлению северной, юго-восточной и южной куртин, могла доходить до берега лимана, занимая в этом случае площадь 2—2,4 га (см. рис. 2). Как сообщает местный краевед, во время раскопок в 20—30-е годы к северо-востоку от нашего участка на примыкающей нижней террасе были обнаружены остатки «римской бани» и «римского дома с колоннами», а сам участок у раскопщиков получил наименование римский зимний лагерь (Записка В. Н. Бернера, НА ИА АН УССР).

Исходя из датировки здания вексилляции, значительного количества монетных находок I — первой трети II вв. н. э. (43—44 экз.) из

раскопок, документальных данных о римском гарнизоне Тира при Траяне (98—117 гг.), время существования цитадели относится к первой половине II в. н. э., а возможно, и к более раннему времени. Наиболее ранний из раскрытых объектов цитадели — круглая башня — мог появиться значительно раньше.

Верхняя граница существования цитадели как оборонительного комплекса определяется временем появления послеготских сооружений

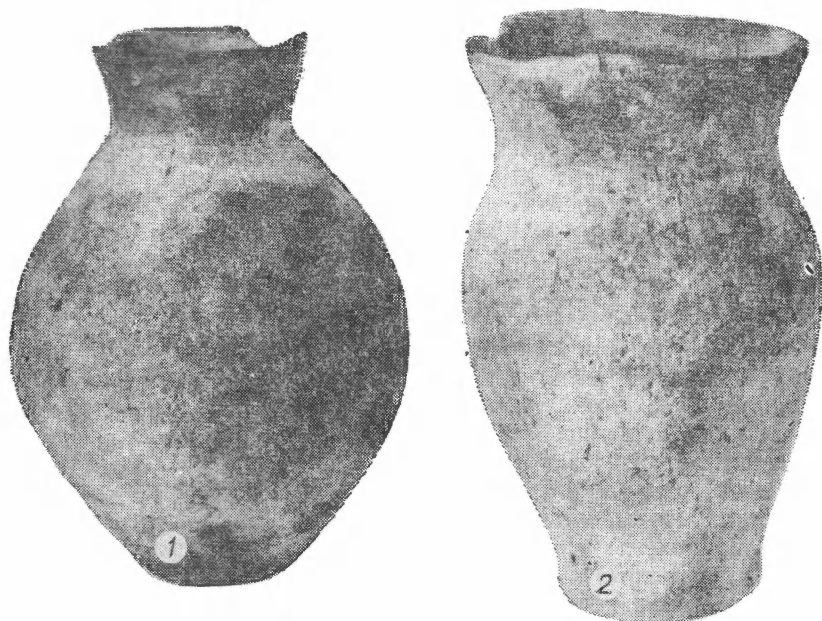

Рис. 26. Лепные сосуды из послеготского дома IV в. н. э.

и, вероятно, совпадает с готским нашествием. Подтверждением этого является и то, что стены цитадели и здание вексиллярии в ряде мест оказались перекрытыми послеготскими постройками (подвалы 150 и 3, кладка 191 и др.), строительство которых, судя по наблюдениям в районе послеготского дома, началось, по-видимому, еще в середине III в. н. э.

В послеготский период, охватывающий середину III и большую часть IV в. н. э., сооружения цитадели в значительной степени разрушаются и в некоторых случаях используются для жилых построек. На участке ведется довольно активное, хотя и беспорядочное, строительство. Здесь прослеживается не менее трех строительных периодов.

Общий облик материальной культуры послеготского слоя в целом отличается от более раннего времени. Это прослеживается в дальней-

шей деградации строительного искусства. Тира этого времени, можно полагать, во многом утрачивает черты, присущие городу античной эпохи. По-видимому, в значительной степени меняется и состав населения в результате проникновения местных элементов. Основой экономики является сельское хозяйство и торговля.

Свое существование Тира прекращает внезапно, очевидно, в результате военного нашествия. Так, в верхнем античном слое неоднократно фиксируются следы пожарищ с погребенными под ними *in situ* комплексами керамики, стеклянных сосудов и др. Особенно четко это удавалось проследить на примере описанного выше послеготского дома, что позволило в свою очередь соотнести с ним и ряд памятников, открытых ранее. Учитывая все это, а также то, что послеготский дом существовал во второй половине IV в. н. э., окончательное прекращение жизни в Тире можно связать с гуннским нашествием в 70-х годах IV в. н. э.

И. Б. КЛЕЙМАН

СТРАТИГРАФИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА ТИРЫ — БЕЛГОРОДА

Раскопки античной Тире и средневекового Белгорода, начатые более 70 лет назад, велись со значительными перерывами, длившимися иногда десятилетия. И все же собранный материал позволяет восстановить стратиграфию этого памятника.

Проанализируем материалы раскопок с целью воссоздания стратиграфической схемы этого памятника. В основу схемы положены наблюдения, полученные на раскопках участка городища, расположенного к востоку от главных ворот Белгород-Днестровской крепости, которые велись автором (на раскопе В) в 1963, 1965—1968 гг. (Клейман, 1971; Клейман, 1965; Кравченко, Клейман, 1972; Кравченко 1969) и были продолжены в 1969—1974 гг. (Крыжицкий, Клейман, 1971; Крыжицкий, Клейман, 1972; Крыжицкий, 1972).

Изучение стратиграфии культурных напластований Белгорода — Тире связано с рядом трудностей: интенсивная деятельность людей на протяжении более чем 2,5 тыс. лет на ограниченной, густо заселенной площади приводила к частым вторжениям из верхних горизонтов в нижние, к нарушениям последовательности залегания отдельных участков культурного слоя и по площади и глубине, а то и к полному его разрушению во многих местах городища. Пограничное положение города в новейшее время и связанная с этим смена государственной принадлежности его территории не способствовали преемственности в его исследованиях — приводили к разобщенности и часто к утрате материалов, отражающих результаты его изучения, в том числе и сведений по стратиграфии.

И тем не менее, переходя от методов множественного зондирования к систематическим раскопкам на более значительной площади, исследователи открывали участки городища или отдельные объекты с сохранившейся последовательностью напластований культурного слоя, а порой обнаруживались и твердо датированные закрытые комплексы, дающие необходимые компоненты характеристики того или иного слоя городища, в конечном итоге раскрывающие определенный период его истории и способствующие установлению исторической хронологии памятника (Блаватский, 1950).

Сделаем краткий обзор материалов по стратиграфии, полученных в ходе исследований до 1963 г. Начало раскопок Тире относится к 1900 г., когда Э. Р. Штерн, решая вопрос о местоположении античной Тире (Стемпковский, 1826, с. 21—23; Беккер, 1850, с. 418—419; Беккер, 1853, с. 175; Брун, 1853, с. 47—66; Брун, 1879, с. 3—11), заложил с этой целью на территории Аккерманской крепости и прикрепостной площади ряд шурфов и открыл в культурном слое городища не только остатки средневекового города, но и вещественные материалы античного времени: обломки чернолаковой посуды, светильники, ручки амфор, монеты Тире и тем окончательно археологически локализовал этот древний город (Штерн, 1901). До раскопок Э. Р. Штерна о существовании античной Тире на территории новейшего Аккермана уже говорили многочисленные случайные находки древностей, в том числе надписей (Кондаков, 1876; Латышев, 1892, с. 61; Штерн, 1901, с. 1—5, 31—32) и монет (Струве, 1867; Юргевич, 1888, с. 29—32; Кочубинский, 1901, с. 82—87, 95—102).

Сомневаясь в сохранности слоя античной эпохи, Э. Р. Штерн отмечает, что вся почва этого памятника перекопана и перерыта, гробницы ограблены (Э. Р. Штерн считал, что на гласисе, восточнее ворот крепости, им открыт некрополь III—II вв. до н. э.; впоследствии на этой площади в нижележащих слоях раскопаны жилые кварталы эллинистического и римского времени), фундаменты древних зданий разбросаны и тем самым «нарушена правильность наслоений», то есть автор представлял себе стратиграфию античной Тире полностью нарушенной. Очевидно, по первому впечатлению памятник не мог быть расчленен в стратиграфическом отношении.

Положение резко меняется в последующие годы. В статье о раскопках в Аккермане летом 1912 г., подчеркивая важность для науки Тире — Белгорода — Аккермана, Э. Р. Штерн пересмотрел свое прежнее мнение о его сохранности. Если в 1900 г. ни в одном из семи шурфов в первом и втором дворах крепости и раскопе вне ее (на гласисе против главных ворот) не были выявлены строительные остатки в потревоженном античном слое, то на этот раз в одной из трех зондажных траншей внутри крепости между юго-западной башней цитадели (замком) и стеной была обнаружена на глубине около 5 м античная кладка в не потревоженном грунтовом слое с датировемыми предметами — ольвийской (на самом деле истрийской) монетой V в. до н. э.

ниже подошвы стены, тирасской императора Коммода (180—192 гг.) в перекрывающем горизонте (Штерн, 1913, с. 100). Это позволило автору прийти к выводу о том, что имеются на городище еще места, где, выражаясь его словами, не нарушено «естественное наслоение культурных периодов» (Штерн, 1913, с. 101). Несомненной заслугой Э. Р. Штерна является также и то, что он, не ограничиваясь фиксацией материалов античной эпохи, специально обратил внимание на важность изучения «культурных остатков турецкого и генуэзско-молдавского» времени (Штерн, 1901, с. 44, 61; Штерн, 1913, с. 93). При этом итоги его стратиграфических наблюдений над напластованиями культурного слоя внутри крепости суммируются следующим образом (Штерн, 1913, с. 98—99).

Первый слой — слой новейшего времени (XIX в.), грунт темный, толщиной 0,75 аршина (0,47 м), резко переходит в светлый, строительные остатки незначительные, находок мало, слой не везде прослеживается.

Второй слой — турецкий, времени Аккермана XVI—XVIII вв., мощность местами достигает трех саженей (6,4 м), грунт сероглинистый с золистыми и другими прослойками; значительные строительные остатки (мостовые, фундаменты), насыщен вещественными материалами — керамикой, металлическими изделиями (курильные трубы, обломки грубой красноглиняной посуды, обломки привозной фаянсовой и фарфоровой посуды, подковы, ядра, турецкие и польские монеты).

Третий слой — молдавско-генуэзского периода (XIV—XV вв.), грунт сероглинистый и светлоглинистый с прослойками, хорошей сохранности кладки на глубине 1,5 саженей (около 3 м). Имеются вторжения из второго слоя и перемещение отдельных мелких предметов из второго слоя в третий, и наоборот. Сам по себе третий слой характеризуется, по определению автора, византийской глазурованной посудой, монетами XIV—XVI вв., обломками венецианских стеклянных сосудов, персидским и китайским фарфором и фаянсом. Находки в этом же слое джучидских монет и восточной керамики XIII—XIV вв. объяснялись, по-видимому, генуэзской торговлей.

Четвертый слой — античный с сохранившимися в некоторых местах строительными остатками, обломками чернолаковых и краснолаковых сосудов, античными монетами V в. до н. э.— I в. н. э., керамической эпиграфикой, античными светильниками, обломками амфор. Античная кладка из тщательно отесанных камней высотой около 1,4 м выявлена в слое мощностью не менее 2,10 м (глубина 2 сажени и 11 вершков = 4,8 м).

Таким образом, первым исследователем памятника были выделены две основные эпохи существования города — в культурном слое городища размежеваны пласты античные и средневековые, впервые открыт ненарушенный античный слой, однако воспринимается он еще суммарно, нерасчлененно.

Тогда же Э. Р. Штерн отметил, что между остатками Тиры римского времени и средневековым слоем, характеризующимся поливной керамикой (то есть слоем XIII—XIV вв.), «не существует значительной промежуточной ступени» (Штерн, 1906, с. 64). Этим самым автор подчеркнул отсутствие археологических памятников, которые могли бы относиться к переходному периоду между античной и средневековой эпохами.

Труды Э. Р. Штерна завершили дореволюционный период в исследовании стратиграфии Белгорода — Тиры русскими археологами; результаты его кратко обобщены Э. Миннзом (Миннз, 1913, с. 445—449).

Судя по публикациям 1919, 1927—1930, 1933, 1935—1937 гг., исследования румынских археологов не обогатили науку принципиально новыми результатами. И в эти годы раскопки велись методом зондажей, сколько-нибудь значительные площади не вскрывались; об этом позволяет судить план с обозначением мест раскопок в 1919 и 1928—1930 гг. (Никореску, 1933, с. 538). Материалы раскопок 1934—1941 гг. не опубликованы и утрачены. Это не могло не сказаться на выделении в культурном слое горизонтов, принадлежащих отдельным периодам внутри античной или средневековой эпохи. Выявить и зафиксировать эти периоды в смене пластов культурного слоя городища, а тем более получить материал для истории города в целом можно было, только раскрыв достаточно широкую площадь. Поскольку раскопки Тиры были в эти годы крайне маломасштабными, отмечались лишь трудности систематических раскопок в связи с перемешанностью наслоений (Никореску, 1924, с. 383—384; Никореску, 1937, с. 217) и даже выражалось сомнение относительно правильности отождествления изучаемого памятника с Тирой (Никореску, 1937, с. 217—218).

При определении времени археологического материала раскопок исследователи применяли старый традиционный метод датировки по общеисторическим источникам — письменным, эпиграфическим или нумизматическим. Так, XIII—XIV вв. в истории города, согласно П. Никореску, были временем господства генуэзцев и татар (название города в это время — Маврокастрон и Монкастро). В начале XV в. Белгород, по-видимому, входил в состав Молдавского княжества и, как считал П. Никореску, уже тогда стал называться Четатя-Албэ (Никореску, 1924, с. 379). Строительные остатки и предметный материал в этом случае относились соответственно к турецкому, молдавскому или генуэзско-татарскому времени (Никореску, 1939; Братиану, 1935). Авторами практически не учитывалась относительная стратиграфическая хронология напластований. Это не могло не сказаться на результатах и выводах при проведении объемных и сложных раскопок у башен средневековой цитадели в 1929 г. Г. Авакяном. Несмотря на то что эти работы были посвящены главным образом изучению архитектуры средневековой крепости, исследователь углубился, как он сообщает, в слои «доклассической и классической греческой цивилизации» (Авакян, 1931). Уделяя значительное внимание характеру и последовательности

напластований на этом важнейшем участке городища, автор раскопок ограничивался определением стратиграфии грунтов, избегал выводов о принадлежности слоя той или иной исторической эпохе. Вещественный материал рассматривается вне слоя и определяется неточно.

В результате стратиграфическая схема, предложенная еще Э. Р. Штерном, практически никаких существенных дополнений и изменений в целом не претерпела, хотя ряд предположений исторического плана был высказан П. Никореску в более обоснованной форме. Им и следовавшим за ним Г. Братиану был также выделен «татарский» период в истории Белгорода (то есть золотоордынский), в то время как у Э. Р. Штерна — XIII—XV вв., то есть весь дотурецкий период, рассматривался не расчлененно, как генуэзско-молдавский (Братиану, 1927).

Советский период изучения отдельных эпох жизни города в целом можно разделить на два этапа: раскопки главным образом средневековых слоев — Белгорода и раскопки в основном античных слоев — Тиры.

Наиболее значительные по площади исследования средневековых слоев Белгорода были произведены Л. Д. Дмитривым в 1945—1947 и 1949—1950 гг. вне стен средневековой крепости к востоку от главных ворот, когда сразу был вскрыт участок А общей площадью до 2 тыс. м² (Дмитров, 1949; Дмитриев, 1952; Дмитриев, 1955).

В 1945—1946 гг. в северной части этого участка был обнаружен турецкий могильник XVI—XVII вв. со склепами в слое гласиса, мощность которого достигала здесь 4—4,5 м (Одесский облгосархив, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 52, л. 60—61; Собрание карт и рисунков к Исследованию о древностях Южной России и берегов Черного моря Алексея Уварова. Спб., 1853, вып. 2, табл. 34). Это делало более обоснованными уже ранее существовавшие сомнения в правильности предположений Э. Р. Штерна о топографии эллинистического некрополя Тиры и в какой-то мере объясняло его ошибку в датировке обнаруженных им в этом же месте захоронений в склепах (Штерн, 1901, с. 46—50; Штерн, 1913, с. 101; Диль, 1948, стб. 1857).

В ходе работ на данном участке были выявлены, по определению Л. Д. Дмитрива, слои трех хронологических периодов: средневекового XII—XIV вв., римского I—III вв. н. э. и эллинистического III—II вв. до н. э. (Дмитров, 1948; Дмитриев, 1949, с. 42). Было также отмечено, что античные и средневековые архитектурные остатки имели разные строительные оси. Первые расположены параллельно берегу лимана, ось вторых развернута в направлении средневековой цитадели. Верхний горизонт культурного слоя на этом участке составлял гласис. Насыпанный из грунта, выброшенного при сооружении рва, и частично перекопанный в новое время, он, естественно, дал разновременные находки от V в. до н. э. до XX в. включительно. В лежащих под гласисом развалах средневековых домов с сохранившимися глинобитными полами, лежанками, кухонными печами («тондирами») и печами про-

изводственного назначения, несмотря на наличие в сопровождающем материале восточных монет, поливной (так называемой византийской) керамики, привозной восточной посуды, Л. Д. Дмитриев не увидел остатков города с преобладанием восточных элементов культуры, хотя и отмечал их присутствие. Этот слой со строительными остатками по содержащемуся в нем керамическому и нумизматическому материалу, стратиграфическому положению был довольно точно для первоначального определения датирован XII—XIV вв., а затем без достаточной аргументации отнесен «ко времени славянского Белгорода и молдавского Четатя-Албэ (Дмитров, 1952, с. 61—64; Дмитриев, 1955, с. 121—123). Открытию славянского слоя Белгорода в 50-х годах придавалось особенное значение (Ефименко, Шовкопляс, 1954, с. 26; Шовкопляс, 1957, с. 260; Дмитриев, 1957, с. 276).

Таким образом, Л. Д. Дмитриеву раскопанный участок представлялся стратиграфически разделенным на могильник турецкого Аккермана (XVI—XVII вв.), гласис крепости конца XIV—XV вв., горизонт со строительными остатками молдавского Четатя-Албэ (время автором не указано), горизонт славянского Белгорода (дата также не указана). Последние два горизонта культурного слоя разделены словесно в публикациях, в раскопках же и в полевой документации они отражены нерасчлененно, как один слой. Определяющими культурную принадлежность находками были, очевидно, молдавские монеты, кружальная красноглиняная (по определению автора, славянская) керамика, датируемая им IX—XII вв. н. э. Ранней датировке нижнего горизонта средневековых слоев, по всей вероятности, способствовали находки поливной красноглиняной керамики, определив которую, как принято было в то время, как византийскую (Яacobсон, 1950), автор также отнес ее к длительному периоду времени от XI до XV вв. (Дмитров, 1955, с. 112) и даже пытался выделить группу керамики VIII—XII вв. (Дмитров, с. 121). Наконец, в нижележащих слоях были зафиксированы два горизонта античного города, относящиеся соответственно к I—III вв. н. э. и III—II вв. до н. э. Заметим также, что наличие выделенного румынскими учеными слоя XIII—XIV вв. и определение его как принадлежащего генуэзско-татарскому Маврокастроу-Монкастро не учитывалось Л. Д. Дмитриевым.

Раскопки А. И. Фурманской 1958—1963 гг., которые велись, впрочем, в довольно скромных масштабах и с перерывами, были посвящены преимущественно исследованию античных слоев городища, лежащих под средневековыми напластованиями, открытыми Л. Д. Дмитриевым, и не могли изменить предшествующие стратиграфические схемы средневековых напластований. Следует, однако, отметить, что А. И. Фурманская отказалась от приурочения каких бы то ни было средневековых слоев или остатков к славянскому Белгороду и уточнила датировку слоя, лежащего непосредственно над остатками античной Тиры: согласно ее выводам, этот слой датируется XIII—XIV вв., причем в указанное время город входил в состав Золотой Орды (Фурманская, 1962, с. 129).

Уделяя главное внимание памятникам античной Тиры, А. И. Фурманская провела прежде всего тщательное исследование раннеэллинистических строительных остатков, открытых кратковременными раскопками В. А. Шахназарова в 1940—1941 гг., а также вышележащего слоя с остатками эллинистического и римского периодов. С этого времени можно говорить уже о трех горизонтах в культурном слое Тиры: римском, включающем улицу I—III вв. н. э. и примыкающие к ней дома, эллинистическом, к которому относятся подвалы и дворики домов III—II вв. до н. э., и, наконец, о горизонте раннеэллинистического времени с остатками помещений из великолепно обработанного камня, содержавших в нижних слоях заполнения вещественный материал IV в. до н. э. (Фурманская, 1962, с. 124—125; Фурманская, 1963, с. 42).

Эта стратиграфическая схема античных наслоений осталась в основном неизменной и пока может быть дополнена еще лишь одним горизонтом позднейшего периода истории Тиры — слоем второй половины III и IV вв. н. э.

Наиболее полная стратиграфия средневековых слоев Белгорода-Днестровского была предложена М. Г. Рабиновичем, специально занимавшимся в 1954 и 1958 гг. с этой целью раскопками городища. Проведя исследование на трех небольших раскопах в первом и втором дворах крепости и на прикрепостной площади, на восток от главных ворот, автор разделил культурный слой средних веков на следующие горизонты (Рабинович, 1968; Рабинович, 1972).

Верхний горизонт датируется XVI и более поздними веками. Сюда включен как позднее сооружение и гласис. Основная масса вещевого материала этого горизонта относится к XVI—XVII вв. Многие керамические находки происходят из Анатолии. Здесь найдены курительные трубки, турецкие монеты, подковы. Строительных остатков вне крепости нет. Этот слой связывается с турецким Аккерманом. Впрочем, определение и хронология верхнего горизонта городища, лежащего под задернованной поверхностью, не вызывала сомнений у историков еще до археологических раскопок.

Второй горизонт — наслоения XIV—XVI вв.; строительные остатки внутри крепости и вне ее связываются с молдавским городом Четатя-Албэ. Сюда отнесен дом середины XV в. на территории первого двора крепости с сохранившимися остатками калориферного отопления, датируемый монетой господаря Стефана III. К этому же периоду отнесено жилище, раскопанное вне крепости, но уже с печами-тондирами, наличие которых, согласно мнению этнографов, определено признаком древнего молдавского жилища.

Нижний горизонт средневековых наслоений, как себе представлял автор раскопок, не был им исследован, однако отдельные находки — височное кольцо с тремя бусинами, выполненными в технике зерни и скани, керамика славянского облика — указывают на возможность на-

хождения в нижнем культурном слое городища остатков славянского Белгорода.

Определение этнокультурной принадлежности первых двух горизонтов средневековых наслоений внутри крепости основано на всестороннем анализе конкретных материалов. Однако сомнительно отнесение гласиса к позднейшим сооружениям. Касаясь времени сооружения гласиса, все исследователи относили его к молдавскому периоду, который на основании исторических источников для районов нижнего Днестра и Дуная не мог начаться ранее конца XIV и начала XV вв., когда в последней трети XIV в. эти земли вошли в состав Молдавского княжества (Смирнов, 1960, с. 309; Мохов, 1950, с. 22—25). Не нашло впоследствии подтверждения и предположение о вероятном присутствии остатков славянского Белгорода в нижнем горизонте средневековых напластований.

Отмечая единство общих представлений о принадлежности памятника античной и средневековой эпохам, укажем на отсутствие единого определения хронологии отдельных периодов его истории даже у тех исследователей, которые вели непосредственное изучение культурного слоя в ходе раскопок.

Остановимся подробнее на работах, которые оказали решающее влияние на выяснение культурной принадлежности напластований домолдавского периода. Речь идет об открытии на территории Молдавии в последние два десятилетия археологических памятников с ярко выраженными признаками культуры, чрезвычайно близкой облику материальной культуры золотоордынских центров Поволжья и Кавказа (Смирнов Г., 1960 а; Гросул, Мохов, 1970, с. 56—57). Археологи Молдавии, изучая остатки этих, как они установили, золотоордынских городских центров Пруто-Днестровского междуречья XIV в., пришли к выводу о тождестве этой культуры в трех пунктах рассматриваемого района: Старом Орхее, городище у с. Костешты и древнем Белгороде-Днестровском (Полевой, 1965, с. 66—68; Полевой, Бырня, 1974, с. 5—11). Наиболее обобщенную характеристику на основе сопоставления монетных находок, керамического производства и особенностей самой керамики эти городские центры получили в работах Л. О. Полевого. К остаткам золотоордынского торгово-ремесленного города в Белгороде-Днестровском им справедливо отнесены все средневековые сооружения, открытые Л. Д. Дмитриевым под гласисом Аккерманской крепости. Это были жилища из камня, сырцового кирпича и дерева, со стенами, покрытыми глиняной обмазкой (с ее помощью закруглялись углы), с печами восточного типа — тондирами и лежанками-суфами, с печами производственного назначения. Раскопки этих жилищ сопровождались находками, типичными для золотоордынских торгово-ремесленных центров: красно-желтой ленточной керамикой (Полевой, 1964), поливной и неполивной красноглиняной керамикой XIII—XIV вв. (Полевой, 1964а, с. 170—171, 178—179; Полевой, 1969, с. 145—185), джучидскими

монетами XIII—XIV вв. (Полевой, 1956, с. 101), привозной среднеазиатской керамикой и другими предметами.

Все эти материалы и наблюдения позволили отказаться от представлений Л. Д. Дмитрова о напластованиях, лежащих под гласисом, как об остатках славяно-молдавского города. Мощность слоя и явно ориентализирующий характер культурных отложений XIV в. в Белгороде могут быть поняты и объяснены только в связи с общим подъемом экономики и расцветом не только торгово-ремесленных центров Днестро-Прутского района — самого западного района оседлой цивилизации огромного золотоордынского государства, но также в тесной связи с материальной культурой городов Поволжья, Северного Кавказа XIV в. и Средней Азии XIV в. (Полевой, 1969, с. 8—10; Полевой, Рафалович, 1960, с. 55; Смирнов, 1954, с. 316—322; Ртвеладзе, 1972; Якубовский, 1931, с. 1—27).

Это новое определение слоя конца XIII—XIV вв. внесло ясность во многие спорные вопросы стратиграфии средневекового пласта городища. Перейдем к изложению и обоснованию общей схемы стратиграфического разреза культурного слоя Белгород-Тирасского городища. В настоящее время на месте Белгорода и Тире находится не менее восьми горизонтов напластований.

1. Остатки турецкого Аккермана XVI—XVIII вв.;
2. Остатки молдавского города XV в. (Albo Castro — Четатя-Албэ);
3. Остатки золотоордынского городища конца XIII—XIV вв.;
4. Остатки позднеримской Тире середины III—IV вв. н. э.;
5. Остатки Тире времени Антонинов и Северов, первая треть II—III вв.;
6. Остатки Тире эллинистического времени, III—II вв. до н. э.;
7. Остатки Тире раннеэллинистического времени, IV—III вв. до н. э.;

8. Слой Тире классического времени, достаточно достоверно документирован многими вещевыми находками, строительные остатки пока не зафиксированы.

К первому слою в районе Центрального раскопа относятся: могильник в северо-восточной части прикрепостной площади (Дмитров, 1949, с. 47; Дмитров, 1952, с. 61—62; Фурманская, 1962, с. 122), насыпи свалки и ямы на глубину от 0,2—0,3 м до 1,0—1,5 м от современной поверхности, содержащие мелкие обломки турецкой керамики (простой красноглиняной и анатолийского фаянса), подковы, глиняные курительные трубки, турецкие монеты (ЗООИД, т. 31, 1913, с. 90—91; Авакян, 1931, с. 88—104). Грунт мусорный с золой, галькой, известняковой крошкой, серый, рыхлый. Внутри крепости в этом слое сохранились строительные остатки, в засыпи которых на уровне подошв — турецкая керамика (Андроник, 1968; Николеску, 1967, с. 227—229, 287—298), предметы вооружения и другие находки XVI—XVIII вв. Верхний горизонт этого слоя внутри крепости и вне ее в некоторых местах сильно, а то и сплошь разрушен траншеями, ямами для посадки деревьев и

т. п. (на глубину от 0,5 до 1,5 м). Мощность этого слоя резко возрастает в крепости по сравнению с прикрепостной площадью.

Отсюда происходят хранящиеся в Одесском археологическом и Белгород-Днестровском краеведческом музеях первоклассные образцы художественной керамики Турции (Миллер, 1972; Никореску, 1931, рис. 6), к сожалению, неизвестной исследователям.

Ко второму слою относятся прежде всего строительные остатки жилых построек внутри крепости — колодцы, ямы, фрагменты кладок

Рис. 1. Золотой венгерский червонец из Белгорода XV в.

и мостовых, зафиксированные в раскопках Э. Р. Штерна, Г. Авакиана и особенно М. Г. Рабиновича (Рабинович, 1968, с. 105; Штерн, 1913, с. 99). Раскопки этого слоя сопровождались находками обломков местной и привозной керамики XV в., остатками предметов вооружения, монетами молдавских господарей конца XIV—XV вв. (Петра Мушата, Александра Доброго, Стефана Великого) (Рабинович, 1968, с. 106; Полевой, 1956, с. 93—94, 101). На Центральном раскопе к молдавскому периоду определенно относится основная часть насыпи крепостного гласиса; вероятно, к этому же слою принадлежат глинистые нивелировочные трамбовки, ямы для мусора и отходов, возможно, и вымостки, зафиксированные в самых верхних слоях. При раскопках этого горизонта на прикрепостной площади в слое и перемещенными в смежные горизонты были найдены в небольшом количестве монеты Молдавского княжества (Дмитров, 1949, с. 48; Дмитров, 1952, с. 62, рис. 6; Дмитров, 1955, с. 118), в 1963—1972 гг. — еще семь молдавских монет, а также в относительно небольшом количестве обломки сероглиняной керамики со штампованным орнаментом, распространенной в других городских центрах средневековой Молдавии (Мартинович, 1957; Андроник, Ням-

цу, Дину, 1970), а также фрагменты поливной красноглиняной керамики местного производства, известной в Белгороде и в предшествующую эпоху. У Э. Р. Штерна этот слой городища назван генуэзско-молдавским и отнесен к XIV—XV вв. (по его схеме он значится третьим, так как первым слоем названы наслоения новейшего времени). Такое наименование и хронология были связаны не только с общен историческими

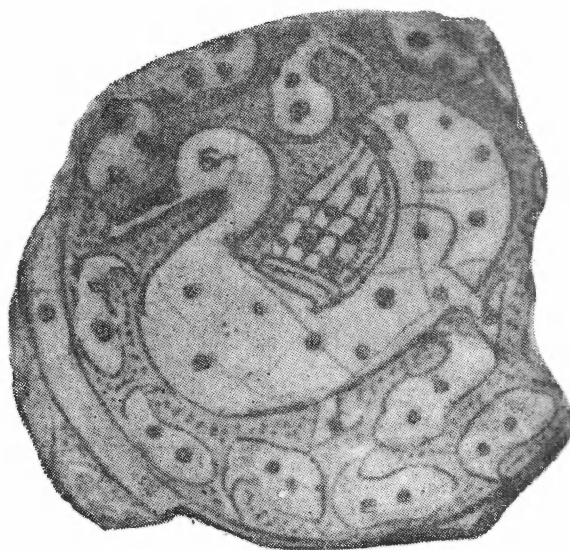

Рис. 2. Дно кашинной поливной чаши XIII—XIV вв.

представлениями, но и с имевшимися археологическими данными. Поскольку вещественный материал XIV в., в основном восточный, датировался недостаточно определенно, а напластования XIV и XV вв. на территории крепости были чаще всего смешаны, наслоения дотурецкого времени не могли быть расчленены. Действительно, при раскопках в перемежку найдены сирийско-египетская и кашинная керамика XIII—XIV вв., красноглиняная керамика с подглазурной росписью и врезным орнаментом местного производства XIII—XV вв. (прежде ее считали византийской), молдавские монеты XV в., сероглиняная керамика XIV—

XV вв., венецианское стекло и другие изделия ремесла XV в.

Многие исследователи указывали на существование в XIII—XV вв. в Белгороде генуэзской фактории. Конец XIII—XIV вв. названы П. Никореску генуэзско-татарским периодом, а XIV—XV вв. Э. Р. Штерн называет генуэзско-молдавским временем. Генуэзцам приписывалось и строительство замка (цитадели) Аккерманской крепости (Мурзакевич, 1850)*. Однако если по письменным источникам в XV в. среди многоэтнического населения города кроме армян, «волохов» и других упоминаются также генуэзцы (Брун, 1853, с. 439; Кочубинский, 1901, с. 143; Меликсет-Беков, 1911), то в материальной культуре этого времени мы находим лишь единичные предметы (таков, например, должностной знак с гербами Генуи и генуэзского банка) (Фурманская, 1962, с. 136—137, рис. 15, 1—2), свидетельствующие о пребывании последних в Бел-

* Впрочем, А. Л. Бертье-Делагард (1900, с. 79—80) считал замок турецкой постройкой.

городе. Находки венецианского стекла и других изделий западного происхождения с большей вероятностью указывают на торговые связи, чем на политическое присутствие генуэзцев в XIII—XV вв. Итальянский элемент никогда не был господствующим в Белгороде, и, следовательно, напластования как XIII—XIV, так и XV вв. не могут именоваться генуэзскими (Бертье-Делагард, 1919, с. 17—18).

Нельзя согласиться также с утверждением Л. Д. Дмитрива, относившего к молдавскому периоду открытые им под гласисом крепости строительные остатки. Расположение жилых городских кварталов на площади перед главными воротами крепости, у самого рва, вряд ли было возможно с военной точки зрения. Вещественный материал датирован исследователем в основном XIII—XIV вв., к этому же времени отнесены строительные остатки. Такая датировка и определение периода противоречат друг другу, поскольку из общесторических источников известно, что Белгород вошел в состав Молдавского княжества не ранее конца XIV в. (Сенкевич, 1949, с. 89—91); самая ранняя строительная надпись из Белгорода датируется 1399 г. (Войцеховский, 1972). Поэтому следует полагать, что остатки города XIII—XIV вв., открытые Л. Д. Дмитривым под грунтом, выброшенным при строительстве рва и сооружении насыпи, могут быть отнесены к домолдавскому периоду. Молдавские монеты, найденные в самом основании гласиса, в засыпи помещений города XIII—XIV вв. указывают на время строительства оборонительных сооружений и окончательного погребения домолдавского города (Дмитров, 1955, с. 112; Нудельман, 1974, с. 200).

Молдавский слой Белгорода невозможно рассматривать в отрыве от крепостных сооружений, главные из которых были воздвигнуты, как об этом свидетельствуют датированные строительные надписи в первой половине и середине XV в. (Кочубинский, 1889; Кочубинский, 1901, с. 149—178; Диакону, 1959, с. 540—542; Войцеховский, 1969, с. 341; Войцеховский, 1972).

Высказаны предположения и о несколько более раннем времени сооружения цитадели (Тараманян, 1972). Из документальных, нумизматических и других общесторических источников известно, что Белгород этого времени — самый крупный город Молдавского княжества, важный транзитный пункт на путях международной торговли европейских стран с Востоком (Котляр, 1966, с. 140—148).

Жилых построек или производственных сооружений рассматриваемого времени за пределами крепости не было выявлено. Весьма вероятно, впрочем, что на небольшом расстоянии от стен крепости располагались посадские поселки; такой поселок был, надо полагать, в районе греческой и армянской церквей города XV в., расположенных в северо-восточной части современного Белгорода, в 250—300 м на юго-восток от крепости. Напластования молдавского города исследованы на небольшой площади, и представления о культурном слое XV в. весьма ограничены. Вещественный материал этого периода, включая керамику, и

сейчас не всегда достаточно четко выделяется исследователями из общей массы позднесредневековых местных и импортных предметов.

К третьему слою средневекового Белгорода принадлежат относительно хорошо сохранившиеся остатки города XIII—XIV вв. с ярко выраженным восточным обликом материальной культуры. Этот город входил в состав золотоордынского государства (Полевой, 1955, с. 89; Параска, 1972, с. 184—185). На центральном раскопе это основания каменно-глиняных помещений с кровлей, опиравшейся на деревянные столбы, керамические и другие производственные печи, ямы для сброса золы из печей и других хозяйственных отходов, вымостки улиц. Помещения в плане имеют очертания прямоугольника, иногда слабо выраженного пятиугольника со сглаженными глиной углами, для них характерно наличие глинобитных полов с впущенными в них печами для выпечки лепешек (тондирами). Характер культурных напластований и отдельные специфические детали этих сооружений очень близки не только строительным остаткам из напластований золотоордынских городов Днестро-Прутского междуречья (Полевой, 1969, с. 87, 92—98; Бырня, 1972, с. 193—195), но имеют много общего в планировке использования строительных материалов и особенностях строительных приемов с сооружениями Нового Сарая и других джучидских городских центров (Федоров — Давыдов, 1966, с. 233—238; Егоров, 1970, с. 172—179).

Сопровождающий материал этого слоя также находит ближайшие аналоги среди керамики и других находок из раскопок восточных торговых-ремесленных городов Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии. Так, раскопки средневековых слоев в 1969—1973 гг. позволили исследовать пять однокамерных домов овальноугольной и прямоугольной формы с каменно-глинобитными и сырцовыми стенами, глинобитными полами с остатками опорных столбов от кровли, с печами-тондирами, впущенными в пол, лежанками-суфами, полками (Кравченко, 1976; Крыжицкий, 1972а, с. 59—60). Так же, как и при раскопках Л. Д. Дмитрова, в слое, к которому относятся эти жилые помещения и производственные объекты, массовыми находками были фрагменты красноглиняной поливной керамики с подглазурным врезным орнаментом и полихромной росписью (Крыжицкий, Клейман, 1972, с. 181), изготовлявшейся в золотоордынских городах, но восходящей к традициям ремесленного производства Востока и Византии предшествующего времени (Полевой, 1968, с. 125—135; Штерн, 1906, с. 53). Столь же часты находки обломков местной обиходной столовой и кухонной керамики, формы и орнамент которой также характерны для посуды XIII—XIV вв. из Хорезма, Крыма, Закавказья (Вактурская, 1959, с. 320—326; Михальченко, 1973). Здесь же встречаются обломки импортной посуды кашинной (Булатов, 1969; Булатов, 1968), селадона и сирийско-египетской керамики с росписью люстром (Штерн, 1906, с. 30, 77—78; автор называет ее арабско-персидской), восточной (возможно, ближневосточной) красноглиняной с росписью кобальтом. Последняя

группа — привозная восточная керамика — свидетельство далеких торговых связей и близости всего облика материальной культуры Белгорода XIII—XIV вв. к культуре главных центров оседлой цивилизации Золотой Орды (Кравченко, 1972, с. 405—407). Большой клад джучидских монет из Белгорода-Днестровского (Федоров-Давыдов, 1960, с. 100, 132), систематические находки подобных медных и серебряных монет в раскопках этого слоя (Федоров-Давыдов, 1963, с. 211, № 580; Нудельман, 1974, с. 199—200) подтверждают его датировку концом XIII—XIV вв. и золотоордынскую принадлежность. Отдельные предметы, связанные с костерезным, литейным и другими ремеслами Белгорода конца XIII—XIV вв. (тигель, наперсток, литейные формы, костяные кружки, сипай), близки аналогичным находкам из раскопок Сарая-Берке (Греков, Якубовский, 1950, рис. 6; Федоров-Давыдов, 1964; Федоров-Давыдов, 1966).

Таким образом, раскопки 1963—1968 и 1969—1973 гг. еще раз подтвердили ошибочность определения рассматриваемого слоя городища как молдавско-славянского (Дмитров, 1955, с. 123) или молдавского (Рабинович, 1968, с. 105) периода истории Белгорода и позволяют окончательно присоединиться к определению его Л. Л. Полевым как золотоордынского. Этот слой хорошо сохранился на прикрепостной площади и особенно под насыпью гласиса. Мощность его здесь достигает около трех метров. На Центральном раскопе четко различаются три периода застройки этой территории в золотоордынское время: на первом этапе здесь преобладали производственные сооружения-печи для обжига кирпича (Кравченко, 1969, с. 323), изразцов и поливной керамики, во втором периоде этот район застраивается жилыми сооружениями, полы которых перекрывают остатки разрушенных и засыпанных печей, в третьем периоде здесь вновь появляются производственные печи, но уже иного типа, новые небольшие помещения, построенные на сnivelированных до уровня, близкого к глинобитным полам жилых построек предшествующего периода. Строительные остатки последнего периода в большей мере сочетают признаки жилого и производственного использования (Крыжицкий, 1972а, с. 225).

Культурный слой города XIII—XIV вв. прослежен также на юг, юго-восток и юго-запад от крепости в шурфах, заложенных на современной ул. Ушакова (Крыжицкий, Клейман, 1972, с. 178). Это указывает на значительные размеры его площади. Несмотря на разрушения в молдавское и турецкое время, на одном из шурфов золотоордынский слой с сохранившимися строительными остатками достигает 1,5 м. Грунт наслоений везде характеризуется насыщенностью обожженной глиной, течиной, множеством зольных и мусорных прослоек, особенно в засыпке многочисленных ям. Заполнение помещений темноглинистое и сероглинистое с четкими (в разрезе), желтоглинистыми линиями полов и линзами сырцового кирпича. Дневные поверхности характеризуются гумусированным грунтом, типичным также для вторжений при выборке

камня во время последующих перестроек. В слое огромное количество костей животных.

Верхние горизонты каждого из описанных периодов (особенно последнего) и внутри золотоордынского слоя сохранили следы пожаров. Строительные остатки города конца XIII—XIV вв. внутри территории крепости сильно разрушены в период завершения ее строительства и построек в последующее время, однако отдельные фрагменты кладок, значительное количество вещественных материалов XIII—XIV вв., перемещенных в слой других периодов, позволяют включить и эту территорию в границы золотоордынского города.

Таким образом, слой Белгорода конца XIII — второй половины XIV вв., несмотря на небольшую величину исследованной площади, дал яркий материал для истории города, характеризующий его как важнейший экономический и культурный центр Северо-Западного Причерноморья в эту эпоху. Город достигает наибольших размеров. О расцвете ремесла свидетельствует развитие местного производства художественной расписной керамики — поливной посуды с подглазурным орнаментом (Рикман, 1969, с. 63, рис. 43; Рикман, 1961, с. 32; Константиnescу, 1959; Кравченко, 1975), изразцов. Белгород этого времени — крупный порт, обозначенный на мореходных картах XIII—XIV вв. (Бертье-Деллагард, 1919, с. 14; Попеску-Спинень, 1938, с. 75), пункт прохождения международных торговых связей с Востоком (Полевой, 1969, с. 30—31; Котляр, 1966, с. 135, 140—141) и одна из гаваней, через которую вывозили хлеб из прилегающих районов юго-восточной Европы.

Население золотоордынского Белгорода многоэтнично (Братиану, 1927, с. 26), и это наложило свой отпечаток на общий облик материальной культуры, в которой ощущается сильное влияние Востока. Нивелирующее воздействие Золотой Орды не исключает возможности выявления отдельных компонентов этой культуры и ее носителей. Положение Белгорода в XIV в., его подъем не могут быть объяснены только лишь местными условиями развития экономики этого уголка юго-восточной Европы, но связаны с общими причинами развития торгово-ремесленных центров Золотой Орды (Егоров, 1969; Федоров-Давыдов, 1964а, с. 1—9; Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959, с. 130—131).

Напластования городища, относимые к золотоордынскому Белгороду, лежат непосредственно на остатках Тиры римского времени, которые при этом нередко использовались в качестве основания для построек XIII—XIV вв. Строительные остатки, которые можно было бы отнести к промежуточному периоду, до настоящего времени не обнаружены. Правда, многие авторы указывали на возможность выделения в культурном слое городища горизонта славянского Белгорода. Они опирались, в частности, на находки керамики и некоторых отдельных предметов, которые принято было считать славянскими и датировать домонгольским временем. Это посуда, отнесенная к памятникам культуры Первого болгарского царства и датированная VIII—X вв. (Чеботаренко, 1969, с. 118), уже названное трехбусинное височное кольцо XII в.

(Рабинович, 1968, с. 102, рис. 33), поливная керамика. Ведя раскопки нижних горизонтов средневековых напластований, Л. Д. Дмитриев считал, что им обнаружены строительные остатки славянского Белгорода, однако выделить их из общего комплекса средневековых сооружений, лежащих под гласисом крепости, не удалось. В какой-то мере выводы автора опирались на находки красноглиняной поливной керамики с подглазурной росписью и гравировкой, известной до недавнего времени под общим названием византийской. Эту посуду XI—XV вв. (она была распространена во многих центрах, например в Грузии (Ломта-тидзе, 1959, с. 71, 73; Джапаридзе, 1953) уже Э. Р. Штерн считал продукцией местного ремесленного производства, развивавшегося под влиянием Византии и Востока (Штерн, 1906, с. 20, 52—54). В настоящее время археологические исследования позволили выделить и изучить локальные варианты и уточнить время развития производства этой керамики для района Северо-Западного Причерноморья: это не XI—XV, а XIII—XIV вв., то есть уже золотоордынское время (Андроник, 1961, Чангова, 1962). С другой стороны, Л. Д. Дмитриев определяет в качестве славянской и относит к IX—XII вв. еще одну группу кружалной красноглиняной керамики. Судя по суммарной публикации и учитывая находки последующего времени, эта группа керамики, встречающаяся на городище в небольшом количестве, относится к памятникам Балкано-Дунайской культуры (Дмитров, 1955, с. 121—122, рис. 1, 19). В настоящее время из общей массы керамического материала этой культуры, распространенной в Пруто-Днестровском междуречье с X в., выделены ранние и поздние группы (Хынку, 1972, с. 162—163, рис. 6). При этом поздние варианты керамики найдены в закрытых комплексах, содержащих джучидские монеты XIV в. (Рикман, Рафалович, Хынку, 1971, с. 121—130). В Белгороде-Днестровском керамика, о которой идет речь, также происходит из слоев XIV в. и состоит главным образом из обломков горшков с углубленным орнаментом, нанесенным вильчатым или гребенчатым инструментом без пересечения вертикальными штрихами, то есть принадлежит к позднему варианту балкано-дунайской керамики. Поэтому следует признать, что пересмотр и уточнение датировок глазурованной и балкано-дунайской посуды поставили под сомнение реальность выделения слоя славянского Белгорода. Выводы Л. Д. Дмитриева опирались на слишком широкую в хронологическом аспекте и недостаточно четкую и обоснованную в этнокультурном плане интерпретацию указанных групп керамики. В то же время относительная и абсолютная датировка открытых им строительных остатков не получила подтверждения при изучении всей стратиграфической системы и комплексном исследовании вещевых материалов средневекового Белгорода.

И все же отсутствие в настоящее время соответствующих археологических материалов не исключает возможности выявления в культурном слое городища остатков дозолотоордынского, раннесредневекового Белгорода. Такое предположение подтверждается отрывочными

упоминаниями названия города в письменных источниках рассматриваемого периода (Брун, 1853а, с. 451—455).

Четвертый слой городища состоит из напластований остатков самого позднего периода жизни античного города — он принадлежит Тире второй половины III и IV вв. н. э. Очевидно, это наиболее разрушенный слой античной эпохи, поскольку после гибели города он оставался длительное время непокрытым. С другой стороны, строительные остатки этого периода подвергались разборке и перестройке почти через тысячу лет — в период интенсивного строительства золотоордынского времени, при котором были использованы верхние части многих кладок позднеантичного и более раннего периодов. Так, раскопками 1969—1972 гг. зафиксирована перекладка верхних рядов северного фасада башни для сооружений цокольного основания глинобитных стен дома XIV в., а в орфостатных плитах куртины высечены проемы, к которым примыкают глинобитные полы с тондирами XIII—XIV вв. Массивные плиты с закругленным торцом из кладки внешнего фасада башни использованы в основаниях стен большого дома золотоордынского времени, построенного на развалинах башни. Вследствие этого строительные остатки Тиры самого позднего периода хорошо сохранились лишь в тех редких местах, где в XIII—XIV вв. не производилась застройка. На Центральном раскопе такой участок впервые открыт к северу от башни римской цитадели, где раскопками 1969—1970 гг. обнаружены кладки, позволяющие полностью восстановить планировку и произвести реконструкцию дома второй половины IV в. (Крыжицкий, 1972а, с. 225; Кравченко Н., Корпусова, 1975). В последующий период на этом участке был небольшой пустырь между двумя строениями, здесь проходила вымостка, и только глубокая яма для сброса пищевых отходов, битой посуды и других отходов в самом центре пустыря прорезала этот закрытый комплекс послеготской Тиры. Дом был пристроен к башне уже в то время, когда она перестала служить боевым нуждам. Глубина заложения его стен превышает уровень вымостки перед входом в башню на 0,5 м. Одна из стен выходит на северо-западный угол здания вексилляции I Итальянского легиона, построенного в конце II — начале III вв. н. э. и разрушенного не позднее середины III в. н. э. (Клейман, 1971, с. 235—238). Но не только стратиграфическое положение позволило отнести дом к напластованиям III—IV вв. н. э. В завале его стен и кровли со следами гибели в огне сохранились в раздавленном виде *in situ* несколько десятков сосудов и других предметов, среди которых ряд хорошо датирующихся экземпляров, определенно относящихся ко второй половине III — второй половине IV вв. н. э. Это прежде всего ранее известные по отдельным находкам на памятниках черняховской культуры и обнаруженные теперь совместно в одном комплексе три типа позднеантичных амфор: узкогорлые, аналогичные амфорам из Инкермана и Викторовки (Сымонович, 1967, с. 215, рис. 5; 18, 12—13; Зеест, 1960, с. 122, № 105), широкогорлые красноглиняные, близкие амфорам Харакса в Крыму и Делакеу в Молдавии (Шелов, 1972,

с. 315—316; Блаватский, 1961, с. 187, рис. 90; Рикман, 1967, с. 193—194, рис. 18), и, наконец, широкогорлая амфора, аналогии которой известны по находке у с. Ягнятин (Шукин, 1968, с. 44—45; рис. 4; Кропоткин, 1970, с. 9—14, рис. 33, 5). В типологическом ряду амфор, происходящих из раскопок на афинской агоре, амфоры ягнятинского типа относятся к середине и даже ко второй половине IV в. н. э. (Кравченко Н., Корпусова, 1975, с. 23, 30—31).

Такая датировка закрытого комплекса, включающего строительные остатки и вещественный материал, позволяет отнести к этому же слою помещение, перекрывающее юго-западный угол здания вексилляции, в остатках стен которого найдены монеты 50—60-х годов III в. (Клейман, 1971, с. 235), дом с подвалом, построенным на юго-западной куртине, цитадели римского гарнизона, ямы с выложенными камнем стенками, в одной из которых, кроме керамики черняховского облика, найдена монета Клавдия Готского (268—270 гг. н. э.). Из этого слоя происходят светильники, фибулы, игрально-счетные жетоны, позднеримские монеты, керамика черняховского облика и другие предметы, относимые к III—IV вв. н. э. (Фурманская, 1957, с. 89, табл. 1, 7; Фурманская, 1962, с. 131—132; Клейман, 1971, с. 233, рис. 5; Кропоткин, 1970, № 1100, 1225). Все они найдены в позднем перемешанном слое или перемешанном грунте как на Центральном раскопе, так и на других участках городища.

Грунт четвертого слоя насыщен золистыми прослойками, особенно в верхнем горизонте, бутовым и слабо обработанным известняковым камнем. Известна максимальная мощность наслоений до 1,5 м. В керамическом материале, по сравнению с нижележащими слоями, увеличивается количество лепной посуды.

Пятый слой городища открыт на значительной площади Центрального раскопа, прослеживается в шурфах, отмечен на старых раскопах. Это напластования Тиры II—III вв. н. э., к которым на Центральном раскопе принадлежит ряд помещений, примыкающих к Первой поперечной улице, сама улица с водостоком, открытое раскопками Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской в 1945—1963 гг. (Дмитров, 1955, с. 113—116, рис. 3; Фурманская, 1957, с. 85—87) здание вексилляции римских войск в Тире (Клейман, 1971, с. 233—238). На север от цитадели и на восток от Первой поперечной улицы открыты печи, связанные с металлургическим и керамическим производством. Раскопки строительных остатков этого слоя сопровождались большим количеством монет Тиры (Фурманская, 1962, с. 135—136) и римских императоров (Кропоткин, 1961, с. 749, 751—752; Карышковский, 1971, с. 82), включая клады, которые являются основой абсолютных датировок. Так, оба клада монет из раскопок помещений, примыкающих к улице, содержат самые поздние экземпляры второго десятилетия и 30—40-х годов III в. н. э. (Фурманская, 1963а; Анохин, 1975), тогда как наибольшее оживление чеканки Тиры приходится на 202—205 гг. н. э. (Зиграф, 1951, с. 115). Датированные памятники керамической эпиграфики из этого слоя также огра-

ничиваются временем II—III вв. н. э. (Максимов, 1955, с. 80; Клейман, 1971, с. 235—238). К этому же времени относится основная масса сопровождающего амфорного материала (Фурманская, 1957, с. 89), краснолаковой керамики (Фурманская, 1957, с. 88—89; Дмитров, 1955, с. 120) и т. д. (рис. 3).

Напластования II—III вв. указывают на интенсивное строительство. Это наиболее мощный, местами достигающий 3 м слой Тиры римского периода. На большей части открытой площади наслоения именно

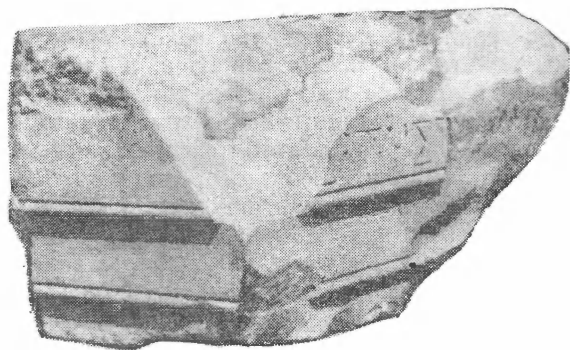

Рис. 3. Венчающая деталь ордерной постройки с греческой надписью II в. н. э.

этого времени (пятого слоя) непосредственно подстилают памятники третьего слоя — остатки золотоордынского города.

В верхнем горизонте пятого слоя наблюдаются следы сильных одновременных разрушений, завалы черепичных кровель и золистые прослойки с остатками обуглившегося дерева, впуски гумусного грунта, образовавшиеся при выборке камня. В среднем и нижнем гори-

зонтах слоя напластования, как правило, сохранились *in situ*. Грунт засыпей чаще всего глинистый. Повсеместное выявление этого слоя, насыщенность его архитектурными остатками и вещественным материалом позволяют располагать источниками, хорошо отражающими экономический подъем Тиры во второй половине II — первой половине III вв. н. э.

Наслоения I в. до н. э. — I в. н. э. в Тире, как и в других античных центрах Причерноморья, слабо улавливаются и не могут быть выделены в самостоятельный слой городища. Вещественные материалы этого времени происходят чаще всего из позднеэллинистических слоев III—II вв. до н. э. или из нижнего горизонта пятого слоя II—III вв. н. э. и указывают, скорее всего, на время разрушения построек III—II вв. до н. э. и возрождения строительства II—III вв. н. э.

Последующий шестой слой городища состоит из напластований III—II вв. до н. э. Строительные остатки этого времени твердо зафиксированы только на небольшом участке Центрального раскопа, в его северной части. Здесь исследованиями А. И. Фурманской в 1958—1963 гг. (бывший раскоп А) открыт ряд подвальных помещений, отнесенных автором к строительному периоду эллинистического времени (Фурманская, 1962, с. 123—125; Фурманская, 1964, с. 58—59). В заполнении этих подвалов датированный вещественный материал относится к IV—I вв. до н. э. Однако основная масса керамических клейм, находки бу-

ролаковой столовой посуды и амфор *in situ* позволяют ограничить время их существования III—II вв. до н. э. Фрагменты построек III—II вв. до н. э. были открыты раскопками Л. Д. Дмитрова в самом начале работ при расширении старого раскопа, заложенного сотрудниками Аккерманского музея до 1941 г. (раскоп А), и на раскопе, заложенном в первом дворе крепости (раскоп Б), где, к сожалению, после 1950 г. раскопки не производились (Дмитров, 1949, с. 42; Дмитров, 1955, с. 117). Косвенно о наличии этого слоя свидетельствует также масса эллинистической керамики (Дмитров, 1955, с. 120; Фурманская, 1962, с. 136, рис. 8, 2—6; Никореску, 1924, с. 397—400), ручек родосских, фасосских и других клейменных амфор, найденных на многих участках раскопок в перемешанном грунте (Штерн, 1901а, с. 31—32; Никореску, 1924, с. 401—414; Авакян, 1924, с. 20—22; Авакян, 1931, с. 105—108; Штаерман, 1951, с. 31—49; Василенко, 1968). Монеты, терракоты и другие сами по себе хорошо датируемые находки, характеризующие шестой слой городища, известны в Тире очень давно (Клейман, 1970, с. 25—26; Зограф, 1957, с. 20, 64—72). Только в 1974 г. при раскопках средневекового и верхних горизонтов античного слоев было найдено 74 клейменные амфорные ручки III—II вв. до н. э. Ряд лапидарных эпиграфических документов происходит из этого слоя городища и указывает в свою очередь вместе с другими многочисленными находками на период процветания Тиря (Фурманская, 1960; Фурманская, 1964, с. 62, рис. 2, 8; Карышковский, 1959, с. 112—113, № 1; с. 116, № 4) (рис. 4).

Рис. 4. Терракотовая статуэтка эллинистического времени.

Рассматриваемый слой городища перекрыт остатками римского времени и часто отделен от них чередующимися прослойками золы и глины, иногда достигающими мощности до 1 м. Подвальные помещения

засыпаны, как правило, глинистыми и сероглинистоозолистыми грунтами (первые свидетельствуют об одновременной засыпи). Наземные помещения, как наблюдалось при завершении раскопок эллинистического дома в 1962—1963 гг. А. И. Фурманской, поставлены на песчаные подушки (Архив ОАМ, № 80797). Мощность слоя в северо-восточной части Центрального раскопа достигает более 2 м.

Наслоения III—II вв. до н. э. на исследованном участке непосредственно смыкаются с остатками построек нижележащего слоя IV в. до н. э., которые были использованы во втором строительном периоде. Возможно, строения второй половины — конца IV в. до н. э. следовало бы также отнести к шестому слою городища.

К седьмому слою предлагаемой стратиграфической схемы возможно отнести подвальные помещения в первом строительном периоде двух эллинистических домов, открытые еще В. А. Шахназаровым в 1939—1940 гг. на прикрепостной площади и исследованные А. И. Фурманской. В завале у основания стен одного из подвалов найдены две истрийские драхмы и синопская черепица IV—III вв. до н. э. (Архив ОАМ, № 59 362, с. 132). Подвальное помещение, открытое в 1960 г., выложенное из стандартизированного квадратного камня и сохранившееся на высоту до 2,4 м, также относится к первому строительному периоду одного из эллинистических зданий. В завале черепичной кровли в соседнем с подвалом наземном помещении второго строительного периода этого же здания преобладала синопская клейменная черепица конца III в. до н. э. (Фурманская, 1964, с. 58—59). Большая группа античной керамики как из напластований седьмого слоя, так и из находок во вторичном залегании в других слоях типична для позднеклассической и раннеэллинистической эпох (Фурманская, 1962, с. 136, рис. 8, 1; Рабинович, 1968, с. 106; Никореску, 1933, с. 573, 582, рис. 39—43, 46—56, 67). Это обломки краснофигурных аттических сосудов беглого стиля, обломки чернолаковой посуды высокого качества и т. д. Наконец, судя по описанию Э. Р. Штерна и стратиграфической схеме Г. Авакиана, кладки в зондажах у башен средневековой цитадели также могут быть отнесены к рассматриваемому слою Тиры (Штерн, 1913, с. 100; Авакян, 1931, с. 62—79, рис. 40—43).

Указанные строительные остатки представляются слишком фрагментарными и требуют дальнейшего раскрытия. Расширение площади раскопок эллинистических слоев — одна из насущных задач исследования Тиры.

Строительные остатки, которые могли бы быть безоговорочно отнесены к восьмому слою — Тире классического периода и, быть может, более раннего времени — до настоящего времени еще не выявлены. Но хотя исследование этого слоя еще не ведутся, из раскопок получено большое количество твердо датированной V в. до н. э. краснофигурной и чернолаковой керамики, монет, терракот и других предметов, свидетельствующих о наличии в прошлом этих остатков и напластований и о возможности обнаружить их в дальнейшем. Вещественный материал

рассматриваемой группы перемещен и происходит из смешанных слоев. Это, к примеру, обломки позднеклассических краснофигурных скифосов, пелик и кратеров из верхних горизонтов гласиса (Дмитров, 1955, с. 120, рис. 1, 1—2), фрагменты сосудов этого же типа и времени из раскопов на территории крепости (Никореску, 1933, с. 889, рис. 99), фрагменты ионийских сосудов V в. до н. э., о находках которых сообщают многие авторы (Фурманская, 1964, с. 59; Никореску, 1924, с. 384, 415). Имеются указания П. Никореску (со ссылкой на сообщение В. Пырвана) о находке ваз и статуэток VII—VI вв. до н. э. во время разведок, якобы осуществленных в Белгороде в 1912 и 1919 гг. (Никореску, 1924, с. 383), однако никаких документов об этих раскопках и происходящих из них памятников не сохранилось.

Таким образом, косвенные доказательства имеющихся напластований Тиры классического времени представляют возможность дальнейшего их изучения. К этим слоям можно будет подойти, исследовав на широкой площади напластования последующих периодов — эллинистической и римской Тиры. Зондажные углубления в условиях насыщенных строительными остатками напластований многослойного памятника не могут дать ясных и полных сведений ни о стратиграфии, ни об истории города V в. до н. э. и в более раннее время. Находки в зондажах, интересные сами по себе, часто вводят в заблуждение при решении вопросов о стратиграфии памятника в целом.

Итак, попытка наметить даже в самых общих чертах единую стратиграфическую картину для всего городища позволила увидеть и кратко охарактеризовать памятник в целом; основываясь на наблюдениях стратиграфии культурных напластований при раскопках отдельных участков городища, изучая последовательность, характер, хронологию и другие черты этих наслоений на раскопках и шурфах, используя конкретные сведения предшествующих исследователей, мы, пользуясь этой схемой, имеем возможность четче определять общие задачи изучения памятника, содержащего остатки многих эпох. Яснее встали проблемы, связанные с изучением каждого из слоев городища, а также возможности получения из археологического источника материала для их разрешения.

Если место Тиры в истории античных городов Северного Причерноморья в какой-то степени определено, то значение средневекового Белгорода, где сталкивались интересы ряда феодальных государств юго-восточной Европы XIII—XV вв., до сих пор остается недостаточно изученным. Вместе с тем стала очевидной необходимость широкого и многостороннего исследования и сохранения строительных остатков городища, что неоднократно подчеркивалось как в работах, посвященных исследованию памятника, так и в решениях научных конференций.

НОВЫЕ ТИРАССКИЕ НАДПИСИ

1 (рис. 1). Обломок левой угловой части антаблемента из серого крупнозернистого плотного известняка. Высота 41 см (в том числе карниза 11 см, верхней ступени архитрава 14 см, средней 11 см, нижней 5 см), максимальная ширина 32 см, толщина (в нижней плоскости) 36 см. Карниз сбит по всему наружному периметру, левый верхний угол отбит, правая часть гладко отесанной фронтальной стороны с надписью сколота; сколы имеются также на отесанных левой боковой и задней поверхностях. Найден в 1973 г.

На верхней и средней ступенях архитрава сохранились остатки двухстрочной греческой надписи; высота букв 5,5 см. Письмо уверенное, аккуратное; буквы ровные, широкие, апицированные; размещены свободно. Горизонтальный штрих *эты* не касается мачт; *ро* со слегка уменьшенной, приближающейся к окружности, незамкнутой верхней частью; внутренние линии *сигмы* образуют прямой угол и встречаются с горизонталями, чуть отступая от левого конца последних; перекладина на *тау* равна мачте или чуть длиннее ее; верхние линии *ипсилона* сходятся под острым углом, соединяясь с вертикалью чуть ниже половины высоты всей буквы. Все эти признаки характерны для греческого монументального письма конца I и первой трети II вв. н. э. Из надписей Тире наиболее близким по письму является посвящение Приска (IRE, I², № 7); в Ольвии следует назвать посвящение стратега во главе с Архидемом (IRE, № 84). Из точно датированных документов Северного Причерноморья хорошей аналогией является надгробие Каллисении (КБН, № 697), относящееся к 403 г. б. э., т. е. к 106—107 г. н. э. (Болтунова, Книпович, 1962, с. 22, рис. 10).

Надпись начиналась в первой строке у края камня, а во второй — несколько отступя. В настоящее время уцелело шесть букв и сохранились остатки пяти других. В начале первой строки видны нижняя и правый конец средней горизонтали Е; в конце ее сохранилась левая половина верхней горизонтали Т (скол поверхности прошел в этом месте частично по вертикали этой буквы). В конце второй строки различаются верхняя половина Р и остатки вершук двух букв: в одном случае расходящиеся под углом штрихи позволяют читать А (возможны также Δ и Λ), в другом — налицо верхний конец вертикальной мачты, в которой можно узнать левый верхний угол Ν (возможны также Η, Ι и Κ, но такие дополнения бессмысленны). Таким образом, в первой строке читаются буквы ΕΡΤΗΣΤ, а во второй ΤΥΡΑΝ.

Так как надпись была помещена на фронтальной стороне антаблемента монументального архитектурного сооружения — алтаря, портика, даже храма — и отличается парадностью и правильностью письма, можно догадываться о ее официальном характере. Это дает основание усматривать в ней посвящение и соответственно читать в начале первой

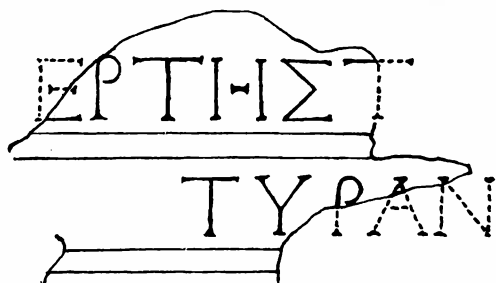
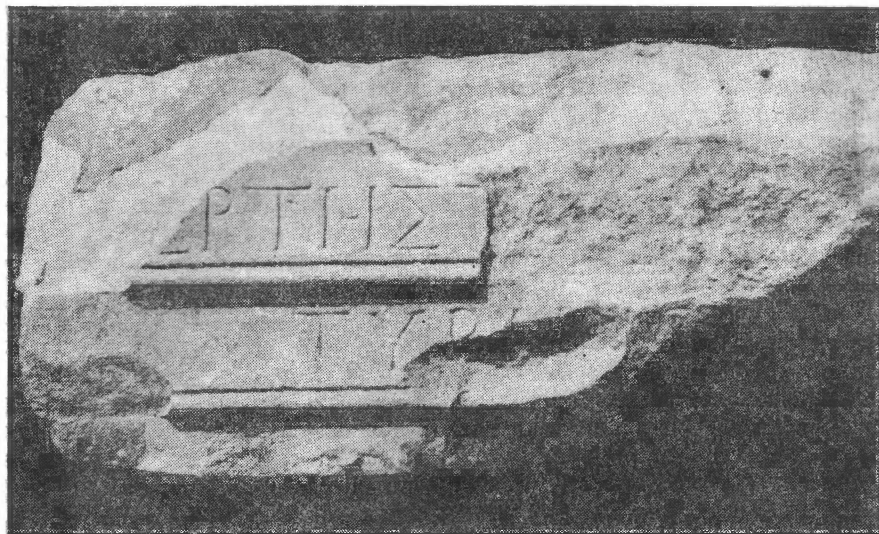

Рис. 1. Фрагмент греческой надписи.
Начало II в. н. э.

строки предлог ΥΠΕΡ (за). После него, несомненно, следует артикль женского рода в родительном падеже единственного числа, и сопоставление с многочисленными дедикациями ольвийских магистратов и жрецов I—II вв. н. э. наводит на мысль, что и в этом случае речь идет о городе Тире, так что перед нами посвящение о его мире, благосостоянии, спасении и т. п. (IPE, I², № 80—158; HO, № 79—91). Однако политический статус Тире на рубеже I—II вв. н. э. существенно отличался от положения Ольвии — ольвиополиты были независимы от Рима и, по свидетельству современника, «поносили и ненавидели» тех своих сограждан, которые, по их мнению, желали «полюстить римлянам и доказать свою дружбу к ним» (Дион, XXXVI, 17), тогда как в Тире, по крайней мере со времени Траяна, находился римский гарнизон, а при Домициане и Адриане чеканилась монета провинциального образца с именами и изображениями императоров. Поэтому представляется бо-

лее вероятным, что в Тире, как и в других городах римского Востока, посвящения архитектурных сооружений совершались в официальном порядке от имени граждан за благополучие и долголетие царствующих императоров и членов их семей. Исходя из этого частично сохранившаяся в конце строки Т должна быть начальной буквой артикля мужского рода в родительном падеже единственного или множественного числа, а текст надписи соответствовал формулам ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΤΩΝ ΘΕΙΟΤΑΤΩΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΩΝ ΤΥΧΗΣ Ε ΚΑΙ ΝΕΙΚΗΣ ΚΑΙ ΑΙΩΝΙΟΥ ΔΙΑΜΟΝΗΣ (Histria, IV, № 31) или ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ . . ΤΥΧΗΣ (Histria, I, 6, 17). Количество подобных примеров из городов Нижней Мезии можно увеличить (например, IPE, I², № 184 — Ольвия; Histria, IV, № 20 — Истрия; IGRR, I, № 613-614 — Томи; IGB, I², № 17, 23 — Дионисополь), но необходимо принять во внимание, что перечисленные надписи были начертаны на специально предназначенных для этой цели камнях, относительно большая поверхность которых давала возможность полностью поместить все имена и титулы императора, а также благопожелания в развернутой форме, адресованные его близким, всему царствующему дому, римскому сенату и народу и т. п. (например, посвящение времени Севера Александра из Одесса — IGB, I², № 70 bis), тогда как в данном случае в распоряжении резчика было лишь небольшое, архитектурно замкнутое пространство; к тому же указанные формулы относятся к первой трети III в. н. э., когда пышность и многословие стали непременной стилистической особенностью торжественных официальных документов. Поэтому, опираясь на посвященные формулы времени Траяна и Адриана (например, IGRR, I, № 605; OGIS, II № 611; Histria, IV, № 20) и учитывая возможные размеры посвящаемого тирассцами сооружения, первую строку надписи можно прочесть [ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΤΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΤΡΑΙΑΝΟΥ или ΑΔΡΙΑΝΟΥ ΎΧΗΣ] или ΥΓΕΙΑΣ, ΣΩΤΗΡΙΑΣ и т. п.).

Вторая строка надписи содержала, вне всякого сомнения этникон *τυραννός* она начиналась несколько отступя от края камня и содержала указание на дедикантов. Однако в аналогичных истрийских документах в подобных случаях читалось ΒΟΥΛΗ ΔΗΜΟΣ ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ или более напыщенно ΒΟΥΛΗ ΔΗΜΟΣ ΤΗΣ ΛΑΜΠΡΟΤΑΤΗΣ ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΠΟΛΕΩΣ (Histria, I, № 16; IV, № 32—37; VII, № 57-58). Так как трудно допустить, чтобы упоминание о совете и народе могло быть помещено после этника, остается принять, что на камне стояло просто ΤΥΡΑΝΩΝ ΠΟΛΙΣ; конструкция без артикля подтверждается заголовком послания наместника Нижней Мезии Овиния Тертулла архонтам, совету и народу Тире (IPE, I², № 4). Не исключено, что далее следовало наименование посвящаемого объекта и соответствующий глагол; быть может, в конце строки, конец которой, скорее всего, также не достигал края камня, находилась дата по местной эре. В итоге текст реконструируется так: [ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΤΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΤΡΑΙΑΝΟΥ (ΑΔΡΙΑΝΟΥ?), ΤΥΧΗΣ]/ΤΥΡΑΝΩΝ ΠΟΛΙΣ ΤΗΝ ΣΤΟΑΝ (?) ΑΝΕΘΗΚΕ], то есть «за счастье императора Траяна (или Адриана) город тирассцев посвятил (или воздвиг) портик (или алтарь)».

Из содержания и даты надписи следует, что граждане Тиры посвятили одному из императоров первой трети II в. н. э. монументальное архитектурное сооружение. Как бы ни истолковывать этот факт, он является доказательством тесных связей Тиры с Римской империей во времена первых Антонинов.

2 (рис. 2). Обломок плиты из слегка желтоватого, мелкозернистого крохкого мрамора; высота 12,4, ширина 12,3, толщина 5,8 см. Найден в 1975 г.

Обломок оббит со всех сторон; на гладко обработанной фасовой поверхности сохранились остатки шести строк греческой надписи; высота букв первой строки 1,5 см, прочих строк — от 1,05 (Ε) до 0,64 (Ο). Письмо несколько небрежное, но уверенное; буквы апицированы, имеются лигатуры. *Альфа* в большинстве случаев с изломанной перекладиной, иногда с выступающей выше точки пересечения наклонных линий правой гастой; *эпсилон* со слегка укороченной средней чертой, делающей вертикаль пополам; *мю* приближается к курсивным формам: боковые линии наклонны, левая касается внутренней черты ниже ее верхней точки, тогда как правая подходит к вершине соответствующей правой черты; *омикрон* круглая, размеры ее колеблются, уменьшаясь от строки к строке; *ро* имеет округлую верхнюю половину; *сигма* прямоугольная, ее внутренние линии касаются левых концов горизонталей и пересекаются под тупым или прямым углом на середине высоты этой буквы, чуть отступая от ее левого края; *ипсилон* узкая, верхняя ее часть чуть меньше нижней, правый штрих слегка изогнут. Многие буквы соприкасаются с соседними в верхней или нижней части. По формам отдельных букв и по общему характеру письма надпись датируется II в. н. э., скорее, второй половиной, чем первой. В качестве аналогий можно указать ольвийский декрет в честь Каллисфена, относящийся к последнему десятилетию II в. н. э. (IRE, I², № 43 и 174), или несколько более раннюю посвятельную надпись архонтов во главе с Гикесием (IRE, I², № 132).

Хотя от надписи сохранились части шести строк, восстановление ее содержания — нелегкая задача. В первой строке, являющейся, судя по размерам букв и размещению строк на камне, первой строкой документа, читается ΑΡΧΑΙΣ — дательный падеж множественного числа от ΑΡΧΗ (власть, государственная должность, должностное лицо) и вертикальный штрих, положение которого по отношению к предыдущей сигме позволяет видеть здесь нижнюю часть Τ. В начале второй строки заметны части правой половины Α, за которой следует ряд букв, отделенных словоразделительным знаком от заключительных букв ΕΜΟ. Последние легко осмысляются как формы родительного или дательного падежа единственного числа от личного местоимения ΕΓΩ (я) или как одна из падежных форм притяжательного местоимения ΕΜΟΣ (мой). В предыдущей части строки читается форма винительного падежа [Τ]ΑΣ ΕΝΤΟΛΑΣ от ΕΝΤΟΛΗ (поручение, указание, приказание); при таком чтении речь могла бы идти о чьих-то приказах или поручениях, адре-

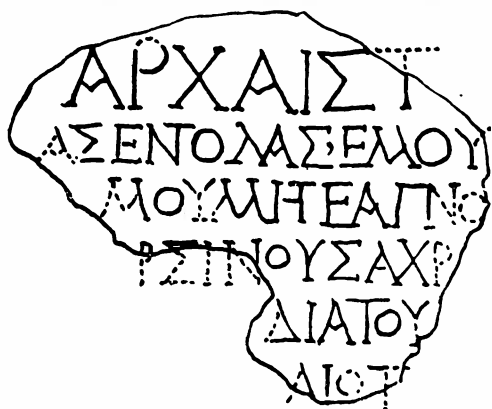

Рис. 2. Фрагмент греческой надписи.
II в. н. э.

сованных, быть может, властям или должностным лицам, упоминаемым в первой строке.

К сожалению, остальные строки не дают надежной основы для осмысления остатков текста. Две следующие строки открываются формами родительного падежа единственного числа и винительного падежа множественного числа существительных или прилагательных второго

склонения, но уцелевшие окончания при отсутствии связного контекста вряд ли могут быть установлены даже предположительно. В третьей строке читается затем сложное отрицание ΜΗΤΕ и первые буквы следующего слова. Так как сочетание ΑΠΝ (Π и Ν в лигатуре) в начальной части слова мало вероятно, допустимо видеть здесь буквы ΑΓΝ, связывая отрицание с понятиями, родственными глаголу ΑΓΝΟΕΩ (не знать, ошибаться). Если при этом согласиться, что слабые следы у края являются остатками Ο, можно предположить формулировку типа ΜΗΤΕ ΑΓΝΟΗΜΑ или ΜΗΤΕ ΑΓΝΟΙΑ (ни неведение, ни незнание), быть может, о вышеупомянутых поручениях. Наконец, в четвертой строке различаются буквы ΑΧ и сильно поврежденная Ρ, что ассоциируется с таким понятием, как ΑΧΡΗΜΑΤΙΑ (недостаток средств, безденежье, бедность) и могло бы указывать на испытываемые городом трудности. Разумеется, настаивать на таком дополнении не приходится; с таким же основанием можно, например, читать здесь предлог ΑΧΡΙ (ΑΧΡΙΣ), то есть "до" с усиленным значением (вплоть до, до самого и т. п.). В следующей строке видны лишь предлог ΔΙΑ, к сожалению, один из самых полисемантических греческих предлогов (через, сквозь, по, между, в течение, среди, вдоль и т. п.) и артикль мужского или среднего рода в родительном падеже единственного числа.

Сопоставляя все эти отрывочные наблюдения, можно предполагать, что документ был составлен от первого лица и это лицо уполномочено адресовать местным властям свои указания, от исполнения которых не освобождала неосведомленность. Если допустить еще более шаткие гипотезы, то сочетание предлогов ΑΧΡΙ (вплоть до) и ΔΙΑ (в значении вдоль или между не исключает некоторой возможности догадываться, что указания или распоряжения касались установления каких-то территориальных границ. Такие документы не являются редкостью; в качестве хронологически и территориально близкого памятника с подобным содержанием следует указать знаменитую горотесию Лаберия Максима, устанавливающую границы Истрийского полиса. В самом начале здесь читаем: *finis Histrianorum hoc esse con[stitui]* и соответственно этому в латинских частях этого сложного по составу документа повторяются предлоги *a, ad, inde*, а в греческих — ΜΕΧΡΙΣ, ΑΠΟ и т. п. (SEG, XXIV, № 1108/1109).

При таком подходе к содержанию фрагмента текст его таков:

— — — ΤΑΙΣ? ΑΡΧΑΙΣ ΤΩΝ ΤΥΡΑΝΩΝ? — — —
 — — — Τ[ΑΣ ΕΝΤΟΛΑΣ ΕΜΟΥ [— — —
 — — — ?]ΜΟΥ ΜΗΤΕ ΑΓΝ[ΟΙΑ? — — —
 — — — ?]ΝΟΥΣ ΑΧΡ[Ι? — — —
 — — — ΔΙΑ ΤΟΥ [— — —
 . . . ΔΙΟ . . .

Примерный перевод уцелевших слов мог бы звучать примерно так: «такой-то властям (Тиры?) ... мои приказания ... ни неведение ... вплоть до ... вдоль».

Кроме того, над верхней строкой надписи сохранилось поле, значительно превосходящее по ширине расстояние между строками, а буквы в этой строке значительно выше букв в остальных строках; таким образом, перед нами начальные строки документа. Это обстоятельство осложняет его интерпретацию, так как в официальных посланиях римских императоров, легатов и других администраторов к провинциальным городам постоянно и неизменно в прескрипте идет речь не вообще о властях (ΑΡΧΑΙ), а конкретно перечисляются архонты, совет и народ. Так, в упомянутой горотесии наместники провинции Мезии адресуют свои послания ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΑΡΧΟΥΣΙΝ, ΒΟΥΛΗ, ΔΗΜΩΙ (SEG, XXIV, № 1108/1109, стк. 10, 15—16, 29, 51) или просто ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΑΡΧΟΥΣΙΝ (стк. 39); в таком же послании, адресованном несколько позже городу Тире, читаем : ΟΟΥΝΙΟΣ ΤΕΡΤΥΛΛΟΣ ΑΡΧΟΥΣΙ, ΒΟΥΛΗ, ΔΗΜΩΙ ΤΥΡΑΝΩΝ ΧΑΙΡΕΙΝ (ΙΡΕ, I², № 4, стк. 32—33). Аналогичные документы известны в большом количестве, но независимо от того, перечислены ли в обращении архонты, совет и народ (SIG, II³, № 768, 780, 810, 832, 837, 849, 850; OGIS, II, № 569 и т. п.), только архонты и совет (SIG, II³, № 838), архонты и город (SIG³, № 821 C) или даже просто одни архонты (SIG³, № 831 D), везде встречается форма дательного падежа множественного числа от ΑΡΧΩΝ (ΑΡΧΟΥΣΙ, ΑΙΧΟΥΣΙΝ), а не от более общего и абстрактного термина ΑΡΧΗ, как в рассматриваемой надписи (ΑΡΧΑΙΣ или ΤΑΣ ΑΡΧΑΙΣ). В языке лапидарных документов встречаются, разумеется, выражения типа ΕΝ ΤΑΙΣ ΑΡΧΑΙΣ ΠΑΣΑΙΣ, например (SIG, II³, № 520, стк. 51; IP, № 99, стк. 5), ΕΝ ΑΓΕΙΤΟΥΡΓΙΑΙΣ ΚΑΙ ΤΑΙΣ ΛΟΠΑΙΣ ΑΡΧΑΙΣ (например, SIG, II³, № 866, стк. 10; IP, № 102, стк. 7), ΕΝ ΑΡΧΑΙΣ ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΗΓΙΑΙΣ (IG, XII, 3, № 326, стк. 14—15), но, будучи уместными в декретах, перечисляющих заслуги граждан, служивших родному полису в различных должностях, они не находят себе места в первой заглавной строке официального послания римских администраторов к провинциальному городу. Поэтому предлагаемое выше истолкование рассматриваемого фрагмента должно расцениваться лишь как предположение.

3 (рис. 3). Правый верхний угол плиты с утолщенным правым краем из белого мелкозернистого мрамора средней плотности; высота 14,5 см, ширина 13 см (в том числе ширина утолщенной части 8,4 см), толщина в основной части 3 см, у края 4,1 см. Обломок отбит слева и снизу, закопчен по всей поверхности, имеет свежие сколы на фасовой стороне. Найден в 1975 г.

На гладко отесанной лицевой стороне остатки трех строк латинской надписи; высота букв в первой строке 2,8—2,9 см, во второй — 2,1—2,3 см. Буквы апицированы; текст размещен по линейкам рукой опытного мастера. По характеру письма надпись должна быть отнесена ко II в. н. э. (Федорова, 1969, с. 273, рис. 61).

В верхней строке, ширина поля над которой свидетельствует о том, что она была первой строкой документа, читается ANT; перед A различается нижняя часть наклонной апицированной черты, скорее всего,

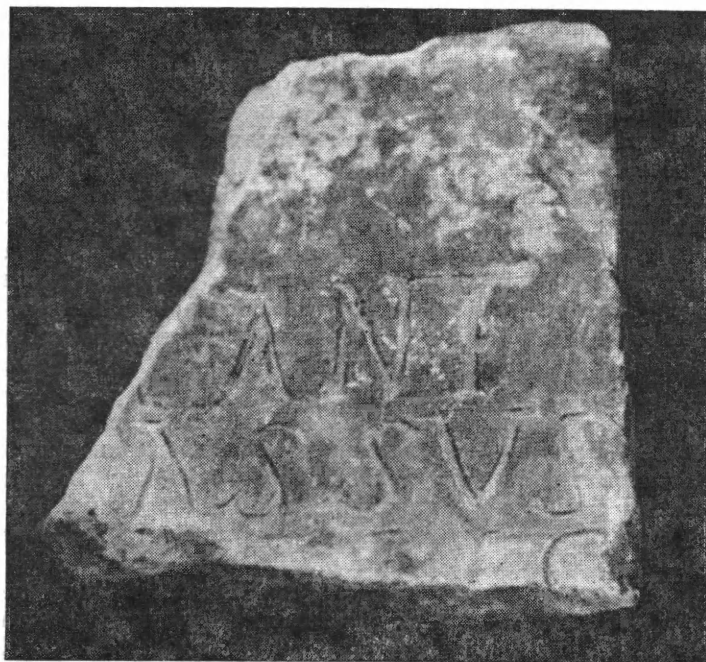

Рис. 3. Фрагмент латинской надписи. II — начало III в. н. э.

от буквы R. Во второй строке читается ASSUS и перед A снова различается штрих, который может быть остатком R или с несколько меньшей вероятностью В. В третьей строке сохранилась верхняя часть Т или, быть может, F, за которой видны верхние половины трех букв: L (это доказывает расстояние до следующей буквы), E и полукруглая черта от С либо G; перед нами, несомненно, LEG.

При интерпретации этого фрагмента неизбежны трудности, так как размеры плиты не могут быть объективно установлены. Однако буквы первой строки, превосходящие по высоте буквы прочих строк, наводят на мысль, что в начале надписи стояло имя чествуемого лица, скорее всего императора. Сокращение императорских имен в латинских надписях общеизвестный факт (например, в надписях Нижней Мезии II в. н. э. CIL, III, № 6169, 12513, 14214) и др. В таком случае в первой строке могло стоять IMPCAESTAELHADRANT (Imperatorī Caesarī Tito Aelio Hadriano Antonino) или IMPCAESMAURANT (Imperatorī Caesarī Marco Aurelio Antonino); перед титулом могли, разумеется, находиться также сокращения PS или PROSAL (pro salute) и соответственно этому имя императора в родительном падеже. Во второй строке утеряно, по всей вероятности, несколько больше букв, так как сами они меньше; если в начальной строке их было 10—15, то здесь (и в следующих строках) их насчитывалось на две или три больше. В начале этой строки стояло, без сомнения, AVGPIO (если документ составлен при Антонине) или даже ETLVEROAVG (если надпись относится ко времени совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера); завершалась она именем дедиканта и могла читаться, к примеру, AUGPIOPMPPIULCRASSUS либо ETLVEROAVGTBASSUS. Тогда в следующей строке помещались имя второго дедиканта и название занимаемой им должности, так что буквы LEC являются сокращением слов legionis или legati; читалась эта строка примерно так: ETAURFESTUSMILIT либо BENEF LEG, то есть «воины такого-то легиона» или «бенефициарии такого-то легата» (в случае, если надпись относилась ко времени Марка Аврелия и строки ее были короче, имя второго дедиканта было соответственно короче).

Следует добавить, что ценный материал, тщательная обработка поверхности, беглость и профессионализм письма допускают и иную интерпретацию документа. Среди легатов Нижней Мезии во II в. были в разное время Марк Иаллий Басс и Юлий Красс (Штейн, 1940, с. 76—78); первый занимал свою должность в начале правления Марка Аврелия, в 163—164 гг., а в 165 г. н. э. в свите Луция Вера отбыл на Восток для участия в войне с парфянами (Штейн, с. 77); второй был наместником Нижней Мезии при Антонине Пие, в 140—42 либо в 146—148 гг. (Фитц, 1966, с. 14). По своим внешним признакам рассматриваемая надпись вполне отвечает стандартам оформления официальных государственных документов, так что ничто не препятствует тому, чтобы видеть в ней посвящение от имени одного из упомянутых легатов. Учитывая, что в надписях такого рода широко применялись сокращения, например (CIL, III, № 6154, 14214; VI, № 1449), ее можно дополнить так:

[PROSALIMPCAESMAU]RANT
[ETLAURVERIAUGGMIALB]ASSUS
[LEGAUGGPRPRPROVMOESIN]FLEG,

то есть *pro salute Imperatorum Caesarum Marci Aurelii Antonini et Lucii Aurelii Veri Augustorum Marcus Iallius Bassus legatus Augustorum pro praetore provinciae Moesiae Inferioris* (за здоровье императоров Цезарей Марка Аврелия Антонина и Луция Аврелия Вера, Августов,— Марк Иаллий Басс, легат Августов в ранге пропретора провинции Нижней Мезии); далее шла формула типа FC, например (*Histria*, IV, № 21). Что касается сокращения LEC в конце третьей строки, то оно может в данном случае быть указанием на предыдущее наместничество в Нижней Паннонии, легатом которой был Басс в 50-х годах (*CIL*, XII, № 2718-2719); тогда четвертая и последняя строки могли читаться, к примеру, *AUGPRPRPROVPANNONINFFC*, то есть (учитывая *leg* в конце предшествовавшей строки) *legatus Augusti pro praetore provinciae Pannoniae Inferioris faciendum curavit* (легат Августа в ранге пропретора провинции Нижней Паннонии озаботился сделать).

Если во второй строке упоминался не Басс, а один из его предшественников Красс, надпись следует дополнить несколько иначе:

[*PROSALIMPCAESTAELHAD*]RANT
[*AUGPIIETAURCAESIULIUSCR*]ASSUS
[*LEGAVGPRPRPROVMOESIAEIN*]FLEG,

то есть *pro salute Imperatoris Caesaris Titi Aelii Hadriani Antonini Augusti Pii et Aurelii Caesaris Iulius Crassus legatus Augusti pro praetore provinciae Moesiae Inferioris* (за здоровье императора Цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа, благочестивого, и Аврелия Цезаря — Юлиуса Красс, легат Августа в ранге пропретора провинции Нижней Мезии). Так как Красс известен по единственной фрагментированной надписи (*CIL*, III, № 13727), в которой его прежние должности не упомянуты, буквы *LEG* в конце третьей строки следовало бы, вероятно, относить к одному из трех легионов, находившихся на территории Нижней Мезии в 40-х годах II в. н. э.

Итак, перед нами фрагмент посвятельной надписи, в которой упоминался один из Антонинов; не настаивая на том, что посвящение было исполнено от имени одного из наместников Нижней Мезии, следует добавить, что характер письма допускает отнесение ее не только ко времени правления Антонина Пия или Марка Аврелия, но и ко времени остальных императоров, официально именовавшихся Марками Аврелиями Антонинами, то есть речь может идти также о Коммоде, Каракалле и Элагабале.

4 (рис. 4). Алтарь со слабо профилированными карнизом и базой, изготовленный довольно небрежно из желтоватого крупноструктурного плотного известняка. Высота 60 см (в том числе карниза 14,5 и базы 17,8 см), ширина у основания 34, в средней части 32, у верхнего края 33 см, толщина у основания 35, в средней части 31, у края карниза 32,5 см. Верхняя плоскость оббита, отсутствуют левый фронтальный и правый задний углы алтаря, спереди полностью уничтожен карниз и повреждена примыкающая к нему часть фасовой стороны. Вся

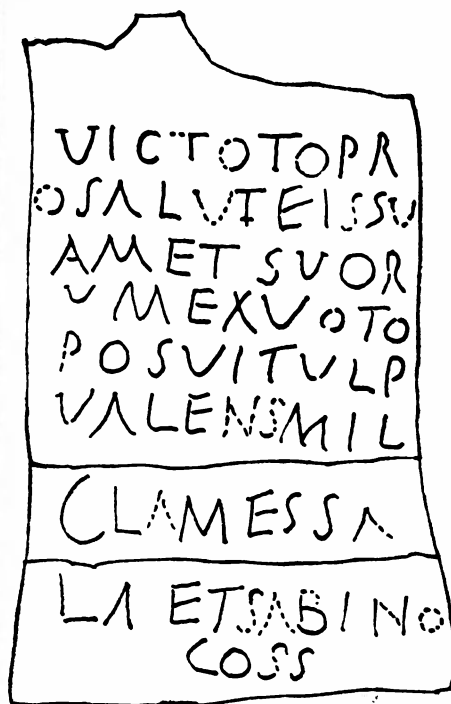
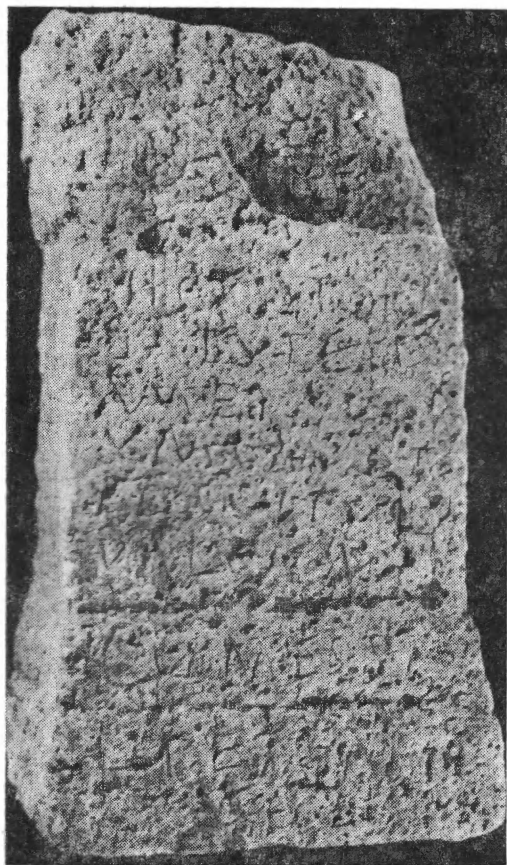

Рис. 4. Вотивный алтарь с латинской надписью. Начало III в. н. э.

поверхность сильно выветрена, имеется много мелких сколов, выбоин, отверстий и царапин. Найден в 1975 г.

На фронтальной стороне алтаря девять строк латинской надписи, выполненной тонкими неглубокими линиями. Число знаков колеблется от 8 до 11 в строке, в последней строке 4 знака. Буквы неровные, неаккуратные (из семи А лишь одна имеет перекладину), высота их различна — от 4,3 см (С в седьмой строке) до 1,9 см (О в четвертой строке). Характер письма и формы отдельных букв могут относиться и ко II и к III вв. н. э.

Несмотря на невысокую сохранность надписи и трудность чтения некоторых мест, текст читается полностью. Транскрибируется текст следующим образом: ...victo{to} pr/o salutei {s} su/um et suor/um ex voto/posuit Ulp(ius)/Vale[ns] mil(es)/cl[a](ssarius) Messa/la et S[a] bin[o]/co(n)sulibus.

Таким образом, перед нами обетное заздравное посвящение римского морского пехотинца (*milites classarii* — воины, несшие службу на военных кораблях и привлекавшиеся к несению службы на суше лишь в крайних случаях). От собственного имени божества, в честь которого классиарий воздвиг в Тире свой непритязательный дар, не сохранилось ни одной буквы; однако на камне читается несомненное окончание эпиклеса *Invictus* (непобедимый). Этот сакральный эпиклет прилагался в рассматриваемое время иногда к Гераклу (например, *Histria*, IV, № 24), но несравненно чаще к Митре, для которого эта эпиклеса была единственной и употреблялась порой без упоминания собственного имени божества (Кемпбелл, 1968, с. 211—236). Учитывая обычные формулы митраистских посвящений — *Mithrae Invicto, Soli Invicto, Deo Invicto*, — необходимо принимать, что в утраченной начальной строке находилось одно из них. Тогда посвящение переводится так: «Митре (или Солнцу, или просто Богу) Непобедимому за здоровье свое и своих (близких) по обету поставил Ульпий Валент, военный моряк, при консулах Мессале и Сабине».

Посвящения Митре от имени римских воинов очень многочисленны, в том числе и в Придунайских провинциях, но на северном побережье Черного моря известен лишь один такой памятник — небольшой алтарь из Херсонеса (НЭПХ, № 195). В Тире наличие приверженцев культа Митры устанавливается впервые.

Значение надписи не ограничивается, однако, тем, что ею удостоверяется существование в Тире митраистского культа. Особенного внимания заслуживает тот факт, что его воздвиг классиарий. Этим доказывается, что Тира была одним из опорных пунктов римского флота (вряд ли можно допускать, что дедикант посвятил алтарь своему богупокровителю при случайном посещении города), а классиарии входили в состав римских военных отрядов, размещенных в Тире. Речь должна идти, очевидно, о кораблях Мезийской Флавиевой эскадры, несшей службу в устьях Дуная (Велков, 1961, с. 78—81) и у берегов Крыма (Соломоник, 1966, с. 165—171).

Рассматриваемый документ интересен и тем, что он увеличивает число точно датированных эпиграфических памятников Тиры и относится к консульству Мессалы и Сабина; в консульских фастах значатся Луций Валерий Мессала и Гай Октавий Аппий Сутэрий Сабин, ординарные консулы 967 г. римской эры, т. е. 214 г. н. э. (Бикерман, 1975, с. 231). Эта дата занимает особое место в небогатых конкретными событиями летописях Тиры, и Ульпий Валент (как показывает его имя, потомственный воин, один из предков которого стал римским гражданином во времена Траяна) имел основание возблагодарить в этом году своего божественного заступника. В самом деле, латинская надпись из Эска, найденная еще в конце прошлого века (CIL, III, № 14416), но окончательно прочитанная лишь в последнее время (Геров, 1971, с. 433), и фрагмент другой эскай надписи (Геров, с. 432) подтверждают, вопреки высказавшимся сомнениям (Тудор, 1960, с. 350—356),

что в 214 г. н. э. римские войска (по-видимому, под командованием самого императора Каракаллы) успешно сражались против вторгшихся в пределы империи карпов ([adv]ersus hostes C[arpos]), причем в обоих документах благополучно или даже счастливо для римлян окончившиеся военные действия определенно локализируются у Тиры (res prospere Ty[rae ges]tas, res[?felicite]r Tyrae ge[stas]). Не обсуждая возникающие в связи с этим предположения, — был ли, к примеру, герой первой эсской надписи Тит Аврелий Флавин (являвшийся вместе с соорудившим его надгробие Клавдием Никомедом членом тирасского совета) начальником римского гарнизона Тиры (Доруциу-Боилэ, 1973, с. 437, прим. 8) или был ли поставивший в Дирнисополе посвящение Долихену бенефициарий I Италийского легиона Марк Помпей Луций (IGB, I², № 24, bis) участником тех же сражений (Геров, 1971, с. 434, прил.) — добавим только, что нет ничего более естественного, чем видеть в поставившем в тирасской цитадели свой скромный алтарь воине одного из тех, кто сражался в этом году против карпов, прорвавшихся до самой Тиры.

Алтарь — высечен грубо, из дешевого местного материала; повторения слога TO и буквы S на протяжении одной строки следует признать описками не слишком привычного к лапидарному письму исполнителя надписи; однако написание salutei вместо saluteu, быть может, saat вместо suat может рассматриваться как отражение живой речи. Весьма вероятно, что и имя Valens было написано без N (к сожалению, состояние камня в этом случае таково, что судить о том, стояло здесь NS или S, не представляется возможным); такие случаи известны в надписях, например, из Херсонеса (IPE, I², № 554; НЭПХ, № 189) и отражают выпадение носового звука перед консонантом.

Все издаваемые надписи, за исключением № 1, были найдены на Центральном раскопе и должны быть связаны с римской цитаделью. Характер и содержание этих документов позволяют догадываться о роли римского гарнизона в жизни Тиры при Антонинах и Северах и хорошо согласуются с представлением о Тире как об одном из провинциальных городов, тесно связанном с жизнью Римской империи.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ,
А. С. КОЦИЕВСКИЙ

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ТИРЫ

Во время раскопок Тиры — Белгорода в 1963—1976 гг. было найдено значительное количество монет. Большая часть средневековых монетных находок была определена и опубликована (Нудельман, 1974, с. 199—203), об античных же монетах имеются лишь краткие упоминания в археологической (Клейман, 1971, с. 236) и нумизматической

(Карышковский, 1971, с. 82) литературе. Настоящая публикация охватывает 126 античных монет: 116 экземпляров обнаружены на Центральном раскопе, в основном на цитадели, три экземпляра (№ 117—119) были найдены при шурфовке прилегающих к упомянутому раскопу улиц современного города и, наконец, семь монет (№ 120—126) происходят из случайных находок на Портовой улице и на территории средневековой крепости, то есть публикуемые монеты были найдены в пределах античной Тире. Следует оговориться, что учтены в данном случае только те случайные находки, которые были доставлены обнаружившими их лицами в Белгород-Днестровский музей или поступили к участникам археологической экспедиции.

Найденные на Центральном раскопе античные монеты относятся преимущественно к I—III вв. н. э. Из общего числа (116 определенных экземпляров) лишь 21 относится к доримскому времени, причем среди них 14 монет автономной Тире. К сожалению, стратиграфия Центрального раскопа такова, что многие экземпляры были перемещены еще в древности или в средние века; тем не менее монеты I—III вв. н. э. следует считать относящимися ко времени существования

римской цитадели. Эти находки особенно важны, так как характеризуют хозяйство и быт римского гарнизона Тире и, как можно полагать, тех слоев ее населения, которые в наибольшей степени были связаны с гарнизоном и проживавшими в Тире римскими гражданами. Таких монет 95 (№ 32—116); их распределение по времени и месту чеканки видно из табл. 1.

Отметим некоторые особенности этого распределения. Тирасская чеканка переживает время своего расцвета при Септимии Севере и Каракалле (196—217 гг. н. э.), и это наблюдение, сделанное на основании музейных коллекций (Зограф, 1957, с. 15, 39—42), подтвердилось составом двух найденных в Тире кладов (Фурманская, 1963а; Анохин, 1975). Однако среди монет, найденных на цитадели, резко преобладают представленные всеми существующими номиналами монеты Домициана (10 экз., из них 8 надчеканены при Траяне, № 25—34), Адриана (20 экз., № 35—54) и Антонина Пия (14 экз., № 55—68), тогда как монеты

Таблица 1
Монетные находки I—III вв. н. э. на цитадели

Правитель, время чеканки (годы н. э.)	Место чеканки, количество монет			Всего
	Тира	Рим	Провинциальные города	
Август, незадолго до 14 г.	3			3
Юлий — Клавдий, 14—68 гг.	4	1	1	6
Флавий, 69—96 гг.	10	2		12
Ранние Антонины 96—138 гг.	20	2		22
Поздние Антонины, 138—192 гг.	18	2	1	21
Северы, 193—235 гг.	13	5	2	20
«Солдатские императоры», 235—284 гг.		11		11
Всего	68	23	4	95

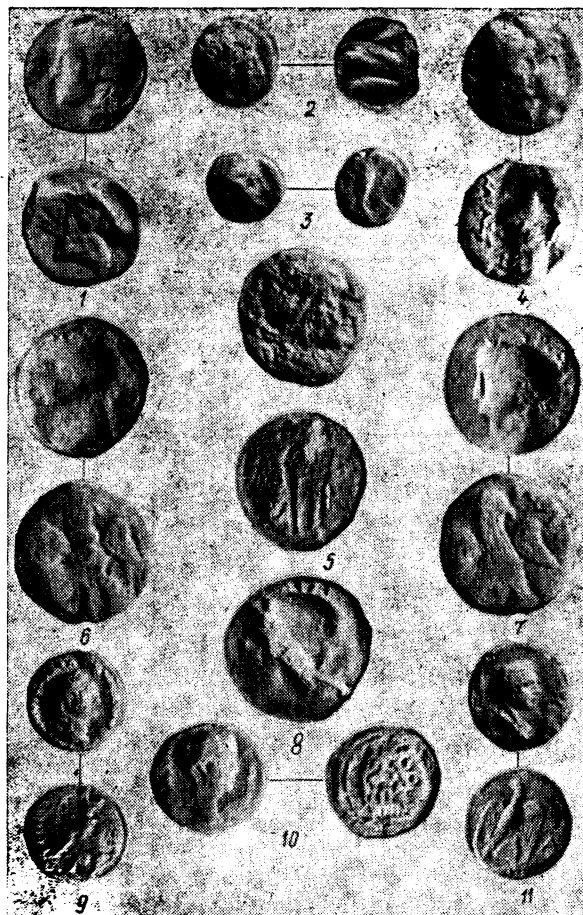

Рис. 1. Греческие и римские монеты из Тира:

1 — Тира, вторая половина IV в. до н. э.; 2 — Истрия, вторая половина IV в. до н. э.; 3 — Тира, II в. до н. э.; 4 — Малая Скифия, Харасп; II в. до н. э.; 5 — Боспорское царство, 80 — 63 г. до н. э.; 6 — Тира, Август; начало I в. н. э.; 7 — То же (экземпляр из коллекции ОАМ); 8 — Рим, Клавдий; монета надчеканена в Тире в 40-х или 50-х годах I в. н. э.; 9 — Рим, Веспасиан; 72—75 гг. н. э.; 10 — Фессалоника, II в. н. э.; 11 — Тира, Домициан; 81—96 гг. н. э. (уменьшено на 1/4).

Севера и Каракаллы многочисленны (9 экз., № 73—81). С другой стороны, количество найденных на цитадели римских и провинциальных монет не только возрастает при Севере и его сыне, но их поступление не прекращается ни при Севере Александре, ни в годы кризиса III в. н. э. Среди находок представлены монеты Гордиана, Филиппа, Валериана и Галлиена (№ 102—112), а на участке А. И. Фурманской были найдены также монеты Клавдия Готского 268—270 гг. н. э.) и Диоклетиана (284—305 гг. н. э.). При шурфовке ближайших к раскопу улиц современного города снова встречены монеты первых лет правления Диоклетиана (№ 118) и современного последнему царя Боспора Фофорса (№ 119), а на одной из таких улиц уже не раз были найдены монеты того же Диоклетиана (№ 126; рис. 2, 11; Анохин, Пушкарев, 1965 с. 200, № 13). Нельзя не отметить, что эти находки укрепляют мысль о том, что существование античной Тире не прекратилось после готского нашествия 238 г. н. э., как не

прекратилось, по-видимому, ни существование Истрии (Пиппиди, 1967, с. 464—480), ни Ольвии (Карышковский, 1968, с. 167—179).

Если стратиграфия монетных находок на цитадели невыразительна, то в их топографическом размещении следует выделить редкие случаи относительной концентрации синхронных монет.

Так, в 1975 г. у стены цитадели на одном уровне и неподалеку друг от друга зарегистрирована находка четырех монет Домициана (№ 26, 29, 30, 34; рис. 1, 11). В том же и в следующем году в районе предполагаемого входа в цитадель снова на одном уровне обнаружены монеты Клавдия с тирасскими надчеканками (№ 86—89; рис. 1, 8). Интересен факт, что выпущенный в 209 г. н. э. денарий Септимия Севера (№ 98; рис. 2, 4) находился внутри предполагаемого здания вексиляции, в углублении пола у фундамента (вместе с ним лежали бронзовые браслет и обломок ножа), а на кладке внутри позднеантичного подвала были найдены антонианы Валериана и Галлиена, слипшиеся в ком с денарием Мамеи, чеканенным в 226 г. н. э. (№ 101, 107, 109).

Некоторые из публикуемых монет представляют особенный интерес. Это относится прежде всего к трем монетам Тиры с изображениями безбородой головы императора и орла (№ 22—24; рис. 1, 6). Хотя подобные монеты были известны еще на заре развития нумизматики античного Причерноморья (Мурзакевич, 1835, с. 22, № 2), А. Н. Зограф выразил сомнение в их подлинности и не включил их в подготовленный еще в 20—30-х годах, но увидевший свет лишь после смерти автора корпус монет Тиры (Зограф, 1957, с. 31). В дальнейшем, узнав о находке таких монет в 1940 г.,

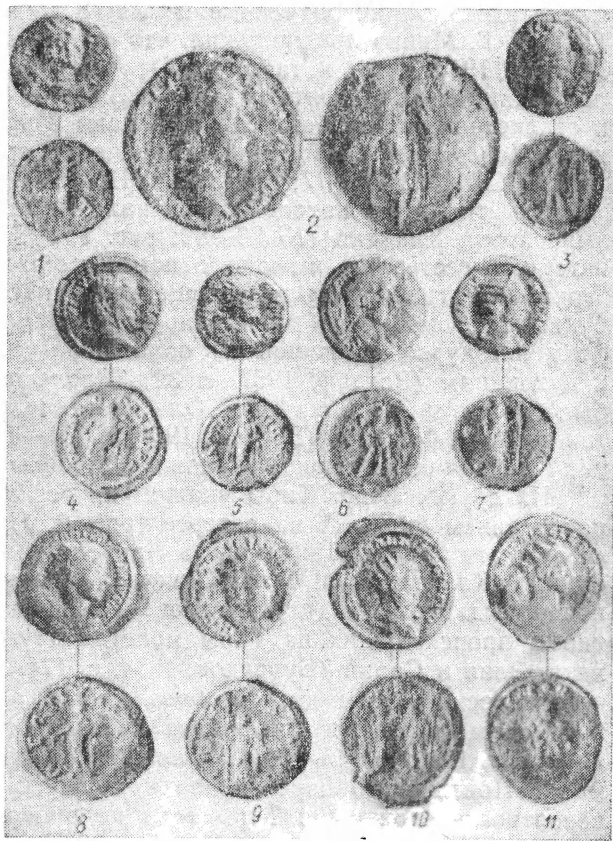

Рис. 2. Римские монеты из Тиры:

1 — Тиры, Адриан; 117—138 гг. н. э.; 2 — Рим, Антонин Пий; 140—143 гг. н. э.; 3 — Рим, Коммод; 182 г. н. э.; 4 — Рим, Септимий Север; 209 г. н. э.; 5 — Никополь на Истре, Септимий Север; 193—211 гг. н. э.; 6 — Тиры, Север Александр; 222—235 гг. н. э.; 7 — Рим, Юлия Мамея; 226 гг. н. э.; 8 — Рим, Гордиан Младший; 238—239 гг. н. э.; 9 — Рим, Валериан; 253—259 гг. н. э.; 10 — Рим, Галлиен; 253—268 гг. н. э.; 11 — Кизик (?), Диоклетиан; 284—292 гг. н. э. (уменьшено на $\frac{1}{4}$).

А. Н. Зограф признал их подлинными (Зограф, 1951, с. 114). Новые находки трех монет в 1969 и 1975 гг. окончательно снимают вопрос об их подлинности, хотя историческая интерпретация этой эмиссии остается во многом спорной. Нумизматы XIX в. относили ее ко времени Севера Александра (Бурачков, 1884, с. 93, № 78; Юргевич, 1889, с. 12, № 110—112), Э. Г. Миннз предположил, что они датируются временем Августа (Миннз, 1913, текст к табл. I, 15). Легенда монет делает такое предположение очень вероятным, но нельзя умолчать о том, что фактурные и стилистические особенности сближают эту эмиссию с монетами Ольвии и Херсонеса, несомненно, чеканенными при Флавиях (Зограф, 1951, табл. XXXIV, 12, 15—17; табл. XXXVII, 8, 11).

Отметим среди находок также наличие надчеканенных в Тире монет императора Клавдия (№ 86—89; рис. 1, 8), в том числе совершенно истертого сестерция, имеющего помимо обычных клейм (TYP и DP в зеркально отраженном виде) еще дополнительную надчеканку в виде буквы А. Клеймо DP констатирует, как можно полагать, легальное снижение курса изношенных в обращении сестерциев — их приравняли к дупондиям (Зограф, 1957, с. 32). Последняя надчеканка в Тире не была известна, но в соседней Ольвии такие клейма известны на монетах времени Флавиев (Зограф, 1951, с. 144—145). По-видимому, сестерции Клавдия были в конце концов приравнены к ассам ($A=1$).

Из других монет Тиры укажем на ассарий Адриана с необычным начертанием буквы А на реверсе (рис. 2, 1). Среди иноземных монет заслуживает упоминания монета Хараспа (рис. 1, 4), второго из премников Канита, царя Малой Скифии (Герасимов, 1953, с. 55), косвенно подтверждающая недокументированное указание П. О. Бураčkова о якобы происходящих из Тиры монетах других скифских царей — Канита, Элия и Сарии (Бурачков, 1884, с. 17). Не менее важна и находка боспорского безымянного обола (рис. 1, 5), относящегося к последним годам правления Мифрадата Евпатора (Зограф, 1951, с. 187—188; Крушкoл, 1952, с. 145—146). Увеличивая количество найденных в Тире монет Понтийского царства эпохи Мифрадата, эта монета усиливает вероятность вхождения Тиры если не в державу, то в зону влияния великого понтийского царя (Шелов, 1962, с. 95—102). Наконец, весьма своеобразным нумизматическим памятником должен быть признан отысканный в 1975 г. медальон Антонина Пия (№ 95; средняя часть — рис. 2, 2). Обычные медальоны этого времени представляют собой монетовидные чеканенные поделки, превосходящие по размерам самые крупные из обращавшихся тогда монет и лишенные, если они даже изготовлены из бронзы, букв SC, неизменно присутствующих на реверсе обычных сестерциев, дупондиев и ассов; медальоны отличались от монет также тщательностью исполнения штемпелей и служили, как полагают, мемориально-наградным целям (Кеннер, 1887, с. 1—173). Встречаются порой и медальоны Антонинов, центральная монетовидная часть которых окружена широким, более или менее орнаментированным

Список античных монет, найденных в Центральном раскопе

№ п/п	Размер мм	Вес, г	Металл, номинал	Время на- ходки	Определение монеты (ме- сто чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания	Инвентар- ный ро- мер ОАМ
1	22	7,96	М	1976	Тира, вторая половина IV в. до н. э.	Зограф, 1957, с. 67, № 11, табл. I, 11	53 689
2	21	7,95	М	1976	То же	То же	53 691
3	22	6,95	М	1976	» »	» »	53 693
4	24	6,84	М	1976	» »	» »	53 690
5	22	4,12	М	1976	» »	» »	53 692
6	17—14	обл.	М	1976	» »	» »	53 695
7	18	3,70	М	1972	Тира, вторая половина IV в. до н. э.	Зограф, 1957, с. 67, № 13, табл. II, 1	53 534
8	17	3,04	М	1976	То же	То же	53 696
9	23	6,15	М	1976	Тира, рубеж IV—III вв. до н. э.	Зограф, с. 68, № 15-16, табл., II, 2	53 694
10	15	2,10	М	1972	Тира, первая полови- на III в. до н. э.	Зограф, с. 69, № 17, табл. II, 3	53 536
11	15—14	1,20	М	1972	То же	То же	53 535
12	14	1,10	М	1973	» »	» »	53 570
13	13	1,69	М	1975	Тира, II в. до н. э.	Зограф, 1957, с. 74, № 34, табл. III, 10	53 697
14	14	0,98	М	1967	Тира, II или I в. до н. э.	Зограф, с. 75, № 37, табл. III, 14	53 263
15	8—4	обл.	М	1974	Истрия, V—IV вв. до н. э.	Преда, Нубар, 1973, с. 89—103, № 1—230 табл. I, 9, 10	53 593
16	16,5	3,57	М	1970	Истрия, вторая по- лови́на IV в. до н. э.	Мушмов, 1912, с. 16, № 141, табл. II, 6	53 449
17	22—21	7,43	М	1976	Малая Скифия, царь Харасп; II в. до н. э.	Мушмов, с. 343, № 5813, табл. XXXVIII, 21	53 709
18	24	15,18	М, обл.	1970	Боспорское царство, 80—63 гг. до н. э.	Зограф, 1951, с. 187—188, табл. XLIII, 23	53 450
19	16	6,88	М	1971	Один из городов Гре- ции или Малой Азии, конец IV—начало I вв. до н. э.	То же	53 488
20	15	3,80	М	1971	То же	» »	53 496
21	14	1,11	М	1973	» »	» »	53 570
22	24—23	13,39	М	1969	Тира, Август (?); неза- долго до 14 г. н. э.	Зограф, 1951, с. 114; Бурачков, 1884, табл. XII, 79	53 323
23	25	8,07	М	1975	То же	То же	53 644
24	28—11	обл.	М	1975	» »	» »	53 698
25	24	8,30	М, се- стерций	1976	Тира, Домициан; 81— 96 гг. н. э.	Зограф, 1957, с. 77, № 44, табл. IV, 4; с клеймом	53 702
26	24	7,23	То же	1975	То же	То же	53 646

№ п/п	Размер мм	Вес, г	Металл, номинал	Время на- ходки	Определение монеты (ме- сто чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания	Инвентар- ный но- мер ОАМ
27	24	6,31	М, се- стерций	1968	Тира, Домициан; 81— 96 гг. н. э.	Зограф, 1957, с. 77, № 44, табл. IV, 4; с клеймом	53 265
28	22—21	5,52	То же	1974	То же	То же	53 636
29	23	5,02	» »	1975	» »	» »	53 647
30	20	4,12	М, ду- пондий	1975	» »	Зограф, с. 78, № 45, табл. IV, 5; без клей- ма	53 648
31	20	3,26	То же	1976	» »	То же	53 701
32	18	4,64	» »	1970	» »	То же, с клеймом	53 453
33	18	2,29	» »	1972	» »	То же	53 645
34	19	3,41	М, асс	1975	» »	Зограф, с. 79, № 47, табл. IV, 6; с клей- мом	53 642
35	27	6,46	М, се- стерций	1975	Тира Адриан; 117— 138 гг. н. э.	Зограф, с. 80, № 48, табл. IV, 7	53 449
36	21	5,20	То же	1972	То же	То же	53 537
37	24	4,54	» »	1975	» »	» »	53 652
38	21	4,52	» »	1976	» »	» »	53 713
39	20	3,90		1972	» »	» »	53 540
40	22	3,34	» »	1968	» »	» »	53 687
41	20	обл.	» »	1972	» »	» »	53 539
42	23	3,23	М, ду- пондий	1975	» »	Зограф, с. 81, № 49, табл. IV, 8	53 651
43	19	3,05	То же	1971	» »	То же	53 495
44	18,8	3,00	» »	1969	» »	» »	53 315
45	18	2,76	» »	1974	» »	» »	53 589
46	19	2,53	» »	1974	» »	» »	53 588
47	17	2,22	» »	1971	» »	» »	53 485
48	19	2,00	» »	1975	» »	» »	53 663
49	18—15	обл.	» »	1974	» »	» »	53 586
50	16—13	обл.		1974		» »	53 587
51	19	3,91	М, асс	1976	» »	Зограф, с. 82, № 50 табл. IV, 9	53 715
52	17	2,78	То же	1976	» »	То же	53 714
53	19	2,54	» »	1975	» »	» »	53 650
54	16	2,37	» »	1974	» »	» »	53 591
55	22	4,80	М, се- стерций	1972	Тира, Антонин Пий; 138—161 гг. н. э.	Зограф, 1957, с. 83, № 51, табл. V, 1	53 480
56	20,1	4,85	М, ду- пондий	1965	То же	Зограф, с. 83, № 52, табл. V, 2	53 145
57	20,5	2,94	То же	1973	» »	То же	53 659
58	18—15	обл.	» »	1976	» »	» »	53 707
59	18	3,83	М, 1,5 асса	1975	Тира, Антонин Пий (с изображением Авре- лия Цезаря)	Зограф, с. 84, № 53, табл. V, 3	53 654

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Металл, номинал	Время на- ходки	Определение монеты (ме- сто чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания	Инвентар- ный номер ОАИМ
60	18	2,67	М, 1,5 асса	1971	Зограф, (с изображе- нием Аврелия Цезаря)	Зограф, 1957, с. 84, № 53, табл. V, 3	53 493
61	18	2,54	То же	1970	То же	То же	53 454
62	18	2,19	» »	1976	» »	» »	53 706
63	15	2,55	М, асс	1970	Зограф, (с изображе- нием Антонина Пия)	Зограф, с. 85, № 54, табл. V, 4	53 455
64	17,5	2,11	То же	1973	То же	То же	53 572
65	16	2,01	» »	1974	» »	» »	53 584
66	16	2,00	» »	1976	» »	» »	53 704
67	15	1,12	» »	1976	» »	» »	53 703
68	14—11	обл.	» »	1976	» »	» »	53 705
69	19	3,06	М, се- стерций	1975	Тира, Коммод; первая серия, 180 г. н. э.	Зограф, с. 87, № 55, табл. V, 5	53 658
70	18,5	4,60	М, 3 асса	1972	Тира, Коммод; вторая серия, 185—192 гг. н. э.	Зограф, с. 90, № 60, табл. V, 10	53 538
71	19	2,85	М, ду- пондий	1975	То же	Зограф, 1957, с. 91, № 61 табл. V, 11	53 656
72	16—14	обл.	М, асс	1975	» »	Зограф, с. 93, № 63, табл. V, 13	53 682
73	22	6,02	М, се- стерций	1968	Тира, Септимий Север; первая серия, 196— 197 гг. н. э.	Зограф, с. 94, № 66, табл. VI, 2	53 266
74	16	1,10	М, асс	1968	Тира, Септимий Север (с изображением Геты); вторая серия, 198— 199 гг. н. э.	Зограф, с. 97, № 74, табл. VI, 7	53 653
75	25	6,24	М, се- стерций	1966	Тира, Септимий Север (с изображением Сеп- тимия Севера); пятая серия, 209—211 гг. н. э.	Зограф, с. 103, № 88, табл. VIII, 1	53 164
76	24,3	7,61	М, се- стерций	1969	Тира, Каракалла; 211—217 гг. н. э.	Зограф, с. 109, № 101, табл. IX, 2	53 313
77	23,1	5,80	То же	1968	То же	Зограф, с. 109—110, № 101—102, табл. IX, 2, 3	53 688
78	21—15	обл.	» »	1969	» »	Зограф, с. 103, № 103, табл. IX, 4	53 312
79	23	6,93	» »	1971	» »	Зограф, 1957, с. 113, № 108, табл. IX, 6	53 490
80	22	5,48	М, 3 асса	1976	Тира, Каракалла (с изображением Юлии Домны)	Зограф, с. 115, № 112, табл. IX, 10	53 708
81	20,5	4,79	То же	1968	То же	То же	53 314
82	24	6,64	М, се- стерций	1966	Тира, Север Алек- сандр; 222—235 гг. н. э.	Зограф, с. 117, № 115, табл. X, 5; с клеймом н. э.	53 163
83	27	5,30	То же	1972	То же	Зограф, с. 118, № 118, табл. X, 1; без клейма	53 544
84	22,5	4,55	» »	1971	» »	То же	53 495

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Металл, номинал	Время на- ходки	Определение монеты (место чеканки, правитель время чеканки)	Литература, примечания	Инвентар- ный но- мер ОАМ
85	22	3,81	М, се- стерций	1970	Ти́ра, Север Алек- сандр; 222—235 гг.	Зограф, с. 118, № 118, табл. X, 1 с клеймом	53 456
86	31	12,22	То же	1976	Рим, Клавдий; 41 г.н. э.	Зограф, с. 121, № 125, табл. IV, 1; клей- ма ТУР, DP, A (ав.); колос (реверс)	53 700
87	27	6,66	М, асс	1975	То же	Зограф, с. 121, № 126, табл. IV, 2; клей- мо ТУР	53 643
88	26	6,52	То же	1976	» »	То же	53 699
89	26	5,03	» »	1975	» »	» »	53 642
90	29	5,84	» »	1975	» »	Коэн, т. 1, с. 254, № 47	53 641
91	18	2,56	С, дена- рий	1970	Рим, Веспасиан; 72— 75 гг. н. э.	Коэн, т. 1, с. 397, № 387	53 451
92	18,2	3,11	М, дена- рий (суб.)	1963	Рим, Веспасиан; 75 г. н. э.	Коэн, т. 1, с. 395, № 367	53 144
93	18	2,14	С, дена- рий	1971	Рим, Траян; 103— 111 гг. н. э.	Коэн, т. II, с. 25—27, № 63, 66, 68, 70, 75— 77, 81—82, 85, 87 (?)	53 487
94	17,8	обл.	М, дена- рий (суб.)	1976	Рим, Траян или Адриан; 98—138 гг. н. э.		53 711
95	32	19,66	М, се- стерций (мед.)	1965	Рим, Антонин Пий; 140—143 гг. н. э.	Коэн, т. II, с. 274, № 34; окаймлен пло- ским бронзовым коль- цом	53 655
96	17	2,56	С, дена- рий	1965	Рим, Коммод; 182 г. н. э.	Коэн, т. III, с. 338, № 843	53 143
97	17	2,60	То же	1970	Рим, Септимий Север (?)	Коэн, т. IV, с. 40, № 359	53 452
98	20	2,60	»	1967	Рим, Септимий Север; 209 г. н. э.	Коэн, с. 56, № 535	53 166
99	16—7	обл.	»	1973	Рим, Септимий, Север (?)		53 571
100	19	1,98	М, дена- рий (суб.)	1975	Рим, Гета; 209—212 гг. н. э.	Коэн, с. 275, № 206— 207	53 657
101	17,5	2,72	С, дена- рий	1963	Рим, Юлия Мамея; 226 г. н. э.	Коэн, с. 498, № 81	53 142
102	22	3,23	Б, анто- ниан	1975	Рим, Гордиан Млад- ший; 238—239 гг. н. э.	Коэн, т. V, с. 24, № 17	53 659
103	22	2,25	То же	1974	Рим, Гордиан Млад- ший; 238—240 гг. н. э.	Коэн, т. V, с. 40, № 186	53 594
104	22—17	обл.	» »	1974	Рим, Гордиан Млад- ший; 238—244 гг. н. э.	Коэн, с. 60, № 353	53 585

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Металл, номинал	Время нахождения	Определение монеты (место чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания	Инвентарный номер ОАМ
105	22—14	обл.	Б, антонин	1974	Рим, Гордиан Младший (?), 238—244 гг. н. э.		53 585
106	19,4	3,69	То же	1969	Рим, Филипп Старший; 245 г. н. э.	Коэн, т. V, с. 107, № 120	53 310
107	22,1	3,03	» »	1963	Рим, Валериан; 253—259 гг. н. э.	Коэн, с. 303, № 53	53 140
108	17—15	обл.	» »	1971	Рим, один из императоров от Филиппа до Валериана; 244—259 гг. н. э.		53 491
109	25,1	3,80	» »	1963	Рим, Галлиен; 253—268 гг. н. э.	Коэн, с. 429, № 903	53 141
110	19	обл.	М, антонин	1975	То же	Коэн, с. 372, № 269	53 660
111	20	3,07	То же	1971	» »	Коэн, с. 467, № 1313	53 489
112	19	2,44	» »	1971	Рим, Галлиен; 253—268 гг. н. э. (?)		53 499
113	24—22	4,18	М	1970	Римская империя, один из городов Дунайских, Балканских или Малоазиатских провинций; время Юлиев-Клавдиев (14—68 гг. н. э.)		53 477
114	20,5	5,10	М	1972	Римская империя, Фессалоника; время Антонинов (96—192) гг. н. э.)	Хэд, 1899, с. 114, № 55-56	53 543
115	15	2,64	М	1971	Римская империя, Никополь на Истре; Септимий Север (193—211 гг. н. э.)	Пик, 1898, с. 380. № 1382-1383	53 486
116	16—6	обл.	М	1974	Римская империя, один из городов Нижней Мезии (?), время Северов (193—235 гг. н. э.)		53 592

плоским кольцом, причем весь такой медальон изготовлен из одного куска металла (Бернгарт, 1926, табл. 25, 26). Существуют, наконец, и такие медальоны, центральная часть которых изготовлена отдельно и лишь затем заключена в плоское кольцо (Вебер, 1909, табл. XVII, 1451). Медальон из Тиры приближается к памятникам этой категории, но в центре кольца помещен обычный сестерций Антонина Пия, чеканенный в 140—143 гг. н. э. Такие экземпляры встречаются реже и потому, что ими пользовались лишь при отсутствии настоящих медальо-

Список античных монет из шурфов

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Металл, номинал	Время находки и шурф	Определение монеты (место чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания	Инвентарный номер ОАМ
117	20	4,53	М, сестерций	1970 4	Тира, Адриан; 117—138 гг. н. э.	Зограф, 1957, с. 80, № 48, табл. IV, 7	53 445
118	19,3	1,77	М, антонин стартер	1969 2	Римская империя, Гераклея или Никомедия (?); Диоклетиан, 294—292 гг. н. э.	Коэн, 1955, т. VI, с. 419, № 34	53 311
119	18	5,20	М, деградированный стартер	1970 4	Боспорское царство; Фофорс, 286—288 гг. н. э. (583 или 584 г. боспорской эры)	Голенко, 1960, с. 246, № 8—8, табл. 1, 6—8	53 446

Случайные находки античных монет

№ п/п	Размер, мм	Вес, г	Металл, номинал	Время находки	Место находки	Определение монеты (место чеканки, правитель, время чеканки)	Литература, примечания
120	15	2,10	М	1974	Портовая ул.	Тира, II в. до н. э.	Зограф, 1957, с. 72—73, № 27—28, табл. III, 2—3
121	33	17,05	М, сестерций	1965	Крепость	Рим, Траян (?); 98—117 гг. н. э.	
122	23	3,61	»	1974	Портовая ул.	Тира, Адриан; 117—138 гг. н. э.	Там же, с. 80, № 48, табл. IV, 7
123	15	1,55	М, асс	1975	Крепость	Тира, Антонин Пий; 138—161 гг. н. э.	Там же, с. 85, № 54, табл. V, 4
124	18	2,41	С, денарий	1963	Крепость, ров	Рим, Марк, Аврелий; 176 г. н. э.	Коэн, 1955, т. III, с. 92, № 926
125	19	4,55	М, асс	1972	Крепость, первый двор	Тира, Север Александр; 222—235 гг. н. э.	Зограф, 1957, с. 120, № 122, табл. X, 7
126	24—22	2,88	М, антонин	1976	Портовая ул.	Римская империя, Кизик (?); Диоклетиан, 284—292 гг. н. э.	Коэн, 1955, т. VI, с. 428, № 133 или 135

нов, и потому, что идентификация их при выпадении монеты из кольца крайне затруднительна. Настоящий медальон, мемориально-наградной характер которого в свете римского военного присутствия в Тире не вызывает сомнений, является, по-видимому, технически упрощенным вариантом ~~донатрис~~ более высокого класса, распространенных в центре Римской империи.

**КЛАССИФИКАЦИЯ
СЕРОГЛИНЯНОЙ СТОЛОВОЙ КЕРАМИКИ
ТИРЫ II—IV ВВ. Н. Э.**

Советские археологи, изучая античные памятники Причерноморья, большое внимание уделяют местной керамике, в том числе и гончарной сероглиняной. Ее считают важным массовым источником по проблеме взаимодействия различных в этнокультурном отношении групп населения (Кругликова, 1951, с. 87). Для первой половины I тысячелетия н. э. сероглиняная керамика особенно интересна на фоне процесса сарматизации степей Северного Причерноморья и сложения черняховской культуры. В то время, как на памятниках Боспора она изучалась специально, то для Северо-Западного Причерноморья этот вид керамики указанного времени остается неисследованным. Соответствующие материалы Ольвии и Тиры не публиковались. И только в книге А. В. Буракова опубликована сероглиняная керамика Козырского городища I в. до н. э.—середины III в. н. э. (Бураков, 1976, с. 1—157). Тем не менее, такое положение не мешает многим исследователям, опираясь на этот материал, высказывать определенные суждения даже общен исторического характера. Очевидно, назрела необходимость публикации соответствующих коллекций. Полностью разделяя мнение А. А. Формозова (Формозов, 1977, с. 5—14) о первостепенном значении достоверной публикации и классификации источников, автор и применительно к описываемой коллекции считает это своей целью.

Сероглиняная керамика представляет собой не случайное механическое объединение сосудов по цвету черепка, а характеризуется общностью технологии, единством приемов отделки поверхности, однородностью облика в целом.

В данной статье использованы коллекции, полевые документы и отчеты руководителей экспедиций Л. Д. Дмитрова, Л. И. Фурманской, И. Б. Клеймана и С. Д. Крыжицкого о раскопках Тиры с 1945 по 1976 г., хранящиеся в ИА АН УССР и в Одесском археологическом музее. Обработана вся происходящая из Тиры сероглиняная керамика указанного времени в фондах ИА АН УССР, Одесского археологического музея и Белгород-Днестровского краеведческого музея. Исползованная полевая документация имеет ряд особенностей, повлиявших на результаты проделанной работы. В послонных списках Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской сероглиняная гончарная столовая керамика хронологически не расчленялась и регистрировалась в одной и той же терминологии, не позволяющей понять, относится ли материал к эллинистическому, римскому или золотоордынскому времени. К тому же ординарная массовая керамика не вся входила в состав взятых с поля коллекций и сейчас часто приходится довольствоваться описаниями и

фотографиями в отчетах. Обработанные коллекции — это лишь малая толика того, что прошло через руки раскопщиков в поле.

В полевых документах экспедиции, руководимой И. Б. Клейманом и С. Д. Крыжицким, описываемая керамика учитывалась в послонных списках специально. Однако с поля была взята тоже лишь часть находок. К тому же возможности хронологического анализа ограничиваются тем, что в это время ненарушенные римские слои почти не вскрывались. За все годы раскопок всего удалось обработать около 900 фрагментов керамики. Большая часть коллекции найдена в перемещенном состоянии. Стратиграфическая неопределенность преобладающей части материала крайне ограничила хронологические определения, а его фрагментарность — типологические построения.

По материалам раскопок послеготского дома, который дал закрытый комплекс IV в. н. э. (Клейман, 1973, с. 16—18; Кравченко Н., Корпусова, 1975, с. 20—42) и по находкам в местах сохранившемся культурном слое послеготского периода можно уверенно утверждать, что это время и является верхним хронологическим рубежом существования сероглиняной керамики описываемого типа в Тире.

По данным Дмитрова (Дмитров, 1955, с. 114) и Фурманской, рассматриваемая керамика присутствовала в домах III и IV, погибших во время готского вторжения. Дом III имел два уровня полов и перестраивался в 30—40-х годах II в. н. э. (Фурманская, 1962, с. 126), в обоих горизонтах обнаружена сероглиняная керамика. Следовательно, рассматриваемую коллекцию можно в целом датировать пока II—IV вв. н. э. Имеющаяся документация не позволяет расчлнить стратиграфически материал доготского и послеготского периодов. Поэтому проследить эволюцию сероглиняной керамики не удается и приходится описывать ее суммарно.

Естественно, возникает вопрос: сколь точно удалось отделить сероглиняную керамику первой половины I тысячелетия н. э. от позднеэллинистического материала. Для контроля была осмотрена керамика эллинистического поселения Лузановка (фонды ОАМ). В данной статье полностью исключены все фрагменты, хронологическая принадлежность которых вызывала сомнения. Однако при разграничении с более ранним материалом могли быть допущены отдельные ошибки.

В связи с необходимостью стандартизации и унификации приемов и терминологии описания керамики в работе частично использовалась система, предложенная В. Ф. Генингом (Генинг, 1973, с. 114—137). Поскольку описываемая коллекция состоит из фрагментированного материала, предлагаемая классификация построена с учетом только форм сосудов. Устойчивое сочетание определенного орнамента с конкретной формой сосуда в классификации не отражено. По той же причине учет параметров и формообразующих признаков сосудов оказался неполным. Элемент субъективности отбора признаков возрастает по мере опускания к нижним уровням классификации, чего избежать, к сожалению, нельзя.

Рассматриваемую коллекцию, очевидно, можно считать в основном представительной. Уже $\frac{3}{4}$ ее объема дали при анализе весь набор форм.

Вся рассматриваемая керамика изготовлялась на гончарном круге быстрого вращения и представляла собой продукцию ремесленников. Посуду, сделанную из тонкого, тщательно очищенного, вероятно, в боль-

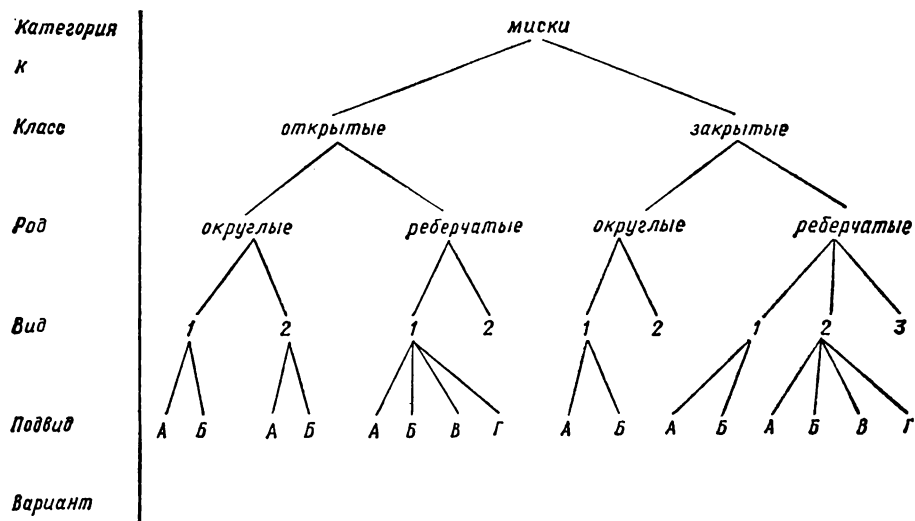

Рис. 1. Схема классификации мисок.

шинстве случаев отмученного теста, обычно покрытую лощением и часто украшенную пролощенным орнаментом, считают столовой. Вся она по форме, определяющей конкретное назначение судов, разделена на категории. Это миски, кувшины, тарелки. Они перечислены в порядке уменьшения их количества.

Категория мисок (рис. 1) расчленена по соотношению диаметра венчика и наибольшего диаметра корпуса на два класса: открытых и закрытых мисок.

Класс открытых мисок. Диаметр устья превосходит максимальный диаметр корпуса или равен ему. По характеру перегиба корпуса самой широкой части открытые миски разделены на два рода — округлые и ребристые. В пределах этих родов по отсутствию или наличию шейки, по степени ее развития, что определяет общий силуэт сосуда, выделены виды, по характеру профиля венчика — подвиды.

Род округлых мисок. Форма сосуда всего точнее определяется как сегмент шара.

Вид 1 (учтено 19 экз.). Шейка отсутствует или едва намечена. **Подвид а.** Шейка отсутствует. Венчик почти никак не выделен и является простым продолжением стенки (рис. 2, 1, 7). Несколько фрагмен-

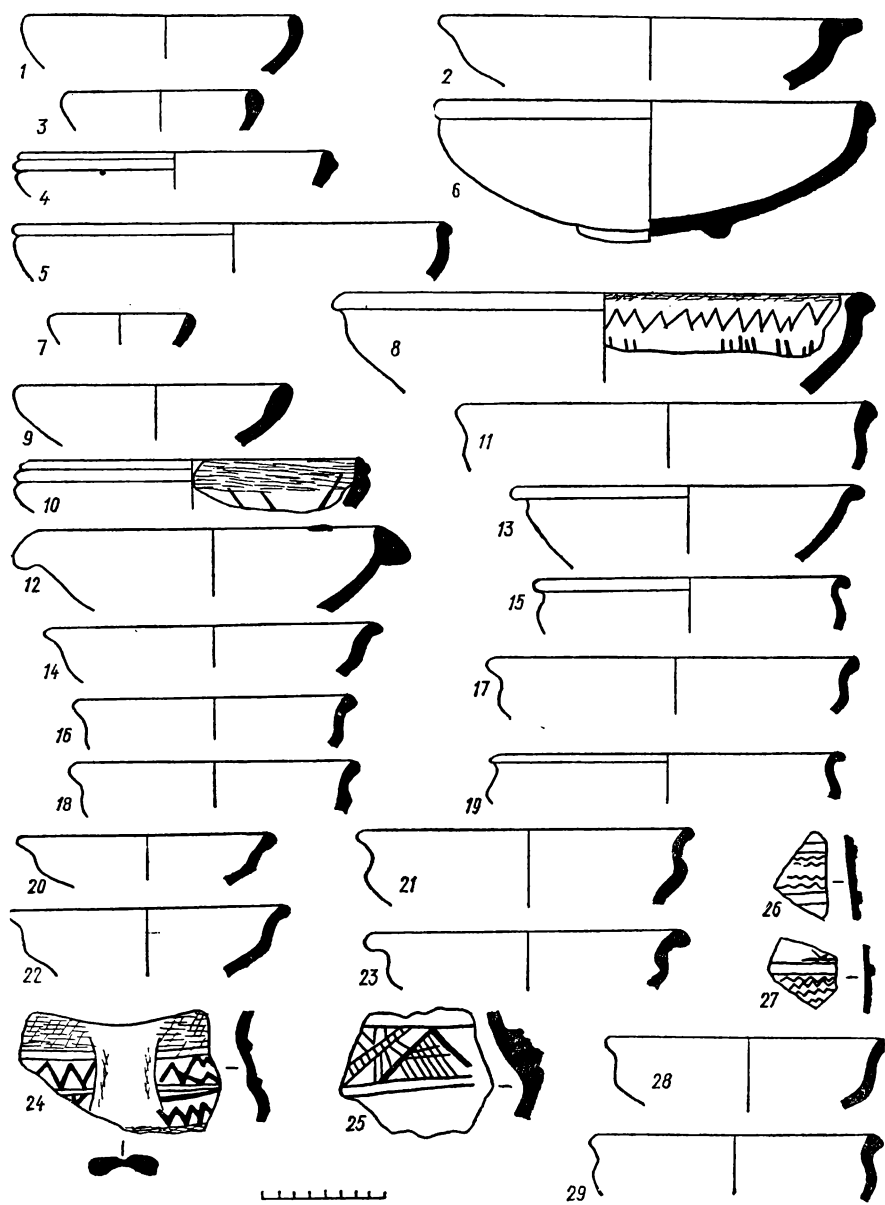

Рис. 2. Сероглиняная столовая керамика.

тов происходят из доготских слоев. Варианты: венчик слегка утолщен (рис. 2, 3, 4) и при этом может быть скошен внутри (рис. 2, 9); имеет снаружи небольшой выступ (рис. 2, 5), или дополнительную профилировку уступами (рис. 2, 10). Диаметр устья от 18 до 28 см, в одном случае — 9 см. *Подвид б* с небольшим перехватом под венчиком. У всех учтенных фрагментов варьирует форма венчика (рис. 2, 2, 6, 8, 11, 13, 28). Один целый экземпляр (рис. 2, 6) происходит из послеготского дома. Диаметр устья от 18 до 34 см.

Вид 2 (11 экз.) — развитие простой округлой формы в сторону появления у сосуда шейки и перегиба корпуса. В этом отношении вид 2 может быть переходным к реберчатым сосудам. *Подвид а*: округлый венчик заметно отогнут наружу, под ним образуется перехват, плавным перегибом переходящий в корпус (рис. 2, 14, 16—18, 20, 22, 23; рис. 3, 2). Диаметр венчика от 16 до 22 см. *Подвид б*: венчик округло утолщенный, его диаметр равен максимальному диаметру корпуса. Шейка короткая, вертикальная. Варианты: округлое утолщение венчика выступает только наружу (рис. 2, 15) или наружу и внутрь одновременно (рис. 2, 29); венчик уплощен сверху (рис. 2, 19). Диаметр устья 18—24 см.

Род реберчатых мисок характеризуется наличием ярко выраженного перегиба корпуса, ниже которого корпус сужается без изменений формы.

Вид 1 (12 экз.) — шейка четко выделена и развита. *Подвид а*: венчик — край стенки, плавно отогнутый наружу. Профиль шейки округлый. Варианты: венчик слегка утолщен, шейка круто выгнута, ребро подчеркнуто (рис. 2, 21; рис. 3, 1, 23). Диаметр устья 20 и 24 см. Один фрагмент происходит из позднеантичного слоя, а целая миска — из послеготского дома. *Подвид б*: шейка вытянута и направлена почти вертикально, венчик слабо отогнут наружу; у одних вариантов он слабо утолщен (рис. 3, 3), у других — утолщения нет (рис. 3, 5, 8), но может быть слабая закраина изнутри (рис. 3, 9). Диаметр устья 12, 18 и 22 см. *Подвид в*: венчик утолщен и сливается с горловиной, ребро слабо выделено (рис. 3, 4). Диаметр устья 10 см. *Подвид г*: прямая вертикальная шейка почти без изгиба в профиле, венчик не выделен (рис. 3, 6, 7), снаружи под ним бывает ложбинка (рис. 3, 10). Диаметр устья 12, 24, 26, 28 и 30 см.

Вид 2. Шейка отсутствует, острое ребро перенесено на венчик (рис. 3, 11). Имеется несколько обломков, сходных по профилю, но слишком малых для того, чтобы сказать, принадлежали ли они мискам или другим сосудам. У миски диаметр 32 см, у мелких фрагментов — от 10 до 14 см.

Класс закрытых мисок. Диаметр устья меньше наибольшего диаметра корпуса.

Род округлых мисок. Сосуды по форме близки к сегменту шара.

Вид 1 (11 экз.). У этих мисок шейка отсутствует, самая широкая часть сосуда находится немного ниже венчика, на перегибе стен-

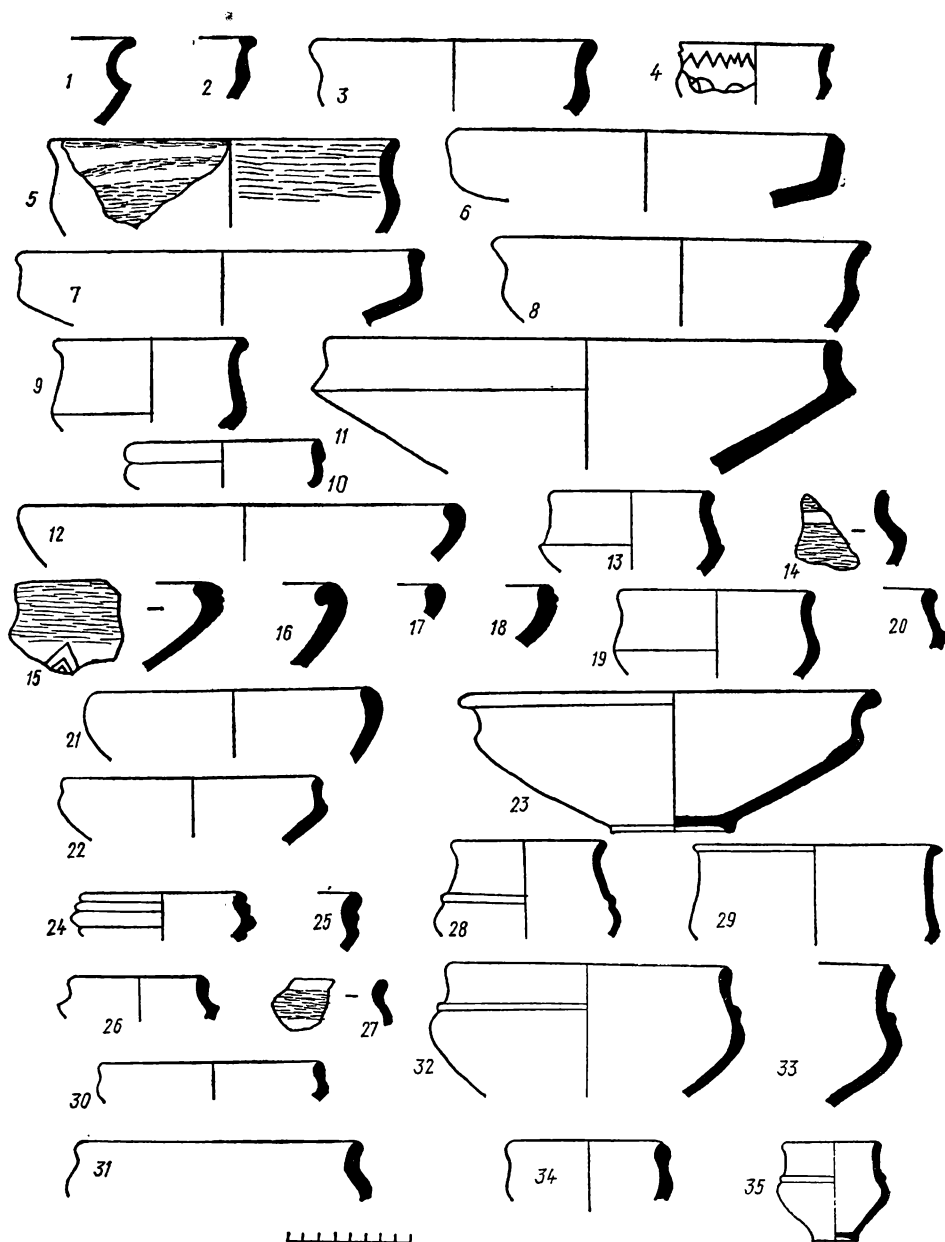

Рис. 3. Сероглиняная столовая керамика.

ки внутрь. *Подвид а:* венчик сильно утолщен и выдается внутрь (рис. 3, 12, 15—17). Диаметр устья от 26 до 30 см. *Подвид б:* венчик без утолщения, слабо загнут внутрь (рис. 3, 18, 21). Диаметр устья 18 см.

Вид 2 (4 экз.) Венчик слегка утолщен, шейка выражена слабо, плечи округло переходят в корпус (рис. 3, 27, 30, 34).

Род реберчатых мисок. В наиболее широкой части корпуса имеется реберчатый перегиб.

Вид 1 (5 экз.). Шейка слабо выражена в виде неглубокого перехвата под венчиком. *Подвид а:* венчик округлый слегка отогнут наружу (рис. 3, 26). Диаметр устья 8, 14, 16 см. *Подвид б:* дополнительная профилировка на шейке и под перегибом в виде рельефных ребер-валиков (рис. 3, 24, 25). Диаметр устья 10 см. *Подвид в:* венчик в виде простого края стенки, шейка вертикальная (рис. 3, 22).

Вид 2 (10 экз.). Четко выражена шейка, наклоненная внутрь. В результате сосуд приобретает биконическую форму. *Подвид а:* венчик — простой округленный край стенки, слабо отогнутый наружу (рис. 3, 14). *Подвид б:* округлый венчик слегка утолщен, ребро подчеркнуто дополнительным утолщением (рис. 3, 13, 19, 20). Диаметр устья 10—12 см. *Подвид в:* сравнительно высокая горловина, венчик утолщен и имеет разную в сечении форму (рис. 3, 28, 32, 33). Диаметр устья 10 и 18 см. *Подвид г:* горловина высокая, почти вертикальная, венчик оттянут наружу и уплощен сверху (рис. 3, 29). Диаметр устья 15 см.

Вид 3 (2 экз.) выделяется предположительно, так как имеется всего два обломка сосудов с ручками (рис. 2, 24, 25), которые по характеру профиля, наличию ручки и орнаментации могут быть сопоставлены с черняховскими трехручными вазами.

Категория кувшинов. Описываемая коллекция этих сосудов весьма ограничена. Всего в натуре и по документам около 40 фрагментов и 4 археологически целых сосуда. Большая часть обломков столь мелка, что не дает представления о полной форме. Поэтому предлагаемая классификация крайне условна и предварительна и не одинаково стройно выдержана на всех уровнях. Приходилось учитывать такие признаки сосудов, которые имеются на обломках, но являются второстепенными для характеристики целых форм. По количеству ручек кувшины разделены на три класса: одноручные, двуручные и без ручек (рис. 4).

Класс одноручных, род с прямым горлом. Горловина цилиндрическая, переходит в плечи четким перегибом. Устье может расширяться слегка, только за счет отгиба венчика.

Вид 1. Высоты горла и корпуса примерно одинаковы. Максимальный диаметр корпуса находится на середине его высоты. Единственный целый сосуд происходит из римского дома IV, помещение 34. Его размеры: высота 11, высота горла 4,2 см, диаметр устья 5 см. Дно на кольцевом поддоне (описывается по документам).

Вид 2 (5 экз.). Высота цилиндрического горла менее половины высоты корпуса. Наибольший диаметр корпуса находится выше или на уровне половины его высоты. *Подвид а*. Наибольшая ширина корпуса на уровне середины высоты корпуса, оно округлое, венчик с утолщением снаружи. Дно без поддона. Описание дано по целому экземпляру из позднеантичного комплекса (раскопки А. И. Фурманской, яма

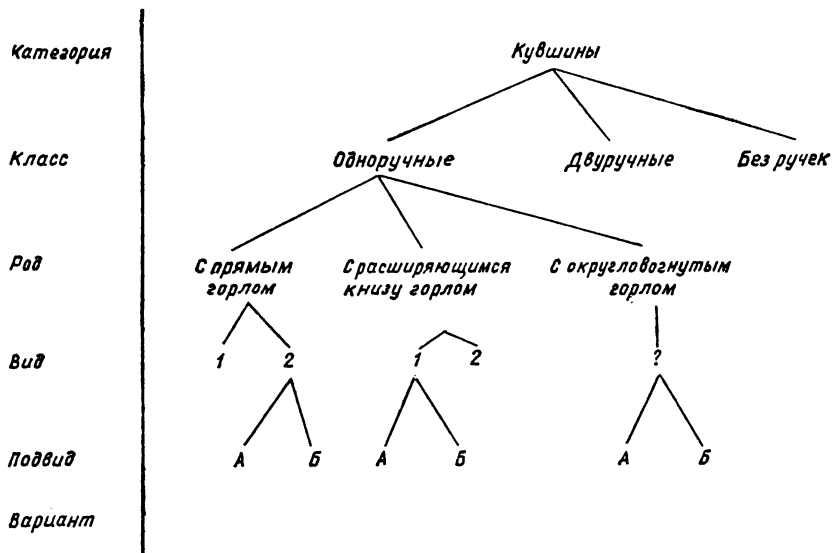

Рис. 4. Схема классификации кувшинов.

№ 6). Его размеры: высота 40 см, диаметр устья 12 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 1). Условно к этому подвиду отнесены обломки горловины с вариантами утолщения венчика (рис. 6, 1—3). Диаметр устья у всех сосудов 12 см. Подвид б выделен по массивному круглому в сечении венчику (рис. 6, 7). Диаметр устья 14 см.

Вид 3 выделен по одному экземпляру из позднеантичного слоя; описывается и воспроизводится по рисунку в публикации Е. В. Максимова (рис. 5, 2). Наибольший диаметр несколько ниже половины высоты сосуда (Максимов, 1955, с. 81—82, рис. 4, 3).

Род с горлом, расширяющимся книзу. Плечи у кувшина очень покатые, плавное сливаются с горловиной и корпусом. Корпус округлый. Форма представляется довольно распространенной. Высота горловины меньше высоты корпуса.

Вид 1 (7 экз.). Наибольшая ширина корпуса находится примерно на середине высоты сосуда. Имеется кольцевой поддон. *Подвид а* с кольцевым выступом на горле под венчиком. Ручка верхним концом прикрепляется на уровне этого выступа или под ним. Имеется один

целый сосуд из послеготского дома (рис. 5, 3). К этому подвиду условно отнесено несколько фрагментов горловины с венчиками (рис. 6, 4—6). Диаметр венчиков 8, 10 и 12 см. *Подвид б*: ручка прикреплена вверху под самым венчиком. Варианты: венчик слегка оттянут наружу

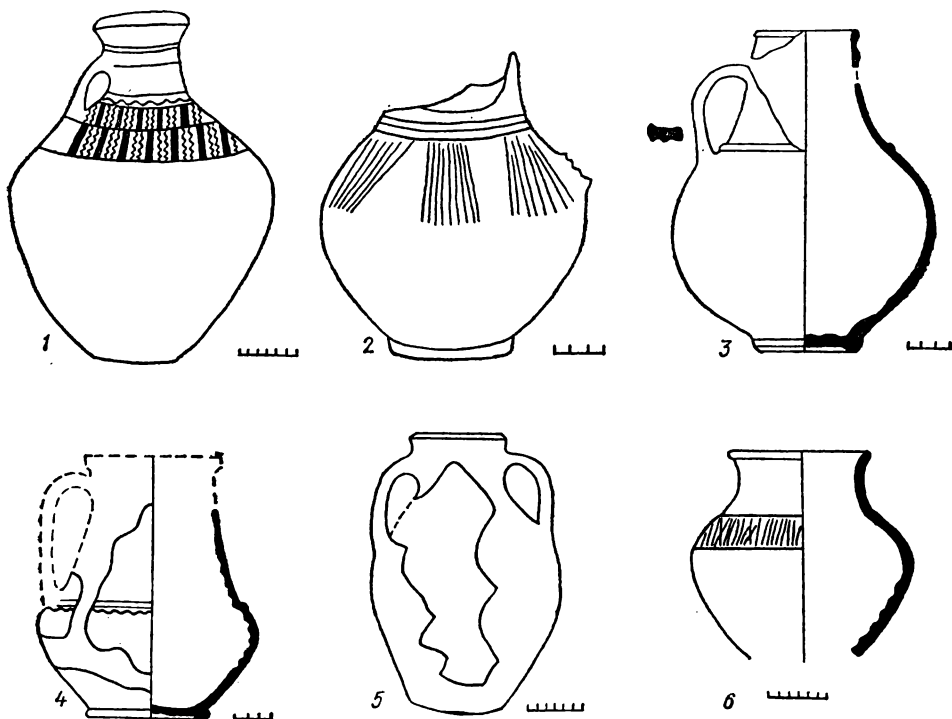

Рис. 5. Сероглиняные кувшины.

и изнутри косо срезан внутрь (рис. 6, 8); имеет вид округлого края (рис. 6, 9).

Вид 2 (1 экз.). Высота горловины больше высоты корпуса. Наибольший диаметр корпуса ниже середины высоты сосуда, перегиб корпуса резкий, близкий к реберчатому. Целый экземпляр найден в послеготском доме. У него венчик и верхний корень ручки не сохранились, дно на кольцевом поддоне (Кравченко Н., Корпусова, 1975, рис. 8). Размеры: высота 22 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 4).

Род с горловиной округло вогнутой в профиле (4 экз.). Форма корпуса неизвестна, поэтому охарактеризовать вид не удастся. Форма горловины определяет воронкообразный вид устья. *Подвид а*: венчик представляет собой округленный край стенки, верхний конец ручки прикреплен к венчику, горло горизонтально ребристое. *Подвид б*: горло

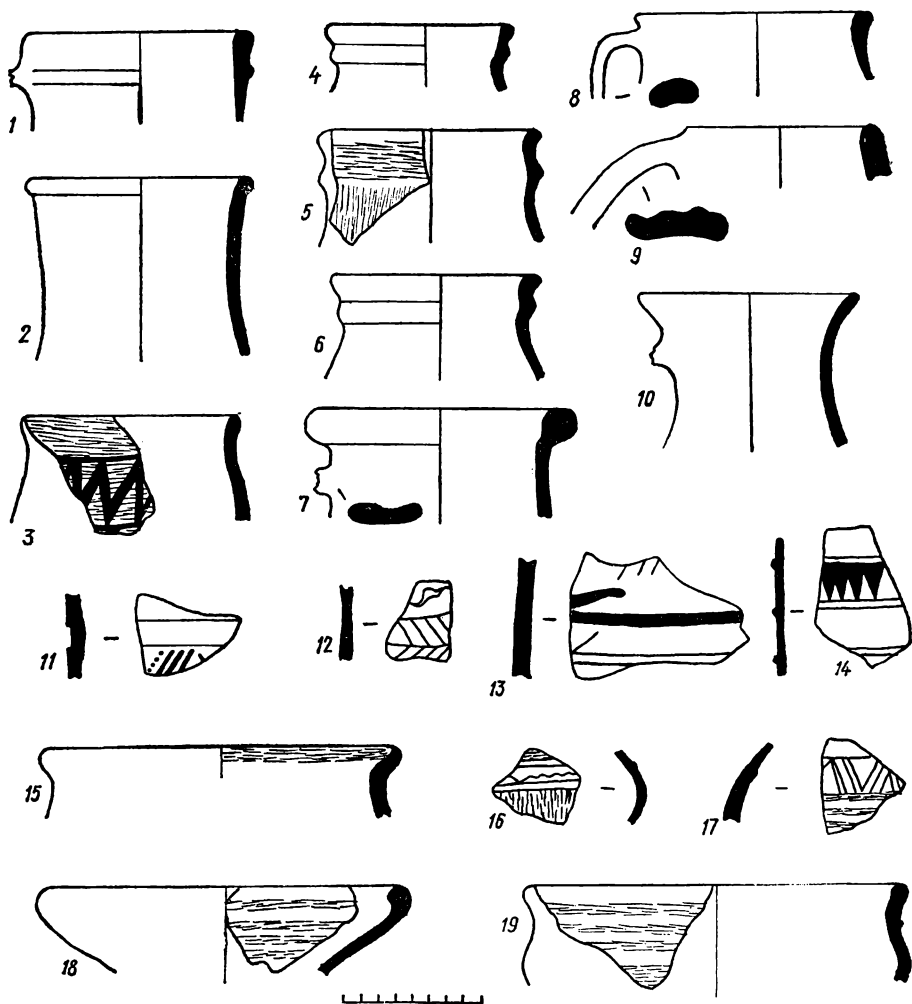

Рис. 6. Сероглиняная столовая керамика.

гладкое, ручка верхним концом прикреплена на горле (рис. 6, 10). Диаметр устья 12 см.

Ручки у всех описанных кувшинов ленточные с асимметрично расположенными продольными желобками или реже вытянуто-овальные в сечении.

Очевидно, к одноручным кувшинам относятся сосуды со сливами. Они известны только по мелким обломкам и поместить их в классифи-

кацию не удается. Один такой фрагмент найден в позднеантичном слое.

Класс двуручных кувшинов представлен одним экземпляром, найденным в римском доме IV. Сосуд имеет цилиндрическое горло и округлый корпус без поддона (рис. 5, 5). Венчик выступает наружу. Размеры: высота 30 см, диаметр устья 10 см, диаметр дна 8 см. Ручки с продольным желобком, под нижним корнем ручек круглая вмятина пальцем.

Класс кувшинов без ручек представлен одним сосудом, найденным в яме римского времени (рис. 5, 6). Высота 19 см, высота шейки 2,3 см, диаметр устья 13 см, максимальный диаметр корпуса 20 см. Дно не сохранилось. Шейка столь низка, что сосуд по форме оказывается между горшком и кувшином. Условно описывается как кувшин.

Кроме описанных, употреблялись кувшины и других форм, восстановить которые даже приблизительно не удается. Так неоднократно попадаются обломки крупных массивных кувшинов с очень раздутым округлым корпусом. Известен обломок сосуда с совсем узким горлом, диаметр которого не превышает 3,5 см.

Категория тарелок (7 экз.) представлена обломками венчиков, что затрудняет их полную классификацию. Она дается на уровне подвида по форме венчиков. *Подвид а:* с горизонтальным, плоским, сильно оттянутым наружу краем. Известны три фрагмента, слегка различающиеся по форме вертикального обреза края (рис. 7, 1—3). Диаметр у одной из этих тарелок 24 см. Заметно отличающийся вариант — тарелка с ложбинкой на горизонтальной части венчика (рис. 7, 6). *Подвид б:* венчик простой, округлый край стенки (рис. 7, 5), иногда слегка загнутый вверх (рис. 7, 4). Диаметр в одном случае 26 см. *Подвид в:* венчик в сечении подтреугольный, поставлен вертикального (рис. 7, 9). Диаметр 22 см.

Описанные формы, безусловно, не охватывают всего разнообразия сосудов, поэтому представляется целесообразной публикация вне классификации реконструкций частей сосудов, формы которых определить не удалось. Некоторые из них, судя в основном по венчикам, относительно распространены (рис. 7, 12, 15, 17, 20, 24, 31; рис. 8, 25), другие — единичны (рис. 7, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 21, 22, 23, 25, 26—30). К последним относятся кувшины со сливами.

В выполненном описании форм полностью отсутствуют горшки. Трудно сказать, входили ли они в состав столовой посуды; выделить их по имеющимся фрагментам невозможно. Верхние их части подобны глубоким мискам, и разграничить эти сосуды можно лишь зная полную высоту. Именно она по фрагментам и не определима.

Нижние части сосудов почти не сохранились и удается дать реконструкцию только нескольких (рис. 8, 2, 3). Днища сосудов характеризуются явным преобладанием кольцевого поддона. Его варианты различаются по форме кольца в сечении, иногда с дополнительной профилировкой снаружи (рис. 8, 1, 3, 6) и по форме днища внутри кольцевого

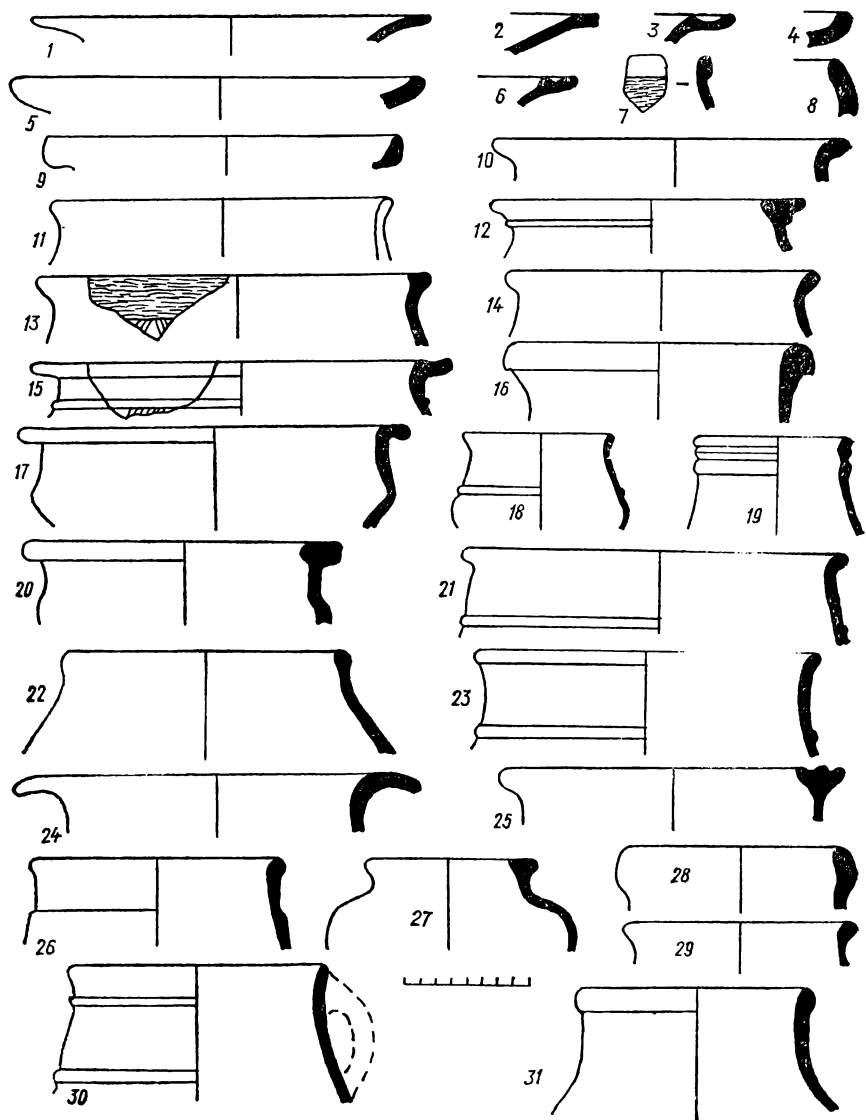

Рис. 7. Сероглиняная столовая керамика.

поддона. Оно варьирует от горизонтального до выпуклого в разной мере (рис. 8, 4, 5, 9). Довольно часто дно внутри кольца выпукло вровень с кольцом и лишь отделено от него кольцевой ложбинкой (рис. 8, 7). Плитчатые или дисковидные поддоны менее распространены. Они обычно отделены от корпуса снаружи отформованной ложбинкой (рис. 8, 11). Донья без поддонов еще более редки.

Наиболее широко распространенный прием отделки столовой посуды — лощение. Оно может покрывать весь сосуд, у мисок не только снаружи, но и внутри, его отдельную часть или части. Лощение на корпусе может доходить до самого дна или быть отделенным от него полосой в несколько сантиметров шириной. Дно никогда не ложили.

Лощение различается по интенсивности покрытия поверхности, блеску и направлению движения ложила. По интенсивности лощение делится на зеркальное, сплошное и полосчатое. Зеркальное — очень гладкое и имеет сильный блеск. Обычно оно бывает без видимых следов ложила. Если же они видны, то всегда горизонтальны. Сплошное лощение всегда имеет хорошо различимые следы инструмента, идущие вплотную друг к другу, находящиеся друг на друга. Полосчатое лощение характеризуется беспорядочным чередованием горизонтальных узких ложенных и неложенных полосок. Иногда этот прием становится преднамеренным. Ширина полос в этом случае от 3 до 7 мм, их контур четко не выдерживается. В вертикальном варианте такое лощение отмечено дважды.

Разные виды лощения могут сочетаться друг с другом и разными видами орнамента. Зеркальное лощение в таких сочетаниях встречается крайне редко (рис. 7, 13, 15).

По направлению движения инструмента лощение бывает горизонтальное и вертикальное. Первое преобладает абсолютно. Второе отмечено почти исключительно на горлах кувшинов, часто в сочетании с горизонтальным. При этом граница зон лощения может быть оформлена валиком или желобком. У кувшинов с вертикально лощеной горловиной венчик заложен по горизонтали. Отмечено пять случаев выполнения сплошного лощения сразу двумя приемами: сначала в одном направлении, затем поверх в другом (рис. 6, 1). В описываемой коллекции лощением в той или иной форме покрыто примерно 40% сосудов (включая фрагменты только с пролощенным орнаментом).

Лощение, когда оно нанесено отдельными зонами, может покрывать только венчик и верхнюю часть сосуда под ним. Но возможен и такой вариант, когда сразу под ложенным венчиком снаружи оставлена матовая полоса, а лощеная располагается ниже; на плечиках лощение может комбинироваться с поясами пролощенного орнамента. Лощение без орнамента наносилось несколькими поясами или сплошь. На внутренней поверхности сосуда обычно заложена узкая полоска по краю венчика (рис. 6, 15), но иногда ее ширина доходит до 3,7 см. У мисок лощение внутри может покрывать сосуд целиком или комби-

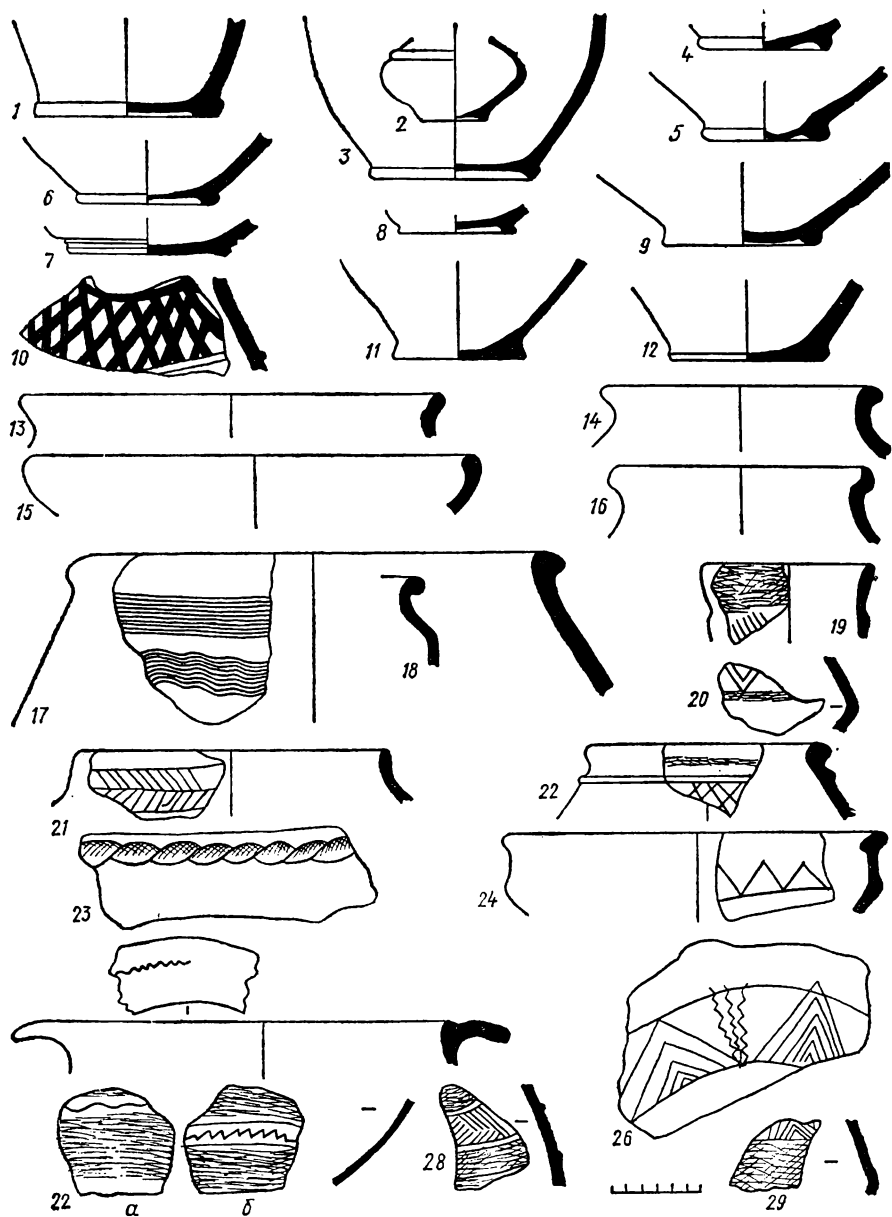

Рис. 8. Сероглиняная столовая и хозяйственная керамика.

нироваться с пролощенным орнаментом. Иногда лощением покрываются валики.

Для описания приемов орнаментальной отделки столовых сосудов мы пользуемся классификацией орнаментов, разработанной Э. А. Симоновичем для черняховской керамики, поскольку она вполне приемлема и удобна (Симонович, 1964, с. 270—361).

Пластичный орнамент или рельефные узоры «характеризуются вдавлениями или выпуклостями, расчленяющими поверхность сосуда» (Там же, с. 274). На описываемой керамике наиболее обычен орнамент — валики и бороздки, опоясывающие сосуд. Более трех бороздок рядом не отмечено. Бороздки иногда применялись как самостоятельный элемент орнамента, например, на кувшинах при переходе плеча в корпус. Такой декор характерен для открытых и закрытых мисок (рис. 2, 4, 5; рис. 3, 10, 15, 18) и на сосуде неизвестной формы (рис. 7, 7). Во всех этих случаях бороздки нанесены сразу под венчиком. Обычно же они являются составной частью более сложного орнамента: ограничивают орнаментальные пояса, зоны с разным характером лощения или лощеную часть сосуда от нелощеной. Как правило, бороздки находятся на верхней части сосуда, выше максимального диаметра, изредка они прочерчены у самого дна (рис. 8, 7). Валики, подобно бороздкам, применяются как самостоятельный декоративный прием (довольно редко), или же ограничивают пояса орнамента и лощения. Они размещаются в верхней части сосуда, выше его максимального диаметра. На одном сосуде может быть до трех валиков, но они редко располагаются рядом. Форма валика в сечении обычно округлая или округлотреугольная, высота до 2 мм, изредка 3—8 мм. Исключением являются прямоугольные в сечении валики, обычно парные и похожие на обручи, надетые на сосуд (рис. 2, 26, 27). Возможно, следует отнести к валикам довольно широкие выступы под венчиками одноручных кувшинов (рис. 5, 1, 3).

К редким формам пластического орнамента принадлежит углубленная горизонтальная полоса (до 2 см шириной), в которой может быть орнамент. Столь же редко встречаются разнообразные вдавленные (не штампом) узоры (рис. 6, 11). После их нанесения сосуд лощили, а орнамент оставался матовым. Такой прием отмечен на крупных кувшинах, не включенных в классификацию, и еще на некоторых сосудах.

Пролощенный орнамент применялся весьма широко на всех столовых сосудах снаружи, а на округлых мисках и внутри. Простейшие элементы орнамента:

1) линии, вертикальные (рис. 5, 6), горизонтальные (рис. 7, 13, 15), косые, косые под разным наклоном, округло-асимметрично изогнутые;

2) сетка из косых линий (рис. 8, 10, 22);

3) пучки линий, расходящиеся веером из одной точки вверх или вниз, а на мисках — радиально (рис. 7, 26).

4) линия, идущая зигзагом по горизонтали (рис. 2, 8, 24, 27; рис. 3, 4; рис. 6, 3; рис. 8, 24), вертикали, а внутри мисок радиально (рис. 2, 8) или по горизонтально уплощенному венчику (рис. 8, 24);

5) пучки зигзагов, расходящиеся веером из одной точки вверх или вниз (рис. 8, 26);

6) горизонтальная волна (рис. 2, 26; рис. 8, 27а);

7) ряды вписанных друг в друга углов, обращенные вершинами вниз или вверх (рис. 3, 15; рис. 8, 20, 26, 29);

8) ряды треугольников, залощенных внутри сплошь (рис. 6, 14) или заполненных лощеными линиями, идущими из одной вершины;

9) горизонтальная (рис. 8, 21; рис. 6, 12) и вертикальная елочка.

10) сплошь залощенные прямоугольники или трапеции, вытянутые по вертикали (рис. 5, 1). Они применяются всегда в сочетании с линейным орнаментом.

Все эти элементы обычно встречаются не отдельно, а во взаимных комбинациях. Общий композиционный прием: орнамент, собранный из простейших элементов, располагается одной, реже несколькими горизонтальными полосами, ограниченными или валиками, или желобками, или изредка горизонтальной пролощенной линией. Обычно, горизонтальная полоса орнамента дополняется и сверху, и снизу лощеными зонами (рис. 8, 19, 26, 27, 28 и др.). Пролощенный орнамент всегда располагается в верхней части сосуда, выше максимального диаметра корпуса.

Соотношение типов орнамента с определенными формами сосудов устанавливается с трудом из-за фрагментарности материала. Единственно в качестве устойчивого типа выделяются округлые миски (открытые и закрытые), в массе покрытые снаружи и изнутри лощением, сплошным или полосчатым (рис. 6, 18, 19), и имеющие орнамент обычно внутри (рис. 2, 8; рис. 8, 8, 24, 26), реже снаружи, иногда на обеих поверхностях (рис. 8, 27).

Особым приемом отделки поверхности является покрытие черным ангобом, матовым или блестящим. Зарегистрировано до десятка таких случаев. Вероятно, этот прием мало характерен для описываемого времени и связан с предшествующим периодом.

Анализ форм и отделки поверхности сероглиняной керамики Тиры II—IV вв. н. э. показывает, что по стилю она имеет много общего с керамикой черняховской культуры. Часть сосудов идентична черняховским (Кравченко Н., Корпусова, 1975, с. 20—42). Во фрагментах тирская керамика часто не отличима от черняховской. Однако, например, округлые миски, лощеные и орнаментированные снаружи и внутри, миски, повторяющие формы красноглиняной римской посуды, тарелки и другие формы для черняховской культуры не характерны. Невелико количество и набор биконических форм. Некоторые простейшие элементы орнамента, например, вертикальные или расходящиеся веером пучки различных линий мало характерны для черняховской орнаментации. Значительная часть приемов последней, в частности штампованный ор-

намент, вообще не встречены. Таким образом, в формально-типологическом отношении приравнивать описанную керамику к черняховской не следует.

А. А. КРАВЧЕНКО

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ БЕЛГОРОДА XIII—XIV ВВ.

Раскопки, производившиеся в г. Белгороде-Днестровском на протяжении последних 10 лет, дали разнообразные материалы, позволяющие характеризовать средневековый Белгород как крупный ремесленно-торговый центр в Нижнем Поднестровье, входивший в первой половине XIV в. в состав Золотой Орды.

Исследование средневекового Белгорода производится одновременно с изучением античной Тиры, непосредственно на развалинах которой в пределах раскопанной части городища лежит слой золотоордынского времени.

Возникновение золотоордынского слоя на рубеже XIII—XIV вв. и существование его до 60—70-х годов XIV в. подтверждается находками джучидских монет (Полевой, 1969, с. 3—14), восточной керамики (Кравченко А., 1972) и других материалов. Как показали исследования, этот слой насыщен многочисленными вещественными находками местного производства — посудой, изразцами, изделиями из металла, кости и строительными остатками (Кравченко А., 1975; Кравченко А., 1976).

В настоящее время имеются данные о наличии в Белгороде целого ряда ремесел, среди которых наиболее высоко развитым (как и во многих городах средневековья) было гончарство (Кравченко А., 1975). Об этом можно судить не только на основании многочисленных находок керамических изделий, в том числе полуфабрикатов и брака (этот вопрос заслуживает отдельного исследования), но главным образом на основании остатков гончарных печей.

В южной части Центрального раскопа (Клейман, 1976, с. 111, рис. 1) выявлено семь печей (24, 25, 123, 130, 63, 66, 146). Взаимное расположение четырех из них (24 и 25, 123 и 130) позволяет рассматривать их как два самостоятельных комплекса из двух печей каждый. Поскольку эти два комплекса (24, 25 и 123, 130) были перекрыты хорошо сохранившимися глинобитными полами жилых помещений, их можно отнести к числу самых ранних построек на раскопанной площади, то есть к рубежу XIII—XIV вв. (рис. 1). Стратиграфически они находились в одном горизонте и, следовательно, функционировали одновременно. Остальные три печи (63, 66, 146) по стратиграфическому положению относятся к более позднему периоду, соответствующему последнему этапу застройки данного участка города (первая половина XIV в.).

Напомним, что в слое золотоордынского времени, несмотря на то, что он подвергался сильным разрушениям не только в процессе перепланировок того же времени, но и новейшего, удалось проследить на отдельных участках три периода застройки, последовательно сменявших друг друга (Крыжицкий, 1972, с. 49).

Для устройства печей-горнов, относящихся к самым ранним комплексам, использованы античные монументальные сооружения. Так, в античные здания вексилляции и круглую башню были впушены по две печи (24, 25, 123, 130). (Клейман, 1976, с. 114, рис. 3). Такое размещение горнов не случайно, оно имело практический смысл: пространство между стенами зданий и корпусом горнов плотно утрамбовано, причем в трамбовке наблюдалось чередование желто- и зеленоглинистых, золистых и земляных прослоек. Все это вместе создавало мощный теплоизоляционный слой шириной 1,8—2,5 м, одновременно служивший вымошенной камнями площадкой, по которой ходили (рис. 2; 4).

К раннему горизонту относятся также печь 269 и яма 252, служившие, как можно предполагать, для выжигания извести (рис. 1).

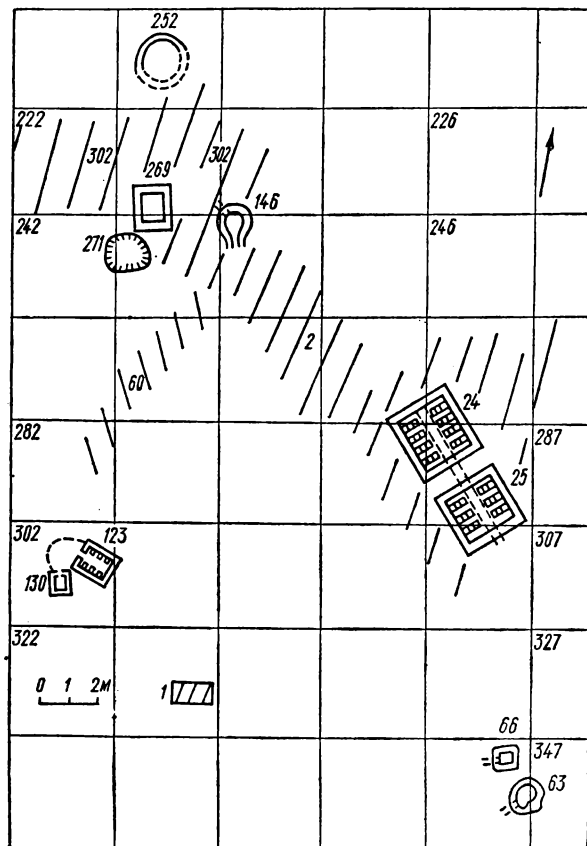

Рис. 1. План расположения производственных комплексов и каменных вымошек в южной части Центрального раскопа:

1 — каменные вымошки (2, 60, 302).

По конструктивным особенностям и назначению все названные печи можно разделить на два основных типа. К первому отнесены двухъярусные печи-горны (24, 25, 123 и 130). Ко второму — подковообразные, овальные, или прямоугольные в плане печи малых размеров (63, 66, 146). Последние не дали конкретных материалов, которые

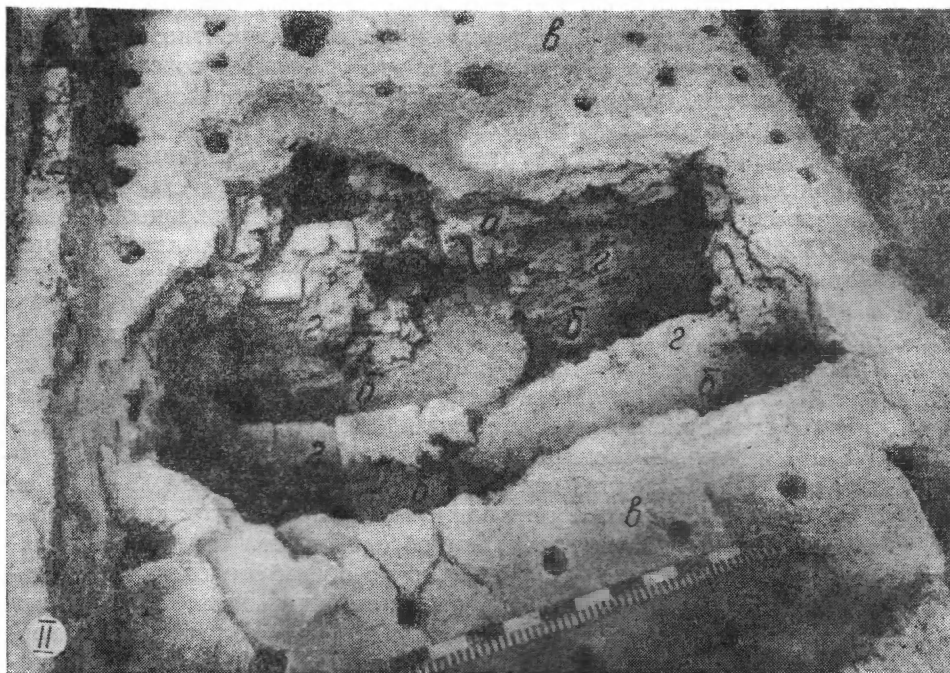

Рис. 2. Печи-горны 24 и 25 в здании вексиляции (I):
а — загрузочный ход; *б* — стены здания; *в* — забутовка между стенами здания и корпусом горнов.
 Обжигательная камера горна 24 (II): *а* — арочное перекрытие центрального канала; *б* — поперечные каналы в топочной камере; *в* — под с продухами; *г* — кирпичные стены между каналами.

могли бы указывать на их назначение, и причислены к производственным по следующим соображениям. Во-первых, они расположены вне жилищ, во-вторых, аналогичные по конструкции печи встречены и в жилищах, однако в них имеются отличающие их детали (Кравченко А., 1976, с. 135—136). Кроме того, печи 63, 66, 146 в отличие от печей, находящихся в жилищах, частично углублены в землю.

Остатков жилых или других сооружений, связанных с названными печами и горнами, на окружающей их площади не обнаружено.

Печи-горны 24 и 25 представляют собой большие сложные производственные сооружения, впервые обнаруженные в Белгороде (Кравченко А., 1969, с. 322). Оба горна составляют единый комплекс, так как соединены общим центральным топочным каналом, но каждый из них построен самостоятельно (рис. 3). Расстояние между южной стеной печи 24 и северной стеной печи 25 составляет 0,30 м. Это пространство заполнено, исключая отверстие центрального топочного канала, плотной трамбовкой из зеленой и желтой глины.

Горн 24 — двухъярусный, прямоугольный в плане. Ориентирован с северо-запада на юго-восток с сохранением ориентации здания вехсилляции, в заполнение которого он впушен. Состоит из двух камер — нижней (топочной или огневой) и верхней (обжигательной). Нижняя камера заглублена полностью, а верхняя частично, вероятно, до уровня, с которого начиналось ее перекрытие. На это указывают сохранившиеся каменные вымостки, подходившие к горну немного выше сохранившихся стен обжигательной камеры (рис. 3).

Корпус горна состоит из вертикальных стен, сложенных из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Размер горна с севера на юг 3,10 м, с запада на восток 2,70 м. Наиболее распространенный размер кирпича $0,3 \times 0,2 \times 0,08$ м, реже — $0,3 \times 0,28 \times 0,08$ м. Ширина стен соответствует ширине одного кирпича и вместе с внутренней обмазкой равна 0,25—0,30 м. Швы между кирпичами 0,03—0,05 м.

Опорой для таких тонких стен с наружной стороны служила грунтовая плотная трамбовка, в которую был заключен весь корпус горна. Стены его обожжены в процессе эксплуатации и приобрели с внутренней стороны ярко-красный цвет, переходящий в темно-коричневый снаружи, включая и примыкающую к стене трамбовку.

Топочная камера сохранилась полностью. Ее высота 1,15—1,20 м. Она состоит из системы жаропроводных каналов: центрального (шириной 0,5 м), идущего по центру длинной оси, и пяти поперечных (шириной 0,4 м), расходящихся симметрично по обеим сторонам центрального канала. Поперечные каналы разделены четырьмя кирпичными стенами, упирающимися торцами в восточную и западную стены корпуса. Их кладки не одинаковые. Две крайние сложены из кирпича-сырца размером $0,3 \times 0,2 \times 0,08$ м, а две средние из чередующихся рядов такого же кирпича и хорошо обожженного (вероятно, античного) размером $0,22 \times 0,13 \times 0,04$ м и $0,24 \times 0,12 \times 0,04$ м. Ширина этих стен

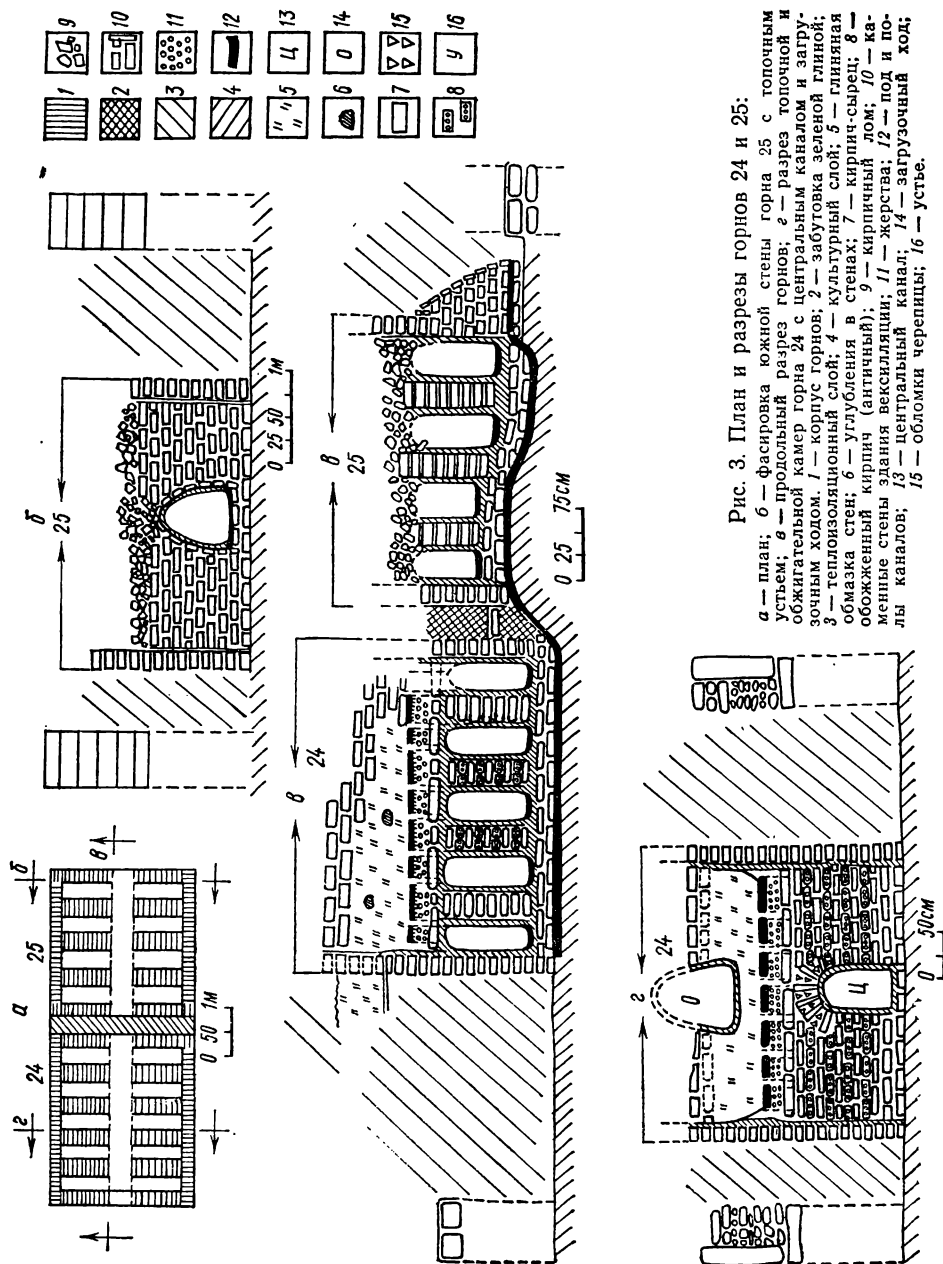

Рис. 3. План и разрезы горнов 24 и 25.

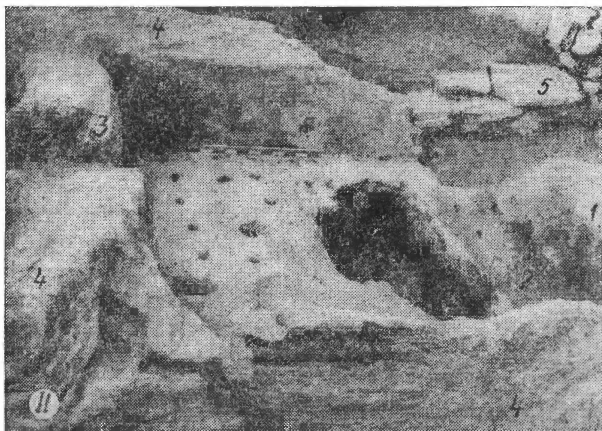
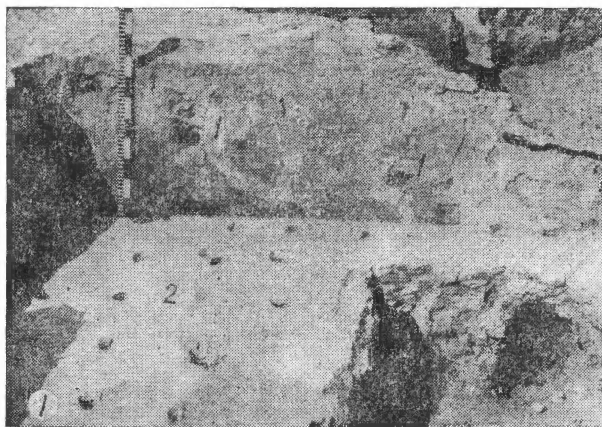

Рис. 4. Обжигательная камера горна 24 (1—II):

1 — углубления в стенах; 2 — под с продухами и поперечные каналы топочной камеры; 3 — загрузочный ход; 4 — теплоизоляционный слой между корпусом горнов и стенами античного здания (5).

вместе с двусторонней обмазкой 0,35—0,40 м, высота 0,95 м (рис. 3). Центральный канал завершался арочным перекрытием из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Щели между ними заложены обломками античной черепицы. Перекрытие немного просело и высота отверстия достигала 0,65 м. Центральный канал по сравнению с боковыми был углублен на 0,25 м. В боковых каналах сводчатый потолок создавался путем наложения толстого слоя глиняной обмазки, особенно в углах. Пол нижней камеры выстелен кирпичами и обмазан глиной.

Все конструкции топочной камеры служили опорой для ее перекрытия, являющегося подом обжигательной камеры. Под горизонтальный, выложен специально изготовленными глиняными прямоугольными плитами ($0,5 \times 0,28 \times 0,8$ м; $0,49 \times 0,3 \times 0,08$ м), об этом свидетельствует

их форма. Большинство из них на одном или двух углах имели полукруглые выемки, которые, соединяясь в выкладке пода, образовывали цилиндрические отверстия-продухи диаметром 8—10 см, расположенные правильными рядами (по два ряда в каждом поперечном канале). Всего их было 80 (рис. 2, 2).

Плиточный настил пода плотно и обильно скреплен глиняным раствором. Поверх его шел жесткий слой толщиной 0,1 м из мелкой жерствы, пережатой глины, извести, камней, обломков черепицы, который

сверху был перекрыт толстым слоем глиняной обмазки. Общая толщина пода 0,25—0,30 м.

Стены обжигательной камеры сохранились на высоту от 0,40 м до 1,00 м. Углы, как и в топочной камере, закруглены. В трех стенах на разных уровнях было пять углублений размером $0,12 \times 0,15$ м, глубиной 0,15 м. Они служили, вероятно, для укрепления каких-то упоров при загрузке камеры (рис. 3; 4).

В северной стене, в средней ее части, на высоте 0,25 м от пода сохранилось отверстие со слегка наклонными боковыми стенами, шириной у основания 0,65 м. Вверху оно сужалось и по-видимому заканчивалось сводчатым потолком. Основание этого отверстия представляло собой ровную горизонтальную площадку, которая выходила наружу, за пределы толщины стены печи. Она сохранилась в длину на 0,40—0,45 м. Следов обжига и копоти на обмазанных глиной стенах отверстия и площадке не было. Это отверстие служило лазом или загрузочным ходом, врезанным в земляную трамбовку, окружавшую горн. Отсутствие обожженности на его стенах свидетельствует о том, что после каждой загрузки камеры ход замазывался. Этим объясняется то, что часть кладки северной стены здания вексилляции, которая мешала свободному подходу к этому лазу, была снята до необходимого уровня, тогда как западная и восточная стены сохранены значительно выше (рис. 2; 3; 4).

Здесь уместно вспомнить высказанное ранее А. Л. Якобсоном предположение об устройстве в подобных печах загрузочного хода где-то сбоку, а не сверху (Якобсон, 1950, с. 161). В данном случае оно находит свое подтверждение.

Следов перекрытия не выявлено. Вероятно оно было сводчатым и возвышалось над дневной поверхностью. Об этом свидетельствуют подходившие к печам каменные вымостки.

Обжигательная камера заполнена прокаленными до ярко-красного цвета сырцовыми кирпичами ($0,28 \times 0,28 \times 0,085$ м), большинство которых полностью или частично деформированы и обломаны. Между кирпичами большое количество превратившейся в порошок обожженной глины. Кирпичи стояли в некоторых местах на ребро в два-три яруса. Следов обмазки на них не прослежено. Это заставляет предполагать, что в камере осталась обжигаемая продукция, которая лежала на выстланном обкатанными стенками античных амфор и обломками черепицы поде.

Горн 25 расположен к югу от горна 24 на расстоянии 0,3 м. Он имел ту же ориентацию, но меньшие размеры: с запада на восток 2,70 м, с севера на юг — 2,60 м (рис. 1; 3). По уцелевшей топочной камере можно утверждать, что конструкция его не отличалась от горна 24. Он двухъярусный, двухкамерный, многоканальный (рис. 5). Высота стен топочной камеры от 0,8 м до 1,10 м. Топочная камера имела по четыре поперечных канала с каждой стороны центрального канала. Уровень пола и соответственно уровень пода обжигательной камеры

был немного выше по сравнению с горном 24. Дно центрального канала возвышалось дугообразно примерно под углом 45° . Эта конструктивная деталь, видимо, связана с необходимостью создания тяги внутри топки.

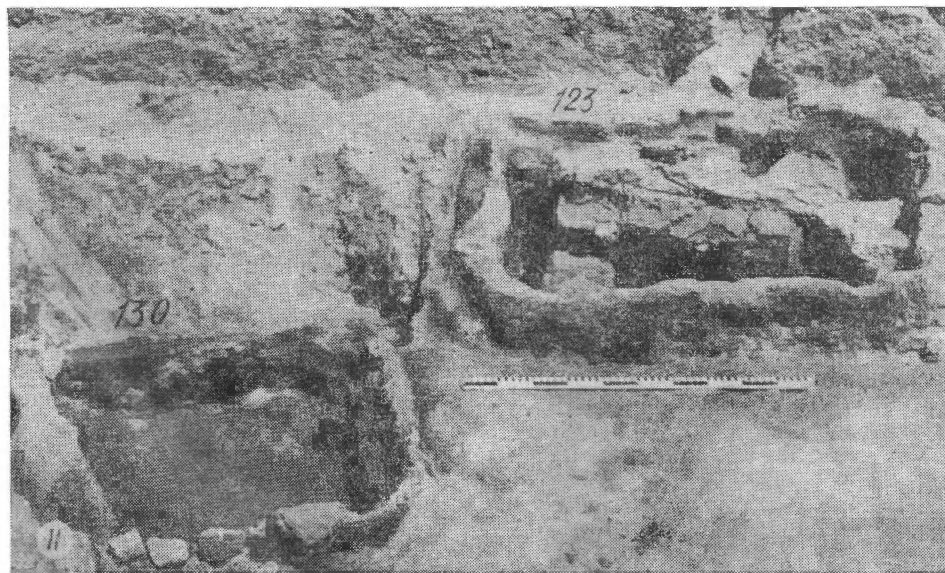
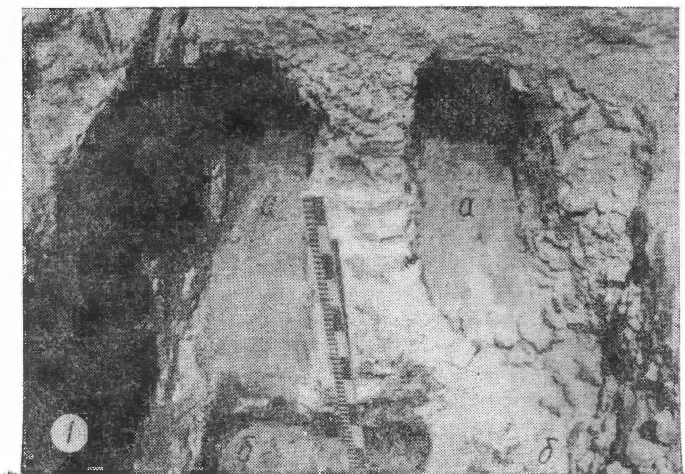

Рис. 5. Горн 25 (I):
 а — поперечные каналы и кирпичные стены между ними; б — центральный канал. Печи-горны 123 и 130 (II).

Центральный топочный канал, соединяющий оба горна, завершался в южной стене горна 25 устьем грушевидной формы, высотой 0,9 м, шириной основания 0,7—0,75 м. Кирпичные боковые устья выступали наружу на 0,25—0,3 м в виде контрфорса. Снаружи контур устья обрамлен сырцовыми кирпичами, положенными на ребро. Боковые стенки устья, как и все внутренние поверхности, обмазаны глиной, углы закруглены.

В результате сильного обжига все конструкции горна превратились в спекшуюся беловато-зеленую ошлакованную пористую массу. Это

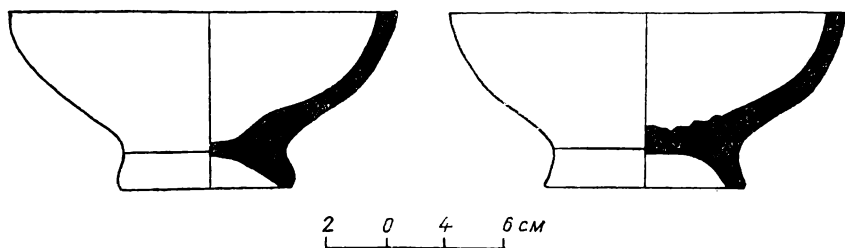

Рис. 6. Бракованные сосуды XIII—XIV вв., найденные в устье горна 25.

объясняется, видимо, тем, что в этом горне происходило сгорание топлива. Такой ошлакованности конструкций в горне 24 не наблюдалось. Основным топливом были дрова, о чем свидетельствуют древесные угли в оставшейся на дне устья золе. Подход к устью был обеспечен выборкой до необходимого уровня южной стены здания вексилляции, как и стороны загрузочного хода.

В завале, состоящем из ошлакованных кусков конструкций, ничего не обнаружено. Лишь на дне устья, под слоем золы толщиной 0,10—0,12 м найдены обломки трех мисочек на кольцевых поддонах — характерной для Белгорода рассматриваемого времени посуды (рис. 6). Сосуды сильно пережжены, деформированы и представляют явный брак.

Аналогичная ситуация встречалась и на других памятниках, например, в Старом Орхее (МССР), где в горне для обжига кирпича в огневой камере находился бракованный сосуд (Полевой, 1969, с. 90). Следовательно, находка сосудов в топке нашего горна вряд ли может свидетельствовать об основной обжигаемой продукции.

На прилегающей к печам территории не удалось выявить мастерскую или рабочую площадку, где продукция готовилась для обжига. Как составная часть одного комплекса, горн 25 использовался, очевидно, для тех же целей и может быть не только для обжига кирпича, но и других строительных керамических изделий, например, труб, встречаемых при раскопках в слое золотоордынского времени.

Известно, что горны больших размеров служили для обжига кирпича. Среди ближайших памятников золотоордынского времени мы

находим аналогичные печи-горны на территории МССР. У с. Бравичены (Чеботаренко, Бырня, 1960, с. 49—50), в Старом Орхее и Костештах раскрыты печи различных типов и назначения, в том числе и большие двухъярусные для обжига кирпича (Полевой, 1969, с. 31, 88—90).

Приведенные аналогии близки по конструкции, форме и размерам, но в то же время существенно отличаются от них техникой строительства. На указанных памятниках корпусом печи служил врезанный в материк котлован, стены которого обмазывались глиной и лишь внутренние конструкции топочной камеры сделаны из сырцового кирпича ($0,23 \times 0,23 \times 0,05—0,045$ м).

Среди крымских средневековых памятников встречаем идентичные строительные приемы. Херсонесские печи XI—XII вв., например, как и белгородские, имели кирпичный корпус, заключенный в каменный кожух. Форма у них грушевидная, овальная и прямоугольная. Кстати заметим, что кирпич применялся тоже удлиненной формы ($0,23 \times 0,12—0,13 \times 0,06—0,07$ м). Отметим, что аналогичных по устройству спаренных горнов пока не встречено, однако в Крыму исследованы «двойные» печи, имевшие общую топку, но отличающиеся от белгородских устройством нижних камер. Стратиграфия здесь также четко прослеживается (Якобсон, 1954, с. 164—166; Якобсон, 1955, с. 102—105).

Прямоугольные печи аналогичной конструкции находим в золотоордынском Болгаре, где корпус также сложен из кирпичей, но только квадратной формы, как и в прудо-днестровских печах (Хованская, 1954, с. 366).

Таким образом, белгородские горны описанного типа, хотя и имеют много общего с горнами XIV в. из Пруто-Днестровского междуречья, все же тяготеют к строительным традициям Северного Причерноморья.

К тому же типу производственных сооружений, описанных выше, относятся горны 123 и 130, расположенные к западу от горнов 24 и 25 на расстоянии 15 м. Они находятся в перекрытии античного слоя, в котором отсутствовали какие-либо средневековые материалы.

Горны были перекрыты глинобитными полами жилых помещений с тандырами, относящимися ко второму периоду застройки золотоордынского города. По этой причине при нивелировке площадки под застройку верхние конструкции горнов были уничтожены.

Оба горна ориентированы по разным строительным осям, на близком расстоянии (0,4 м) друг от друга и, судя по их расположению, функционировали самостоятельно, хотя и имели общий топливник. По конструкции эти горны не отличались от описанных выше и уступали им только размерами. Они прямоугольные, двухъярусные, многоканальные с вертикальными стенами (рис. 5).

В горне 123 сохранилась топочная камера и часть обжигательной. Размеры ее по внутреннему контуру $1,05 \times 1,35$ м. Стены сложены из сырцового кирпича ($0,27—0,28 \times 0,15—0,17 \times 0,08$ м), большие щели заложены обломками черепицы. Толщина стен $0,28—0,3$ м. Высота топочной камеры $1,08—1,10$ м. Внутренние конструкции сохранились плохо.

Центральный канал заканчивается устьем в западной стене, которое по форме приближается к прямоугольнику. Высота его около 0,45 м, ширина 0,35—0,45 м. Конструкция перекрытия топочной камеры состоит из трех поперечных распорных кирпичных арок шириной 0,14—0,25 м, облицованных, по-видимому, специально изготовленными сложнопрофилированными керамическими накладками (рис. 7; 8).

Стены обжигательной камеры сохранились на высоту 0,15—0,20 м. Жаропроводные отверстия — продухи шли по четыре вдоль продольных стенок соответственно количеству поперечных каналов. Диаметр продухов 0,10—0,15 м. Были ли продухи ориентированы по центральной оси, установить не удалось. Сохранившийся по периметру под обжигательной камерой обмазан глиной, которая в результате обжига приобрела зеленоватый цвет. Кирпичные стены обожжены до оранжево-красного цвета, а лицевые их поверхности зеленоватые.

Горн внутри зава-лен битыми кирпичами,

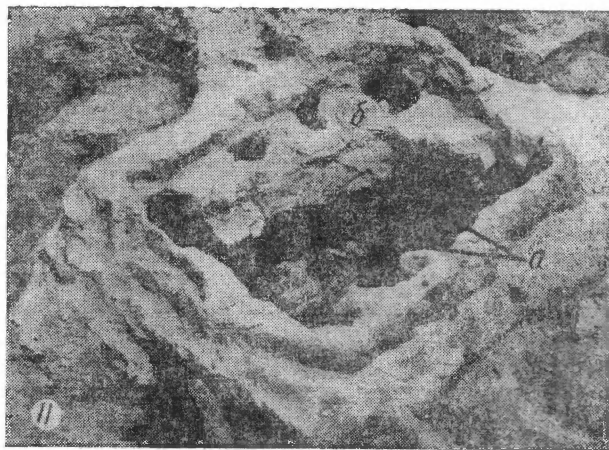
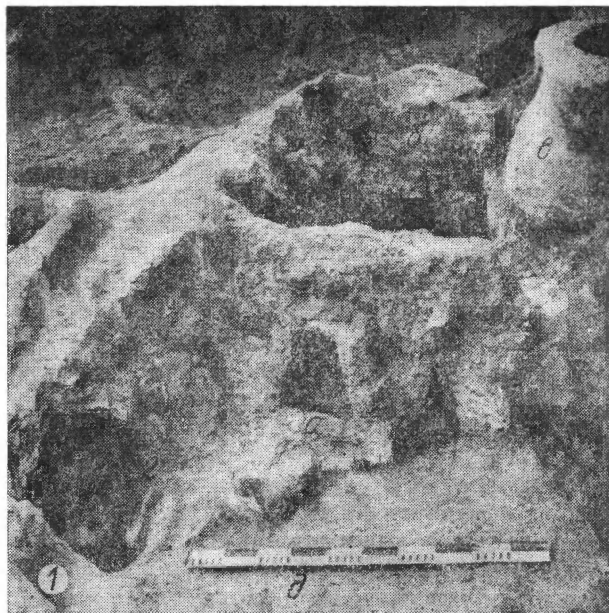

Рис. 7. Горн 130 (I):

а — трапециевидное устье; *б* — сырцовые кирпичи в кладке стены; *в* — тандыр, вставленный в горн, относится к жилищу, перекрывавшему горн; *г* — устье горна 123; *д* — топливник. Горн 123 (II): *а* — поперечные каналы; *б* — под с продухами.

кусками обмазки, кирпичной крошкой и землей. На глиняном дне лежал слой золы от мягкого топлива. В этой засыпи найдено большое количество фрагментов глиняных неполивных изразцов, в том числе лицевая плитка с изображением всадника с птицей, обломки бытовой посуды, черепицы и треножная керамическая подставка, используемая для перекладывания посуды при обжиге (рис. 9).

Горн 130 по размерам еще меньше, по внутреннему контуру — $0,75 \times 1,00$ м. От него осталась только топочная камера высотой $0,8—0,85$ м. Стены сложены из сырцового кирпича размером $0,24 \times 0,15 \times 0,10—0,15$ м. В восточной стене сохранилось шесть рядов кирпичей, обожженных до оранжево-красного цвета, внутренние поверхности их от обжига приобрели светлозеленый оттенок. Следов обмазки стен не обнаружено. В заполнении найдены клинчатые кирпичи ($0,21 \times 0,15 \times 0,06—0,07$ м), свидетельствующие о том, что перекрытие было уложено по двум распорным аркам (рис. 7; 8).

Устье трапецевидной формы обращено на северо-восток и расположено относительно топки выше на $0,2—0,3$ м. Высота его $0,28$ м, ширина основания $0,21$ м, по верху — $0,13$ м. По контуру устье обложено сырцовыми кирпичами, которые выступают наружу на $0,10$ м. В заполнении, состоявшем в основном из целых и фрагментированных сырцовых кирпичей, земли и кирпичной крошки, обнаружены обломки неполивных изразцов, прямоугольных и треугольных, среди которых один с изображением ног человека.

На примере горна 130 хорошо прослеживается стратиграфия слоя золотоордынского времени. Тандыр жилого помещения, относящегося ко второму периоду застройки и перекрывавшего оба горна, был установлен прямо в горне (рис. 7).

Обе печи устьями обращены в общий топливник, представляющий собой углубление неправильных очертаний, длиной $1,5$ м, шириной $1,10$ м. Земляной покатый пол камеры расположен выше дна топочной камеры горна 123 на $0,20$ м, для горна 130 на $0,30$ м. Заполнение камеры землисто-золистое с мелкими камнями. В ней найдены обломки средневековых амфор, поливной и неполивной посуды, среди которой несколько обломков полуфабрикатов поливной керамики, покрытой ангобом с врезным орнаментом, треугольная керамическая подставка с остатками поливы и другие находки. В обоих горнах, как свидетельствует вещественный материал, обжигались изразцы, поливная и неполивная посуда (рис. 9).

Парное расположение горнов не случайно. Процесс обжига поливной посуды сложный и требовал неоднократного обжига одних и тех же изделий до покрытия поливой и после. Расположенные рядом горны облегчали работу мастера. В Костештах, например, такие изделия обжигали в специальных тандырах, расположенных попарно (Полевой, 1969, с. 95—101). Спаренные двухъярусные горны XIV в. овальной формы найдены также и в Болгаре (Хованская, 1954, с. 358).

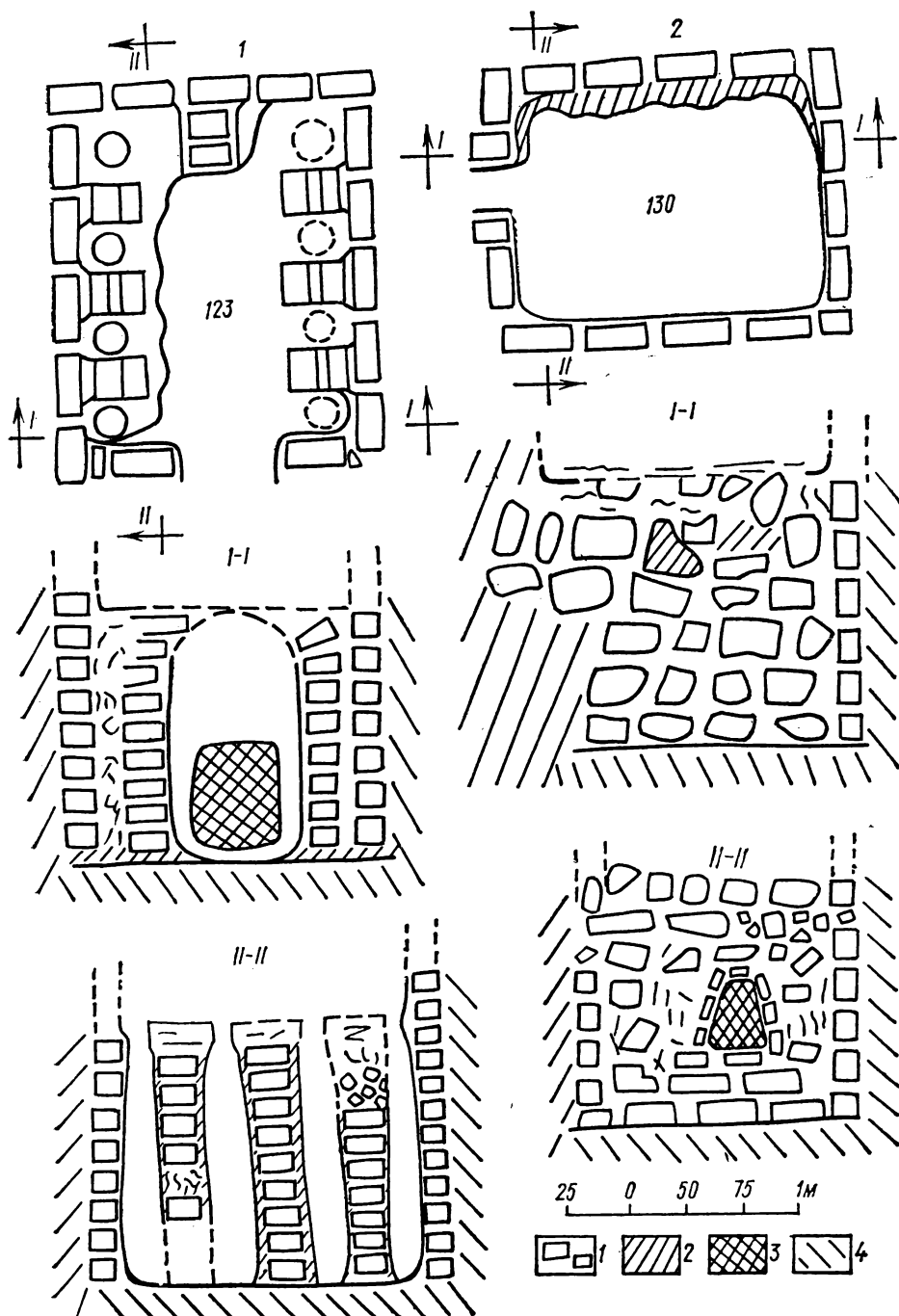

Рис. 8. План и разрезы горна 123 (1). План и фасировка стен горна 130 (2):
1 — кирпич-сырец; 2 — глиняный раствор и обмазка; 3 — устье; 4 — культурный слой.

Других каких-либо сооружений, синхронных горнам 123 и 130, в районе их расположения не обнаружено.

Еще раскопками 1950 г. в северной части Центрального раскопа выявлена наземная двухъярусная овальной формы печь (182) (1,25 × 1,16 м), стены которой сложены из камня, но в отличие от описан-

Рис. 9. Керамические изделия белгородского производства:

1 — обломок лицевой плитки прямоугольного изразца с изображением всадника с птицей, найден в горне № 123; 2—3 — полуфабрикаты поливной посуды: кувшин и обломок стенки сосуда с врезным орнаментом по ангобу, обожжены до покрытия поливой, найдены у горнов; 4 — треножные подставки для перекладывания сосудов при обжиге.

ных печей извне обмазаны глиной (Дмитров, 1955, с. 112—113). Судя по описанию, она принадлежит к первому типу печей и, видимо, использовалась также для обжига бытовых керамических изделий. Стратиграфическое ее положение из описания не ясно. Поэтому сомнение Л. Л. Полевого относительно датировки ее молдавским временем (XV в.) вполне справедливо (Полевой, 1969, с. 86—87, 94). В Белгороде часто встречаются молдавские монеты XV в. в засыпи жилищ XIV в.

однако они указывают не на время функционирования последних, а на время засыпи.

Печь 269 открыта в 1975 г. По стратиграфическому положению она синхронна печам первого периода застройки. Находится она к северу и северо-западу от всех описанных печей.

Печь 269 также расположена непосредственно на остатках античных оборонительных сооружений и перекрыта глинобитными полами жилища XIV в. В связи с этим сохранилась она плохо, лишь в основании. Печь прямоугольная. Размеры по внутреннему контуру 1,75—1,30 м. Высота сохранившихся стен от 0,18 до 0,5 м, ширина от 0,16 до 0,3 м. Под каменный, но неровный. Вдоль восточной стены лежал каменный блок восточного фасада пилон римской цитадели, ширина которого 0,72 м, остальная часть пода выстелена каменными необработанными плитами (рис. 10; 11).

В конструкции стен применены известняк и сырцовый кирпич. В основании стен уложены в два ряда бутовые камни ($0,25 \times 0,20$ м), поверх их шла кирпичная кладка. Размеры кирпичей $0,28 \times 0,24 \times 0,08$ м. В некоторых местах сохранилось два ряда кирпичей. Никакой системы в кладке стен не соблюдалось. В южной стене, например, длинная сторона кирпичей составляла ширину стены, в другой — наоборот, ширина стены определяется шириной кирпичей. Кирпичи выложены на глиняном растворе не в переплет, а столбиками один возле другого. На всех четырех углах в кирпичных рядах положены бутовые камни. Следов внутренней обмаз-

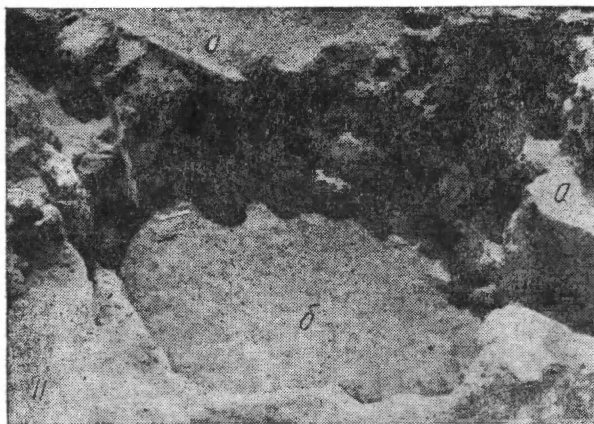

Рис. 10. Печь 269 (1):

а — кирпичные стены; б — античные строительные остатки (пилон) в основании печи; в — подпятник, дно тандыра, относящиеся к жилищу, перекрывавшему печь; г — вымостка 302; д — яма 271. Яма 252 (11); а — стены античной цитадели; б — известь на дне ямы.

ки стен не обнаружено. На уровне каменной кладки и на поде лежала известково-глиняная спекшаяся белая масса, что придавало закругленность стенам и углам в ее основании. Никаких следов внутренних конструкций или устья нет.

С наружной стороны стены печи опирались на окружающие ее античные строительные остатки. Сильная прокаленность кирпичной кладки стен до оранжево-красного цвета говорит о каком-то производственном назначении. В то же время отсутствует такая прокаленность на камнях пода.

Материал из заполнения печи ничего не добавляет к определению ее назначения. В верхней части шел сероглинистый плотный зернистой структуры грунт с включениями большого количества обожженной глиняной крошки, кусочков извести, древесных углей, свидетельствующих о том, что печь топили дровами, а в нижней части примесь обожженной глины увеличивалась. Все это напоминает аналогичное заполнение ямы 252, предназначавшейся для выжигания извести. Вероятно и эта печь служила для той же цели. Стратиграфия здесь также четко прослеживается (рис. 10).

Находки из заполнения печи малочисленны, но являются датирующими и состоят из обломков средневековой посуды, в том числе дно поливной миски с монограммой, аналогичное находкам XIV в. из Феодосии (Штерн, 1906, с. 64—68) и две золотоордынские монеты первой половины XIV в.

Буквально рядом с печью, на юго-запад от нее находилась яма (271), которая выкопана между античными кладками. Она имела форму неправильного круга (1,90×2,35 м, глубиной 1 м). Яма сбросовая, но по заполнению бутовыми камнями и землистозолистым грунтом была, несомненно, связана с печью 269 (рис. 10).

Яма 252 расположена севернее печи 269 на расстоянии 7 м. В плане имела очертания неправильного овала, выкопана в углу, образованном двумя мощными каменными стенами римской цитадели, то есть впущена в культурный слой античного времени. Диаметр ее верха 2,50 м, дна 1,95×2,35 м, глубина 1,10 м. Контуры ямы в процессе эксплуатации деформировались. Каменные блоки, являвшиеся ее стенами с юга и запада, настолько пережжены, что выкрошились и приобрели синевато-красный цвет.

С севера стенка земляная и прокалена на 0,05—0,1 м. Верхняя часть заполнения состоит из серого пережженного грунта со значительным содержанием золы и горелого дерева. Ниже шли бутовые известняковые камни, сложенные по центру ямы горкой; между ними было большое количество извести, ошлакованной глины, а на самом дне лежал спекшийся слой чистой извести толщиной 0,15—0,40 м. Все камни тоже были синевато-красного цвета с глубокими порами, образовавшимися от выжигания извести. Таким образом, есть основания полагать, что в яме выжигали известь.

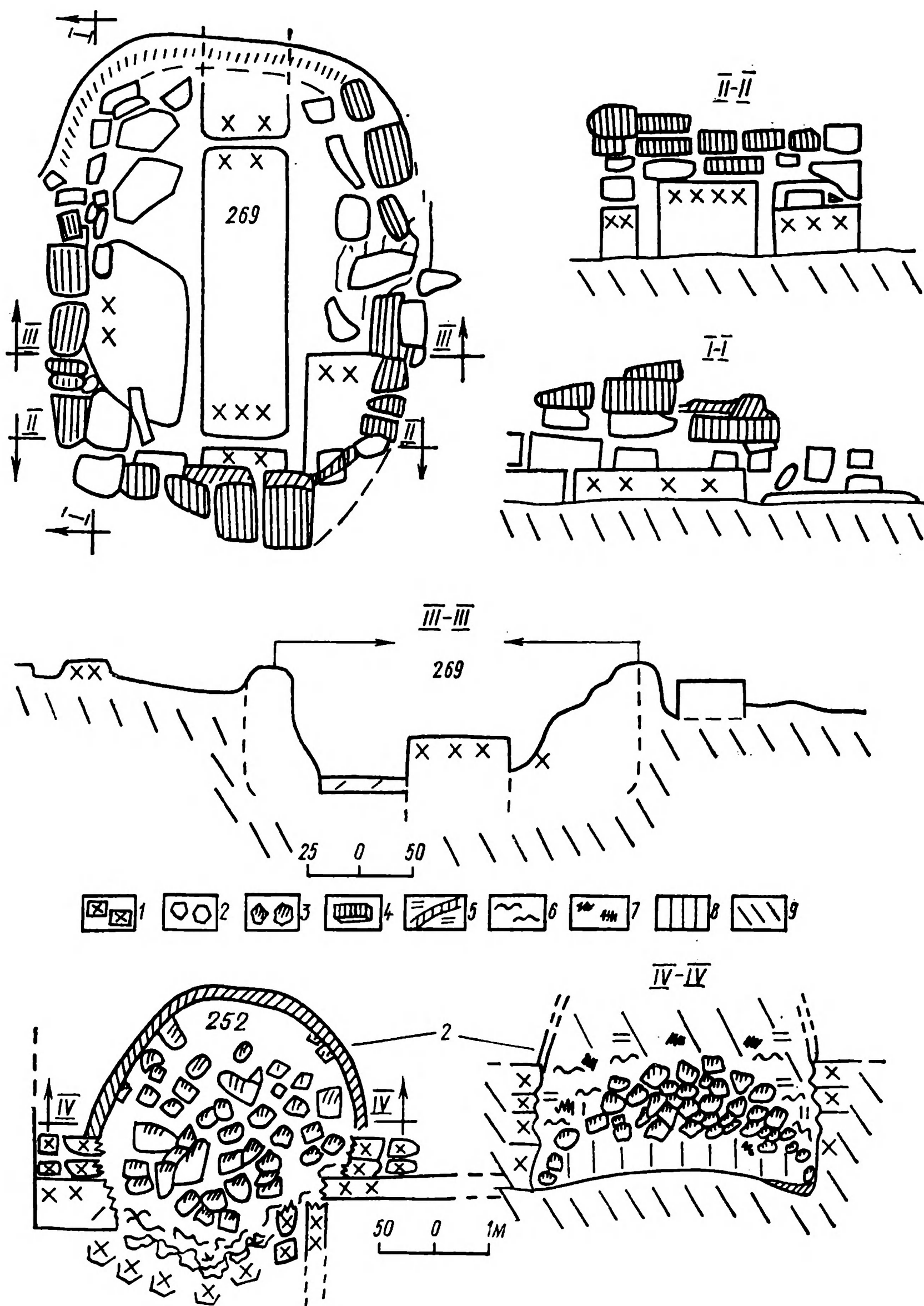

Рис. 11. План, разрез и фасировка стен печи 269. План и разрез ямы 252:
 1 — античные кладки; 2 — бутовые камни; 3 — обожженные камни; 4 — кирпич-сырец; 5 —
 обожженная глина; 6 — зола; 7 — древесные угли; 8 — известь; 9 — культурный слой.

Аналогичные ямы или печи, расположенные вблизи гончарных горнов, были обнаружены у с. Бравичены МССР и датируются XIV в. (Чеботаренко, Бырня, 1960, с. 47—49).

Из этого видно, что строительный материал, необходимый для сооружения печей (и, надо полагать, других объектов), изготовлялся

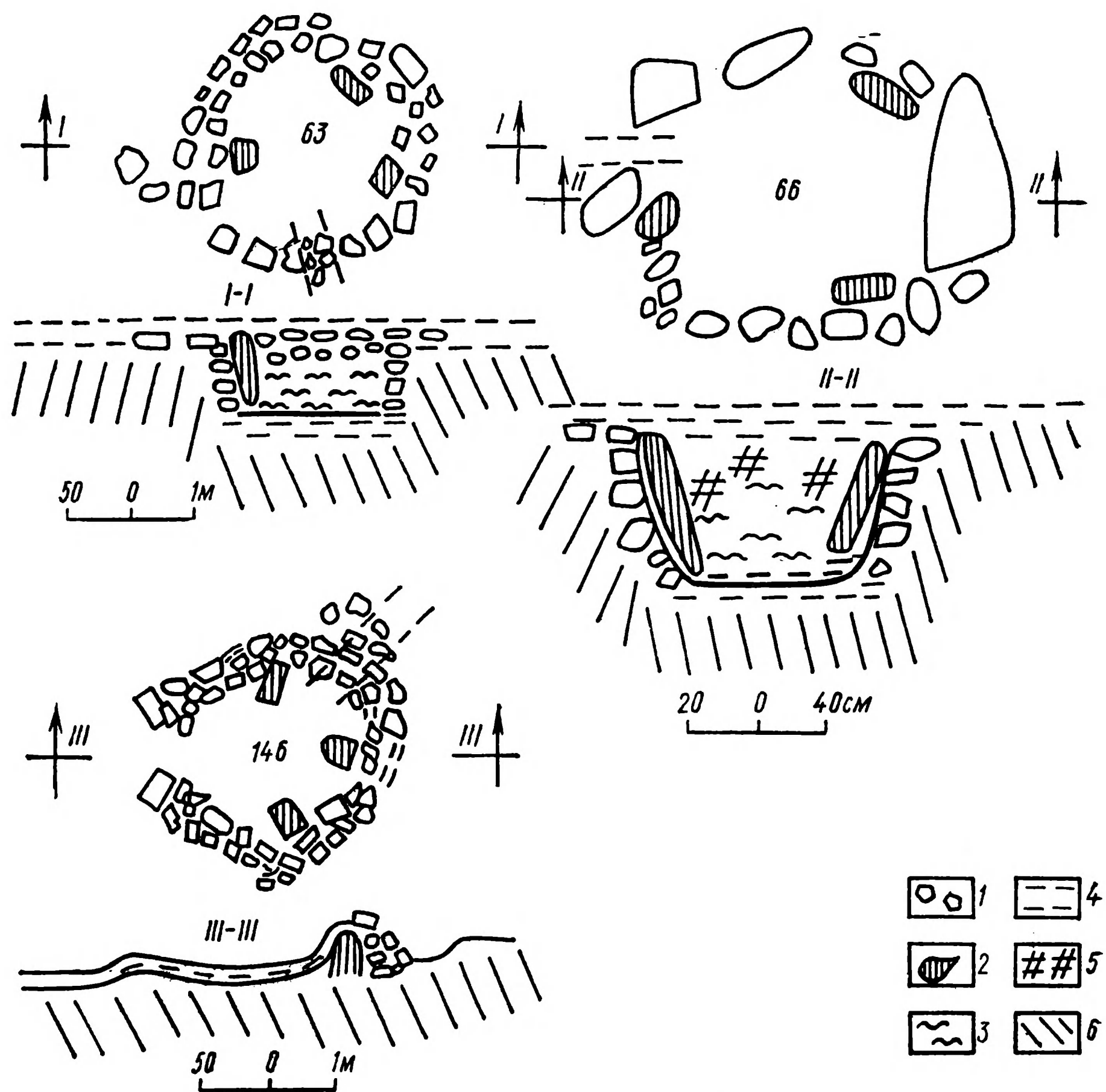

Рис. 12. Планы и разрезы печей 63, 66, 146:

1 — бутовые камни; 2 — камни приставные к стенам; 3 — зола; 4 — желтая глина; 5 — обожженные обломки глинобитного перекрытия; 6 — культурный слой.

на месте. Следует только отметить, что кирпич, обжигаемый в описанных печах, применялся в жилищах крайне редко (Дмитров, 1955, с. 111; Кравченко А., 1976, с. 133 и сл.).

Все описанные выше печи были связаны между собой каменными вымостками (рис. 1).

Вымостка 2 соединяла печи 24 и 25 с печью 269 и ямой 252. Она ориентирована с востока на северо-запад и запад (западный участок обозначен 302). Огибая печи 24 и 25 вокруг, она проходила между печью 269 и ямой 252. Общая протяженность ее 33—35 м, ширина от 0,8 до 2 м, толщина 0,25—0,5 м. Вымостка состоит из плотно сложенных в один-два, а местами и три горизонтальных ряда камней ($0,15\text{—}0,2 \times 0,07\text{—}0,1$ м). В качестве нивелировочных подсыпок под вымостку использовалась мелкая галька с окатанной керамикой, обычно принимаемая с берега лимана, известняковая крошка и перемешанный культурный слой, содержащий античный материал.

Вымостка 60, длиной 4 м, подходила к печам 123 и 130. Для ее устройства была использована античная кладка, идущая в направлении север — юг и упирающаяся своими торцами с юга в наружную кладку башни, с севера соединявшаяся с вымосткой 2. Уровни поверхностей вымосток 2 и 60 примерно одинаковые. В 1970 г. сверху на вымостке 60 был найден клад, состоящий из 17 золотоордынских монет первой половины XIV в. (Нудельман, 1974, с. 199—200). Клад свидетельствует о том, что вымосткой 60 пользовались, вероятно, и после прекращения функционирования печей.

На участке между печами 24, 25, 123, 130 мощеных дорожек не выявлено. Здесь наблюдались неоднократные перепланировки, нарушившие или уничтожившие предшествующие строительные остатки и позднейшие вторжения.

Как уже отмечалось выше, в верхнем, самом позднем слое золотоордынского времени, в этом же месте обнаружены еще три печи (63, 66 и 146), отнесенные нами ко второму типу.

Печь 63 расположена к югу от горнов 24 и 25. Сохранилась лишь ее нижняя заглубленная часть, имеющая в плане форму неправильного круга. Размеры ее по внешнему контуру устья $1,60 \times 1,80$ м, высота стен 0,42—0,46 м, толщина 0,18—0,20 м, диаметр пода 0,62—0,64 м. Стены сложены из мелкого бутового камня на глиняном растворе, высотой в четыре ряда. Край устья обложен необработанными каменными плитками ($0,29 \times 0,29 \times 0,19$ м, $0,2 \times 0,14 \times 0,05$ м). С уровня сохранившегося устья по-видимому возвышалось глинобитное куполообразное перекрытие с горловиной в центре. Глиняный под горизонтальный, не обожженный, находится на уровне первого ряда кладки стен (рис. 12).

Отличительной чертой этой печи от печей, расположенных в жилищах, является наличие в ее полости трех крупных камней ($0,48 \times 0,37 \times 0,07$ м, $0,52 \times 0,21 \times 0,1$ м), приставленных вертикально к стенам примерно на одинаковом расстоянии один от другого. Грубо обработанные камни и стены были обмазаны глиной. Остатки обмазки сохранились в углах, образованных приставными камнями и стенами. На уровне пода находилось вытяжное отверстие, обращенное на юг, длиной с наружной стороны 0,40 м, высотой 0,12 м, шириной 0,22 м.

Отверстие внутри обмазано глиной и слегка обожжено. Все камни с внутренней стороны, особенно в верхней части, прокалены на 0,03—0,04 м. На поде лежал слой чистой золы от мягкого топлива толщиной 0,32—0,34 м, перекрытый плотным слоем желтой глины (0,1 м) с включением обожженной известняковой крошки. В заполнении найдены обломки поливной посуды с врезным орнаментом, в том числе обломки красно-желтого ленточной техники сосуда с вертикальными проложенными полосами. Эта группа керамики представлена в Бел-

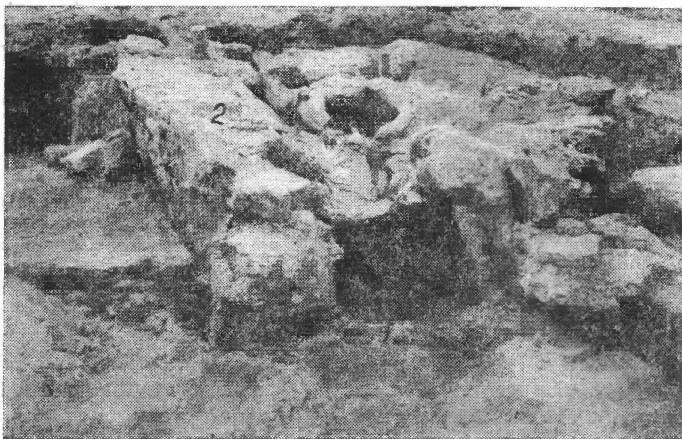

Рис. 13. Печь 146:
1 — устье; 2 — глинобитный свод с горловиной.

городе довольно значительным количеством фрагментов, в том числе и бракованных. Такая керамика известна на памятниках XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье (Полевой, 1964, с. 182; Рафалович, Полевой, 1964, с. 241—247).

Печь 66 расположена рядом с печью 63 к северо-западу от нее на расстоянии 0,8 м. Конструкция ее аналогична печи 63, отличается только формой плана. Она прямоугольная, со сторонами $0,65 \times 0,85$ м. Степень обжига такая же сильная, синевато-красного цвета в верхней части, как и в печи 63. Во внутрь ее ввалился фрагмент массивной глиняной горловины, являвшейся частью купольного перекрытия. На поде лежал слой золы, куски печины с землей и желтая глина (рис. 12).

Печь 146 расположена вблизи от печи 269, имела подковообразную форму. По своей конструкции в целом не отличалась от печей 63 и 66, за исключением того, что у нее на уровне глиняного пода было боковое устье (топка шириной 0,30 м), обращенное на юг. Диаметры по внутреннему контуру $1,37 \times 1,10$ м, высота стен 0,45 м. В этой печи также наблюдался сильный обжиг внутренних конструкций в верхней части (рис. 12; 13).

Если сравнить эти печи с одновременными печами, найденными в Костештах (Полевой, 1969, с. 99—103) и в Херсонесе (Якобсон, 1950, с. 163—165), то общим для всех их являются малые размеры, глинобитное купольное перекрытие и прокаленность внутри. Печь в Костештах одноярусная, наземная с глинобитными стенами. В Херсонесе такие же печи стояли на каменном фундаменте. В таких печах обжигалась поливная и неполивная посуда.

Наши печи конструктивно очень похожи на печи из Крыма и Молдавии, однако отличаются от них заглубленностью нижней топочной части, каменными стенами и приставными камнями внутри. Последние, заметим, значительно уменьшали объем топки и для бытовых целей были бесполезны. Напомним, что в бытовых печах жилищ под выложен каменными плитками или черепицей. Следовательно, верхняя подкупольная часть данных печей служила какому-то специальному назначению. В таком случае приставные камни использовались, возможно, в качестве опоры. К сожалению, ни в одной из печей этого типа никаких следов подкупольных конструкций не прослежено, поскольку все верхние части сnivelированы и перекрыты глинобитной площадкой толщиной 0,1 м (63, 66), относящейся, очевидно, ко времени молдавского города.

Таким образом, обжигательные печи сконцентрированы в одном месте, что свидетельствует, быть может, о существовании в Белгороде на исследуемом участке специализированного района гончаров-ремесленников, который впоследствии, при расширении границ города вглубь от прибрежной полосы лимана, был вытеснен в другой район, а на его месте расположились жилые помещения.

Судя по количеству и качеству, разнообразию и назначению найденной при раскопках керамической продукции, можно утверждать, что гончарное ремесло было одним из наиболее развитых.

Сложные конструктивные решения белгородских печей в техническом отношении стоят на более высоком уровне по сравнению с близкими к ним печами Молдавии. Однако некоторые особенности строительных приемов наших печей во многом сходны с крымскими средневековыми, что указывает на продолжение традиций, сложившихся в период средневековья в Северно-Причерноморском бассейне.

Более отдаленные аналогии, ведущие в Поволжье и другие области, говорят о широком распространении в рассматриваемое время аналогичных принципов устройства сооружений такого типа и назначения.

ЛИТЕРАТУРА *

Материалы и исследования по истории и археологии Тиры-Белгорода

- [Авакян] *Avakian G.* Ştiri nouă din Tiras.—Cron. numismatică şi arheol., 1924, 5, N 49—50, p. 3—22.
- [Авакян] *Abakian G.* Săpăturile de la Cetatea Albă.—Anuarul Comisiunii monumentelor istorice. Secția din Basarabia, 1931, 3, p. 47—104.
- [Авакян] *Avakian G.* Ştiri nouă din Tyras.—Ibid., p. 105—114.
- Анохин В. А. Клад монет начала III в. н. э. из Тиры.—Stud. şi cerc. de numismatică, 1975, 6, p. 63—67.
- Анохин В. А., Пушкарев В. П. Античные монеты из Тиры.—Нумизматика и сфрагистика, 1965, вып. 2, с. 194—201.
- Беккер П. В. Тирас и тириты.—ЗООИД, 1850, 2, отд. 2—3, с. 416—469.
- Беккер П. В. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям.—ЗООИД, 1853, 3, с. 151—209.
- Бертъе-Делагард А. Л. О состоянии Аккерманской крепости.—ЗООИД, 1900, 22, с. 75—82.—Протоколы.
- [Братиану] *Bratianu G. I.* Contribution à l'histoire de Cetatea Alba aux XIII—XIV siècles.—Bull. section hist. Acad. Roum., 1927, 3, p. 19—36.
- [Братиану] *Bratianu G. I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba.—Bucureşti, 1935.—68 p., pl.
- Брун Ф. К. О местоположении Тираса.—ЗООИД, 1853, 3, с. 47—66.
- Василенко Б. А. Торговельні зв'язки Тіри в кінці V—I ст. до н. е. за даними керамічних клейм.—В кн.: Матеріали наук. сесії молодих вчених Одес. ун-ту. 1968, с. 145—149.
- Войцеховский В. А. Этапы строительства крепости в Белгороде-Днестровском.—В кн.: Материалы и докл. Пятой науч.-техн. конф. Кишинев. политехн. ин-та. 1969, с. 341—349.
- Войцеховский В. А. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском.—В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века, Кишинев, 1972, т. 1. с. 371—374.
- [Диль] *Diehl E.* Tyras (2).—Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, 1948, 7, Sp. 1850—1863.
- Дмитров Л. Д. Розкопки в Тірі — Акермані — Білгороді-Дністровському.—Археологія, 1948, 2, с. 210—211.

* В тексте фамилии авторов приводятся без инициалов (за исключением однофамильцев) и в русской транскрипции.

- Дмитров Л. Д. Белгород-Днестровська археологічна експедиція.— АН УРСР, 1949, 2, с. 39—52.
- Дмитров Л. Д. Розкопки в місті Белгороді-Днестровському в 1947 р.— АП УРСР, 1952, 4, с. 59—64.
- Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 р.— АП УРСР, 1955, 5, с. 111—123.
- Дмитров Л. Д. Тира.— В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. К.: Вид-во АН УРСР, 1957, с. 270—276.
- Зограф А. Н. Монеты Тир.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 132 с. + табл.
- Карышковский П. О. Надписи Тир.— ВДИ, 1959, № 4. с. 111—126.
- Карышковский П. О. Дополнение к эпиграфическим свидетельствам о Тире.— ВДИ, 1966, № 2, с. 149—153.
- Карышковский П. О. Из истории Тир в I—II в. н. э.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 149.
- Клейман И. Б. К вопросу о пребывании в Тире Первой Килийской когорты.— КС ОАМ за 1963 г., Одесса, 1965, с. 179—182.
- Клейман И. Б. Статуэтки из Тир.— Археология СССР: Свод археол. источников, 1970, вып. Г1-11, с. 25—27.
- Клейман И. Б. Раскопки помещения вексилляции Первого Итальянского легиона в Тире.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 229—238.
- Клейман И. Б. Материалы из керамических комплексов Тир II—IV в. н. э.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л.: Эрмитаж, 1973, с. 16—18.
- Клейман И. Б. Римская цитадель в Тире.— В кн.: Новые открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. 2, с. 92—93.
- Клейман И. Б. Основные результаты раскопок Тир и средневекового Белгорода (1963—1974).— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (1825—1975). Киев: Наук. думка, 1975, с. 110—112.
- Клейман И. Б. К стратиграфии напластований римского времени в Тире.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 109—119.
- Клейман И. Б., Кравченко А. А. Раскопки Тир и Белгорода.— Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 288—289.
- Клейман И. Б., Кравченко А. А., Корпусова В. Н. Раскопки Белгород-Тирской экспедиции.— Археол. открытия 1973 г., М., 1974, с. 285.
- Клейман И. Б., Кравченко А. А., Самойлова Т. Л., Сон Н. Белгород-Тирская экспедиция Одесского археологического музея АН УССР.— Археол. открытия 1976 г., М., 1977, с. 303—304.
- Клейман И. Б., Кравченко А. А., Сон Н. Раскопки в г. Белгород-Днестровский Одесской обл.— Археол. открытия 1975 г., 1976, с. 335—337.
- Кондаков Н. П. О некоторых мелких находках древности, найденных в Аккермане в 1867 г.— В кн.: Тр. Второго археол. съезда, СПб, 1876, вып. 1, с. 20—24.
- [Константиnescу] *Constantinescu N.* Contribuții la cunoașterea ceramicii bizantine de la Cetatea Albă.— Stud. și cer. istorie veche, 1959, 10, N 2, p. 441—451.
- Кочубинский А. А. Лапидарные надписи XV в. из Белгорода, что ныне Аккерман.— ЗООИД, 1889, 15, с. 506—547.
- Кочубинский А. А. Тура (Тирас) — Белгород — Аккерман и его новая надпись от 1454 г.— ЗООИД, 1901, 23, с. 79—198.
- Кравченко А. А. Средневековая гончарная печь в Белгороде-Днестровском.— Археол. открытия 1968 г., М., 1969, с. 322—324.
- Кравченко А. А. Торговые связи Белгорода в XIII—XIV вв.— В кн.: Тези доп. XV наук. конф. Ін-ту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 405—407.
- Кравченко А. А. Исследования золотоордынского слоя в Белгороде-Днестровском.— В кн.: Новые открытия советских археологов. Киев: 1975, ч. 3, с. 115—116.
- Кравченко А. А. Ремесленное производство золотоордынского Белгорода.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (1825—1975). Киев: Наук. думка, 1975, с. 176—177.
- Кравченко А. А. Жилые комплексы золотоордынского Белгорода.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 131—143.

- Кравченко А. А., Клейман И. Б.* Раскопки Белгорода-Тыры в 1963 и 1965—1968 г.— В кн.: Матеріали XIII наук. конф. Ін-ту археології АН УРСР. К.: Наук. думка, 1972, с. 203—205.
- Кравченко Н. М.* К вопросу о взаимосвязях позднеантичной Тыры и варварских племен (черняховская культура).— В кн.: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л.: Эрмитаж, 1973, с. 19—21.
- Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, вып. 18, с. 20—42.
- Крыжицкий С. Д.* Стан і завдання археологічних досліджень Тіри-Білгорода.— Вісн. АН УРСР, 1972, № 7, с. 47—53.
- Крыжицкий С. Д.* Итоги и задачи археологического исследования Тыры-Белгорода.— В кн.: Тези доп. XV наук. конф. Ін-ту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 223—227.
- Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Открытие оборонительных сооружений Тыры.— Археол. открытия 1970 г., М., 1971, с. 258—259.
- Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Розкопки Тіри і середньовічного Білгорода в 1969 р.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні. К.: Наук. думка, 1972, с. 177—181.
- Крыжицкий С. Д., Шилик К. К.* Подводные исследования в Ольвии и Тире.— Археол. открытия 1971 г., М., 1971, с. 396—397.
- Максимов Е. В.* Новый памятник первых веков н. э. в Тире.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 80—83.
- Меликсет-Беков Л. М.* Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии).— Тифлис: Эпоха, 1911.— 24 с.
- Мурзакевич Н. Н.* Аккерманские греческие надписи.— ЗООИД, 1850, 2, отд. 2-3, с. 480—483.
- [Никореску] *Nicorescu P.* Scavi e scoperte a Tyras.— Ephemeris Dacoromana, 1924, 2, p. 378—415.
- [Никореску] *Nicorescu P.* Cetatea Albă.— Craiova, 1931,— 33 p. 24 pl.
- [Никореску] *Nicorescu R.* Fouilles de Tyras.— Dacia, 1933, 3-4, p. 557—601.
- [Никореску] *Nicorescu P.* Garnizoana romană in sudul Basarabiei.— Acad. Româna. Memoriile secțiunii istorice, Ser. 3, 1937, 19, p. 217—222.
- [Никореску] *Nicorescu P.* O inscripție împăratului Traian găsită la Cetatea Albă.— Ibid., 1944, 26, p. 501—510.
- Рабинович М. Г.* Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 г.— КСИА, 1968, вып. 113, с. 102—107.
- Рабинович М. Г.* Молдавский дом XV в. из Белгорода-Днестровского.— В кн.: Тези доп. XV наук. конф. Ін-ту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 404—405.
- Струве Ф. А.* Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 г.— ЗООИД, 1867, 6, с. 605—611.
- Тораманян А. Х.* Об архитектуре и о времени возведения цитадели в г. Белгороде-Днестровском.— В кн.: Тези доп. XV наук. конф. Ін-ту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 403—404.
- Фурманская А. И.* Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нової ери.— Археологія, 1957, 10, с. 80—93.
- Фурманская А. И.* Новый эпиграфический памятник из Тыры.— СА, 1960, № 4, с. 173—179.
- Фурманская А. И.* Розкопки Тіри в 1958 р.— Археол. пам'ятки УРСР, 1962, 11, с. 122—137.
- Фурманская А. И.* Античный город Тира.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 40—50.
- Фурманская А. И.* Клад монет из Тыры.— Нумизматика и сфрагистика, 1963, вып. 1, с. 76—86.
- Фурманская А. И.* Исследование Тыры.— КС ОАМ за 1962 г., Одеса, 1964, с. 56—63.
- Фурманская А. И., Лапин В. В.* Тіра.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ: Наук. думка, 1971, т. 2, с. 311—320.

- Фурманская А. И., Максимов Е. В. Раскопки в Белгороде-Днестровском.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 64—66.
- Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1962, № 2, с. 95—102.
- Штаерман Е. М. Керамические клейма из Тиры.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 31—49.
- Штерн Э. Р. О последних раскопках в Аккермане.— ЗООИД, 1901, 23, с. 33—61.
- Штерн Э. Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г.— ЗООИД, 1913, 31, с. 92—101.— Протоколы.
- Юргевич В. Н. Монеты города Тиры, хранящиеся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, 1889, 15, с. 1—12.

Материалы и исследования по общим проблемам археологии

- Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР.— М.: Наука, 1966.— 112 с. + табл.— Археология СССР: Свод археол. источников. (Вып. Д1-30).
- [Андрионик] *Andronic A. A.* Contribuții arheologice la istorie orașului Jași în perioada feudală.— *Archeologia Moldovei*, 1961, 1, p. 271—281.
- [Андрионик] *Andronic A. A.* Ceramica otomana descoperită la Jași.— *SCIV*, 19, N 1, p. 159—168.
- [Андрионик, Нямцу, Дину] *Andronic A. A., Neamțu E., Dinu M.* Le résidence princière de Jași.— *Dacia*. N. S., 1970, 19, p. 335—388.
- Беккер П. В. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям.— ЗООИД, 1853, 3, с. 151—201.
- [Бернгард] *Bernhard M.* Lampki starożytne.— Warszawa: PAN, 1955.— 400 s., 165 tab.
- [Бернгард] *Bernhard M.* Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit: Textband und Tafelband. Halle a/S, 1926. 420 + 38S. + 102 Taf.
- Бертье-Делагард А. Л. К вопросу о местонахождении Маврокастропа «Записки готского топарха».— ЗООИД, 1919, 33, с. 1—20.
- Блаватский В. Д. Культурный слой античного городища.— КСИИМК, 1950, вып. 35, с. 55—59.
- Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 230 с.
- Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э.— *Archeologia Polona*, 1973, 14, s. 215—222.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк греческого лапидарного письма на Боспоре.— Нумизматика и эпиграфика, 1962, 3, с. 3—31.
- Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность.— М.: Наука, 1975.— 336 с.
- Брун Ф. К. Путешествия и посольства Гильбера де Ланнуа.— ЗООИД, 1853, 3, с. 433—465.
- Брун Ф. К. Черноморье.— Одесса, 1879. Ч. 1.— 278 с.
- Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4, с. 95—105.
- Булатов Н. М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах.— Вестн. Моск. ун-та. История, 1969, № 2, с. 46—59.
- Буриков А. В. Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры.— Киев: Наук. думка, 1976.— 160 с.
- Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря.— Одесса: Тип. Шульц, 1884.— Ч. 1. 290 с. + 32 табл.
- Бырина П. П. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 г.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 г. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 183—200.
- Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорзема (IX—XII в.).— В кн.: Хорзем. археол.-этногр. экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959, 4, с. 261—342.

- [Вебер] *Weber E. F. Griechische und Römische Münzen/Sammlung* Consul E. F. Weber.— München: Hirsch, 1909, 60 S. + 102 Taf.
- Велков В. Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э. ВДИ, 1961, № 2, с. 69—82.
- Ветштейн Р. И. Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры.— В кн.: Ольвия, Киев: Наук. думка, 1975, с. 164—191.
- Гайдучевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 г.— МИА, 1952, № 25, с. 135—220.
- Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1, с. 114—136.
- Герасимов Т. Монеты от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сариа.— Изв. на Варненско-то археол. дружество. 1953, кн. 9, с. 53—58.
- [Геров] *Gero V. Die Invasion der Carpen im J. 214.*— In: Acta of the fifth international congress of greek and latin epigraphy (Cambridge, 1967). Oxford: Blackwell, 1971, p. 431—436.
- Голенко К. В. Второй Патрэйский клад монет (1951).— Нумизматика и эпиграфика, 1960, 1, с. 223—289.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 478 с.
- Гриневиц К. Э. Стены Херсонеса Таврического.— Херсонес. сб., 1927, вып. 2, с. 5—104.
- Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука Молдавской ССР.— М.: Наука, 1970.— 125 с.
- Джапаридзе В. В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII в.— СА, 1953, 17, с. 197—210.
- Диакону Г. О молдавских крепостях XIV—XV в.— Dacia. N. S., 1959, 1, p. 535—552.
- [Диакону] *Diaconu G. Tîrghor. Necropola din secolele III—IV e. n. Bucureşti: Editura Academiei RPR, 1965.— 332 p., 182 pl.*
- [Доруциу-Бойлэ] *Doruţiu-Boilă E. Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunarea de jos.— SCIV, 1972, 23, N 1, p. 45—61.*
- [Доруциу-Бойлэ] *Doruţiu-Boilă E. Incursiunea carpilor din anul 214 e. n.— SCIV, 1973, 24, N 3, p. 435—441.*
- Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV в.— История СССР, 1969, № 4, с. 39—50.
- Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая.— МИА, 1970, № 164, с. 172—193.
- Ефименко П. П., Шовкопляс И. Г. Археологические открытия на Украине за последние годы.— СА, 1954, 19, с. 4—40.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— М., 1960.— 180 с. (МИА; № 83).
- Зограф А. Н. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935—1936 г.— В кн.: Ольвия, Киев: Изд-во АН УССР, 1940, т. 1, с. 211—256.
- Зограф А. Н. Античные монеты.— М. 1951.— 264 с. + 50 табл. (МИА; № 16).
- Кадеев В. М. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV в. н. э.— Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1970.— 162 с.
- Карышковский П. О. Из истории поздней Ольвии.— ВДИ, 1968, № 1, с. 167—179.
- Карышковский П. О. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 78—86.
- [Кэмпбелл] *Campbell L. A. Mithraic iconography and ideology.— Leiden, 1968.— 362 p.*
- [Кеннер] *Kenner E. Der römische Medaillon.— Numismatische Z., 1887, 19, S. 1—173.*
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры.— МИА, 1952, № 25, с. 289—326.
- Книпович Т. Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии.— Нумизматика и эпиграфика, 1966, 4, с. 3—30.
- Котляр Н. Ф. Левантийская торговля Львова XIV—XV в. по нумизматическим данным.— Нумизматика и эпиграфика, 1966, 4, с. 135—148.
- [Коэн] *Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain.— Paris, 1880—1892. T. 1—8.— Réimprimée à Graz, Autriche, 1955.*

- Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— М.: Наука, 1961.— 134 с. + табл. Археология СССР: Свод археол. источников. Вып. Г4-4.
- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. М.: Наука, 1970. Археология СССР: Свод археол. источников. Вып. Д1-27.
- Круг О. Ю., Бажанов Э.* Классификация и хронология светлоглиняных амфор.— СА, 1967, № 1, с. 52—59.
- Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины.— МИА, 1951, № 19, с. 87—106.
- Крушкол Ю. С.* Монеты с монограммами из Патрэйского клада. 1950 г.— ВДИ, 1952, № 3, с. 137—147.
- Крижицкий С. Д.* Про методику опису кладок міст Північного Причорномор'я VII ст. до н. е.— IV ст. н. е.— Археологія, 1965, 18, с. 39—47.
- Крижицкий С. Д.* Елліністичні житлові будинки Ольвії.— Археологія, 1969, 22, с. 90—119.
- Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийските амфори IV—VI в.— Археология, 1973, год. 15, кн. 1, София. с. 14—21.
- [Кюмон] *Cumont F.* Fragment de bouclier portant une liste d'étapes: Syria.— Paris, 1925, 4, fasc. 1, p. 1—15.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 г.— СПб. 1892.— 65 с.— (Материалы по археологии России; № 9).
- Ломтадзе Г. А.* Результаты и перспективы археологического изучения города Тбилиси.— СА, 1959, № 4, с. 61—73.
- [Мартинович] *Martinovici T.* Ceramica din două jumătate a sec. XY-lea de pateritoriu Suceavei.— Materiale și cercetări arheologice, București, 1957, 4, p. 361—370.
- Мелентьева Г. М.* Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э.— КСИА, 1969, вып. 116, с. 23—28.
- Миллер Ю.* Художественная керамика Турции.— Л.: Аврора, 1972.
- [Миннс] *Minns E. H.* Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology of north coast of the Euxine.— Cambridge: Cambridge univ. press, 1913.— 40 + 720 p. 9 pl.
- Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3, с. 118—131.
- Мохов Н. А.* Общественно-экономические предпосылки образования феодальной монархии в Молдавии.— Учен. зап. Кйшинева. ун-та, 1950, 2, с. 11—25.
- [Мурзакевич] *Murzakewicz N. D.* Descriptio numorum veterum Graecarum et Romanorum qui inveniuntur in Museo N. Murzakewicz.— Odessae: Officina Urbis, 1835.— 2 + 68 p., 4 pl.
- Мушмов Н. А.* Античные монеты на Балканский полуостров и монеты на болгарские царств.— София: Печ. Гавазов, 1912.— 510 с., 70 табл.
- [Николеску] *Niculescu C.* Ceramica otomana de Isnik din secolele XVI—XVII găsite în Moldova.— Archeologia Moldovei, 1967, 5, p. 287—308.
- Нудельман А. А.* Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 г.— В кн.: Археол. исследования в Молдавии (1973). Кйшинева, 1974, с. 199—203.
- Параска П. Ф.* Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кйшинева: Штиинца, 1972, с. 175.
- [Пик] *Pick B.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien.— Berlin: Reimer, 1898.— Bd. 1.— 15 + 522 S., 20 Taf.
- [Пипиди] *Pippidi D. M.* Contribuții la istoria veche a României: Editia a doua revăzută și mult sporită.— București: Științifică, 1967.— 600 p. 30 pl.
- Полевой Л. Л.* К истории денежного обращения в Юго-Западной Руси и Молдавии.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1955, № 5, с. 85—94.
- Полевой Л. Л.* К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавской ССР в XIII—XIV в.— Изв. Молд. АН СССР, 1956, № 4, с. 91—105.
- Полевой Л. Л.* Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье.— В кн.: Материалы по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кйшинева: Штиинца, 1964, с. 182—196.

- Полевой Л. Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. Костешты.— В кн.: Материалы по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1964, с. 166—181.
- Полевой Л. Л. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в.— СА, 1965, № 3, с. 66—80.
- Полевой Л. Л. Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом с граффито Карпато-Дунайских земель.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев. 1968, с. 125—136.
- Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.— Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1969.— 210 с.
- Полевой Л. Л., Бырня П. П. Средневековые памятники XIV—XVII в.— Кишинев: Штиинца, 1974.— 116 с.— (Археол. карта Молд. ССР. Вып. 7).
- Полевой Л. Л., Рафалович И. А. О городской керамике Днестровско-Прутского междуречья.— Изв. Мол. фил. АН СССР, 1960, № 4, с. 55—63.
- [Попеску-Спинень] *Popescu-Spineni M.* România în istoria cartografiei pînă la 1600.— București: 1938.— 264 p.
- [Преда, Нубар] *Preda C., Nubar H.* Histria III: Descoperirile monetare 1914—1970.— București: Ed. Academie R.S.R., 1973.— 258 p.
- Рафалович И. А., Полевой Л. Л. Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово 1.— В кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1964, с. 241—247.
- Рикман Э. А. Памятники древнего искусства Молдавии (по археологическим данным).— Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1961.— 40 с.
- Рикман Э. А. Черняховское селище Делакеу.— МИА, 1967, вып. 139, с. 165—196.
- Рикман Э. А. Художественные сокровища древней Молдавии.— Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1969.— 112 с.
- Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестро-Прутского междуречья.— СА, 1972, № 4, с. 84—101.
- Рикман Э. А. Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э.— М.: Наука, 1975.— 336 с.
- Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1971.— 178 с.
- [Робинсон] *Robinson H.* Pottery of the roman period.— In: The Athenien agora. Princeton (N. J.), 1959, vol. 5.
- Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар.— СА, 1972, № 3, с. 149—163.
- Семенов-Зусер С. А. Торговый путь к Ольвии.— Учен. зап. Харьк. ун-та, 1940, 19, с. 79—103.
- Сенкевич В. М. Образование Молдавского государства.— Учен. зап. Кишинев. пед. ин-та, 1949, 1, с. 71—89.
- Силантьева П. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 1958, № 85, с. 283—311.
- Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография.— МИА, 1954, № 42, с. 302—324.
- Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды.— СА, 1959, № 4, с. 128—134.
- Смирнов Г. Д. Заселение романизированными племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев: Штиинца, 1960, с. 309—316.
- Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхей.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1960, № 4, с. 77—88.
- Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе.— ВДИ, 1966, № 2, с. 165—171.
- Стемковский И. А. Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского.— СПб., 1826.— 82 с.
- [Стоян] *Stoian I.* Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cerății Tomis.— București: Ed. Academiei RPR, 1962.— 380 p.

- Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона).— Сообщ. Херсонес. музея, 1969, вып. 4, с. 7—29.
- Сымонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 117, с. 270.
- Сымонович Э. А. Игратьно-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры.— СА, 1964, № 3, с. 307—311.
- Сымонович Э. А. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139, с. 205—237.
- [Тудор] Tudor D. La prétendue guerre de Caracalla contre les Carpes. Latomus, 1962, 19, fasc. 2, p. 350—356.
- Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет.— Нумизматика и эпиграфика, 1960, 1, с. 94—192.
- Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет.— Нумизматика и эпиграфика, 1963, 4, с. 165—221.
- Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 г.— СА, 1964, № 1, с. 248—271.
- Федоров-Давыдов Г. А. Культура и общественный быт золотоордынских городов.— М.: Наука, 1964.
- Федоров-Давыдов Г. А. Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 г.— СА, 1966, № 2, с. 233—248.
- Федорова Е. В. Латинская эпиграфика.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 374 с.
- [Фитц] Fitz J. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior.— Weimar, 1966.— 92 S.
- Формозов А. А. О критике источников в археологии.— СА, 1977, № 1, с. 5—14.
- Хованская А. С. Гончарное дело города Болгара.— МИА, 1954, № 42, с. 340—368.
- Хынку И. Г. Археологические исследования Лимбарь-Кэпрерия.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 г. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 159—183.
- [Хэд] Head B. V. A catalogue of greek coins in the British museum. Macedonia.— London: Quaritch, 1899.— 200 p.
- Чангова И. Към проучването на сграфито керамика в България от XII—XIV в.— Археология, 1962, София, год. 4, кн. 2, с. 25—33.
- Чеботаренко Г. Ф. Материалы к археологической карте памятников VIII—X в. южной части Пруто-Днестровского междуречья.— В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1969, с. 211—229.
- Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1960, № 4, с. 45—52.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М.: Наука, 1972.
- Шилик К. К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене: Автореф. дис. канд. геогр. наук.— Л., 1975.— 12 с.
- Шовкопляс І. Г. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957).— К.: Вид-во АН УРСР, 1957.— 424 с.
- [Штейн] Stein A. Die Legaten von Moesien.— Budapest, 1940.— 140 S.— (Dissertationes Pannonicae. Ser. 1; Fasc. 11).
- Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России.— ЗООИД, 1901а, 23, с. 1—32.
- Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика.— Одесса: Тип. Шульце, 1906.— 92 с.— (Музей Одес. об-ва истории и древностей. Вып. 1).
- Шукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор.— СА, 1968, № 2, с. 41—51.
- Юргевич В. Н. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического исследования.— В кн.: Тр. Шестого археол. съезда. Одесса, 1888, т. 2, с. 29—41.
- Якобсон А. О. Средневековый Херсонес (XII—XIV в.).— М., 1950.— 250 с., 40 табл.— (МИА; № 17).
- Якобсон А. О. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму.— КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 164—172.
- Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке.— Изв. Гос. Акад. истории материал. культуры, 1931, 8, вып. 2—3.— 48 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сборники эпиграфических документов *

- КБН — *Corpus* боспорских надписей. Струве В. В., Тихомирова М. Н., Гайдукевич В. Ф. и др.— М; Л.: Наука, 1965.
- НО — Книпович Т. Н., Леви Е. И. Надписи Ольвии (1917—1965).— Л.: Наука, 1968.
- НЭПХ— Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1965—1973.— Т. 1—2.
- CIL — *Mommsen T. Corpus inscriptorum Latinarum: Consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussiae editum.*— Berolini, 1873, 3, p. 2.
Mommsen T., Hirschfeld O., Domaschewski A. Corpus inscriptorum Latinarum.— Berolini, 1902, 3, N 4-5, p. 2.
Bormann E., Henzen G. Corpus inscriptorum Latinarum.— Berolini, 1876, 6, p. 1.
Hirschfeld O. Corpus inscriptorum Latinarum.— Berolini, 1888, 12.
Histria I — Pippidi D. M. Monumente epigrafice inedite.— In: *Histria: Monografie arheologică.* [București]: Ed. Academiei RPR, [1954], p. 473—564.
Histria IV — Părvan V. Histria IV: Inscriptii găsite în 1914 și 1917.— An. Acad. Române: Memoriile secțiunii istorice. Ser. 2, 1916, 38, p. 533—706.
Histria VII — Părvan V. Histria VII: Inscriptii găsite în 1916, 1921, și 1922.— Academia Română: Memoriile secțiunii istorice. Ser. 3, 1924, 2, p. 1—131.
- IG — *Hiller de Gaertringen F. Inscriptiones Graecae.*— Berolini: editae consilio et auctoritate Academiae Regiae Borussiae, 1898, 12, p. 3.
- IGB — *Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae.*— Serdicae: edita altera emendata, 1970, 1.
- IGRR — *Cagnat R. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.*— Lutetiae Parisiorum, 1911, 1.
- IP — *Hiller von Gaertringen F. (Inscripfen von Priene.*— Berolini, 1906).
- IPE — *Latyshev. B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae: Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae etc.*— Petropoli, 1916, 1.
- OGIS — *Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum Graecarum.*— Lipsiae, 1905, 2.
- SEG — *Woodhead A. G. Supplementum epigraphicum Graecum.*— Lugduni Batavorum, 1969, 24.
- SIG — *Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum a W. Dittenbergero condita et acuta nunc tertium edita.*— Lipsiae, 1917, 2.

* Согласно установившейся традиции надписи цитируются по номерам.

Периодические издания, сборники

АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
ВДИ	— Вестник древней истории
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ОАМ	— Краткие сообщения Одесского археологического музея, Одесса
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса, Киев
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
SCIV	— Studii și cercetari de istorie veche, București

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фурманская А. И.</i> Раскопки Тиры в 1962—1963 гг.	5
<i>Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.</i> Раскопки Тиры в 1963 и в 1965—1976 гг.	19
<i>Клейман И. Б.</i> Стратиграфия культурного слоя городища Тиры — Белгорода	54
<i>Карышковский П. О.</i> Новые тирасские надписи	76
<i>Карышковский П. О., Коцевский А. С.</i> Античные монеты из раскопок Тиры	88
<i>Гудкова А. В.</i> Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II—IV вв. н. э.	99
<i>Кравченко А. А.</i> Производственные комплексы Белгорода XIII—XIV вв.	115
Литература	136
Список сокращений	144

**АНТИЧНАЯ ТИРА
И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЕЛГОРОД**

Сборник научных трудов

*Печатается по постановлению ученого совета
Одесского археологического музея АН УССР*

Редактор *А. А. Золотарева*
Оформление художника *Е. И. Муштенка*
Художественный редактор *С. И. Квитка*
Технический редактор *Г. М. Терезюк*
Корректоры *Л. И. Выровая, И. С. Евдошук,*
М. В. Гайдамак, З. П. Школьник

Информ. бланк № 116

Сдано в набор 30.06.78. Подп. в печ. 13.02.79.
БФ 01071. Формат 70×90/16. Бумага типогр. № 1.
Лит. гарн. Усл.-печ. л. 10,82. Уч.-изд. л. 10,45.
Тираж 1700 экз. Заказ 8—1725. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наукова думка». 252601. Киев,
ГСП, Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией
Львовского облполиграфиздата (г. Нестеров, ул.
Горького, 8) с матриц Головного предприятия
Республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР (г. Киев,
Довженко, 3) зак. 1666.